

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРЛИНГВИСТИКИ

ТИПОЛОГИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ
МЕЖДУНАРОДНЫХ
ИСКУССТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1976

Коллективная монография посвящена актуальным проблемам интерлингвистики, которые привлекают к себе большое внимание в нашу эпоху, эпоху «информационного взрыва» и усиливающихся международных контактов. В книге рассматриваются методологические, философские, социологические и чисто лингвистические аспекты проблемы международного вспомогательного языка. Особое место уделено вопросам искусственных языков и их проектов.

Книга адресована интерлингвистам и лингвистам широкого профиля — преподавателям, студентам, аспирантам.

Редколлегия

доктор филологических наук М. И. ИСАЕВ
(ответственный редактор)

кандидаты филологических наук

В. П. ГРИГОРЬЕВ,

С. Н. КУЗНЕЦОВ,

В. Э. СТАЛТМАНЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый сборник подготовлен секцией интерлингвистики научного совета по комплексной проблеме «Закономерности развития национальных языков в связи с развитием социалистических наций». На ее заседаниях в Институте языкознания АН СССР с 1963 г. были обсуждены десятки докладов по различным вопросам интерлингвистики¹. Материалы некоторых из этих докладов использованы для статей данного сборника, представляющего собой первую попытку осветить круг вопросов, связанных со сложными проблемами интерлингвистики. Большинство затрагиваемых проблем до сих пор не нашло достаточного освещения в науке.

Прежде всего сама интерлингвистика как языковедческая дисциплина все еще понимается по-разному. Одни ученые считают единственным ее объектом искусственные языковые проекты, другие — расширяют границы интерлингвистики, включая в нее также процессы взаимодействия языков на мировой арене, дальнейшее развитие марксистско-ленинского учения о перспективах языкового развития современного человечества и т. д.

Именно так понимает объект интерлингвистики коллектив авторов сборника, о чем свидетельствует прежде всего проблематика статей, группирующихся по трем разделам.

В первый раздел включены работы по наиболее общим проблемам. Здесь излагаются точки зрения советских языковедов, философов, социологов и историков по проблеме международного вспомогательного языка. Делается попытка постановки самой этой проблемы, исходя из марксистско-ленинской методологии и принципов решения национально-языковых вопросов в социалистическом государстве. Характеризуется современный этап движения советских эсперантистов, составляющих один из отрядов международного эсперантского движения — борцов за

¹ См. Приложение.

мир. В отдельных статьях показаны масштабы «информационного взрыва» в нашу эпоху, делающего еще более актуальным вопрос вспомогательного языка, обсуждаются вопросы паизиграфии (международной смысловой письменности) и др.

Второй раздел сборника посвящен типологии и эволюции международных искусственных языков. Предлагаемая типологическая классификация представит несомненный интерес также для лингвистов, занимающихся языковой типологией, универсалиями. В этом же разделе дается новый материал о функционировании эсперанто в различных сферах, включая поэзию.

В третьем разделе обсуждаются вопросы лингвопроектирования. Читатели могут отсюда почерпнуть немало сведений из истории отечественной интерлингвистической мысли, а также ознакомиться с одним из последних проектов вспомогательного языка.

Материалу всех трех разделов предшествует статья об интерлингвистических взглядах Е. А. Бокарева и его работы, подготовленные к печати после смерти автора и публикуемые впервые. Е. А. Бокарев был признанным главой советской интерлингвистики и руководителем эсперантского движения в нашей стране. Имя Е. А. Бокарева, интерлингвиста и эсперантиста, широко известно также за рубежом: он был первым советским ученым, избранным в 1963 г. членом международной эсперантской Академии (впоследствии туда избираются и другие советские ученые: С. В. Обручев, Г. Г. Севак, П. А. Аристе).

Интерлингвистический сборник, надо надеяться, вызовет интерес среди специалистов. Он появляется в период, знаменуемый спадом напряженности в мире и усилением международных контактов. Резкое увеличение объема научной информации при развивающихся международных связях делает еще более актуальным решение языковых проблем современного мира. Об этом свидетельствует, в частности, постановление Президиума АН СССР от 18 октября 1973 г. «О деятельности Отделения литературы и языка АН СССР», в котором говорится: «Поручить Отделению литературы и языка и Институту языкознания АН СССР изучить вопрос о вспомогательном языке международного общения; возможностях его использования в современных условиях».

Член-корреспондент АН СССР В. Н. Ярцева

М. И. Исаев

Е. А. БОКАРЕВ И ИНТЕРЛИНГВИСТИКА

Крупный советский лингвист-кавказовед Евгений Алексеевич Бокарев волею судьбы оказался на гребне эсперантско-интерлингвистического «Ренессанса», наблюдавшегося в нашей стране с конца 50-х годов. Роль подлинного главы эсперантского движения и школы интерлингвистов в СССР была обеспечена ученому всей его предшествующей научной биографией.

Для деятельности Е. А. Бокарева была характерна одинаковая активность как в области теории, так и в практической работе эсперантистов.

Е. А. Бокарев начал изучать эсперанто с 14 лет. Позднее он сам организовывал кружки эсперантистов, руководил курсами, издавал стенную газету на эсперанто. Первый период активной деятельности Е. А. Бокарева-эсперантиста совпадает со временем особого интереса к эсперанто в нашей стране. В 20 — 30-х годах увлечение искусственным языком получило наиболее широкий размах. Появилось много ценных работ по теоретическим вопросам интерлингвистики.

С конца 30-х годов, однако, наблюдается значительный спад в эсперантском движении как в нашей стране, так и во всем мире, длившийся около двух десятилетий.

Война временно приостановила развитие эсперантского движения во всех странах, ибо эсперанто — язык мира, дружбы, контактов, сотрудничества народов различных стран. Что касается нашей страны, то можно указать и на другую объективную причину приостановки дальнейшего развития движения эсперантистов.

Как известно, наша страна многонациональна. В ней проживает около 130 наций и народностей, говорящих на своих языках, из которых более или менее развитая

письменность существовала до революции лишь на двух десятках. Однако интересы культурной и социальной революции властно требовали создания письменности и на ранее бесписьменных языках, так как надлежало ликвидировать неграмотность и отсталость многочисленных народов нашей страны.

Благодаря усилиям ученых и широких кругов интеллигенции в 20—30-е годы было создано около 50 новых литературных языков. Подобного эксперимента не знала еще история культуры. В этой чрезвычайно важной деятельности принял активное участие и Е. А. Бокарев, много сделавший для развития молодых литературных языков народов Кавказа.

После окончания второй мировой войны появилась возможность нового расцвета мирового эсперантского движения. Однако возможность не могла быть реализована полностью из-за начавшейся вскоре «холодной войны». Тем не менее даже в те годы наблюдается некоторое оживление всемирных связей эсперантистов.

Подготовка к VI Международному фестивалю молодежи и студентов (1957 г., Москва) явилась серьезным стимулом для развития эсперантского движения, так как были запланированы встречи эсперантистов разных стран. Подготовительную работу к этим встречам возглавил доктор филологических наук, профессор Е. А. Бокарев.

Развивающиеся международные контакты советских эсперантистов привели к организации при Союзе советских обществ дружбы и культурных связей с народами зарубежных стран (ССОД) Комиссии по международным связям советских эсперантистов (1962 г.). Первым председателем комиссии был Е. А. Бокарев, который возглавлял ее до конца своих дней.

При создании эсперанто-комиссии ССОД перед ней была поставлена задача: путем установления и развития контактов с зарубежными эсперантскими организациями содействовать развитию и укреплению дружбы, взаимопонимания и культурного сотрудничества между народами Советского Союза и зарубежных стран. Выполнение этой политически важной задачи во многом зависело от усилий Е. А. Бокарева, который вскоре создал группу энтузиастов. Их усилиями за короткое время была развернута деятельность комиссии, включающая подготовку и осуществление печатания различных материалов на

языке эсперанто, поездки за границу на международные и национальные конгрессы эсперантистов, переписку с иностранными эсперантистами, теоретическую работу.

Огромный личный вклад Е. А. Бокарева в деятельность комиссии. Под его непосредственным руководством за короткое время было налажено издание на эсперанто бюллетеня «За мир» (вышло уже 11 номеров), журнала «Мир» — органа Всемирного движения эсперантистов — борцов за мир (издано 3 советских номера), публикаций эсперантских переводов художественных произведений (Лермонтова, Есенина, Шолохова, Маяковского, Горького, Гайдара, Леси Украинки, Лорки, Раймиса, Смуула, сборников песен и др.). Изданы «Тезисы ЦК КПСС к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина», «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Тезисы ЦК КПСС», доклад Л. И. Брежнева «Пятьдесят лет великих побед социализма», «Документы и материалы Конференции коммунистических и рабочих партий», «Директивы XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 гг.».

Е. А. Бокарев консультировал эсперантистов Украины, Узбекистана, Армении, Латвии, Литвы, Эстонии, выпускавших также различную литературу на эсперанто.

Возрождая и развивая международные контакты советских эсперантистов, Е. А. Бокарев неоднократно выезжал за рубеж как представитель эсперанто-комиссии ССОД. Так, в 1963 г. он руководил работой советской делегации на 48-м Международном конгрессе эсперантистов. Тогда же он начал активную деятельность в Международном движении эсперантистов-борцов за мир (МЕМ).

Е. А. Бокарев принимал участие еще в трех Международных конгрессах (в Будапеште, Гааге и Вене), возглавляя советские делегации и выступая от их имени. Он живо интересовался деятельностью многочисленных секций конгрессов, неоднократно читал лекции в Летнем университете (организующемся обычно во время конгрессов).

Во всей своей деятельности на посту председателя Эсперантской комиссии коммунист Е. А. Бокарев проводил в жизнь политику борьбы за мир и дружбы между народами, использовал эсперанто для распространения марксистско-ленинских идей, давая отпор нашим классовым недругам среди эсперантистов некоторых стран.

Практическая деятельность Е. А. Бокарева-эсперантиста тесно связана с теоретической работой ученого-лингвиста. Следует особо отметить большую работу, которую предпринял Е. А. Бокарев по составлению и изданию словарей. В 60-х годах он организовал и возглавил авторский коллектив для составления первого современного «Русско-эсперантского словаря», вышедшего в издательстве «Энциклопедия» в 1966 г. Словарь, охватывающий 24 000 слов и снабженный кратким грамматическим и словообразовательным справочником, имел большое значение для дальнейшего расширения эсперантского движения в нашей стране, усиления интерлингвистических исследований.

На протяжении многих лет Е. А. Бокарев упорно трудился над составлением «Эсперантско-русского словаря» (М., 1974). Особенно напряженной была его деятельность в последние четыре года. Составление словаря он совмещал с большой научной работой в Институте языкознания АН СССР, где возглавлял Сектор кавказских языков. Ни преклонный возраст, ни пошатнувшееся здоровье не могли прервать работу Е. А. Бокарева над словарем, который он торопился завершить. Евгений Алексеевич скончался от болезни сердца около своего письменного стола, обсуждая с редактором Издательства последние страницы рукописи.

Не зная деятельности Е. А. Бокарева как эсперантиста, нельзя понять всю глубину интерлингвистических взглядов ученого, говорить о которых нелегко из-за малого числа опубликованных работ по вопросам интерлингвистики¹. Е. А. Бокарев предпочитал устные доклады, материал которых не готовил к печати. Основной его труд — «Введение в интерлингвистику», над которым он работал в течение многих лет, так и остался незавершенным (рукопись после смерти автора не найдена).

Однако сохранились незавершенные рукописи статей, наброски и отдельные замечания на полях книг. Важным

¹ См.: О. С. Ахманова, Е. А. Бокарев. Международная вспомогательный язык как лингвистическая проблема. — ВЯ, 1956, № 6; А. Берг, Д. Арманд, Е. Бокарев. 64 языка... и еще один. «Литературная газета», 28 августа 1968 г.; «Русско-эсперантский словарь». Под ред. Е. А. Бокарева. М., 1966 и др.

источником сведений об интерлингвистических взглядах Е. А. Бокарева служат беседы с учениками и коллегами, с которыми ученый щедро делился своими мыслями.

Коллеги и ученики Е. А. Бокарева, находясь во власти его безукоризненной аргументации, приняли и развивают многие идеи своего учителя.

Е. А. Бокарев создал стройную интерлингвистическую концепцию. Ему в большей степени, чем кому-либо из интерлингвистов, удалось избежать крайностей в объяснении сложных интерлингвистических проблем.

Определяя предмет интерлингвистики как научной дисциплины, Е. А. Бокарев не разделял точку зрения тех ученых, которые сводили все лишь к проектам искусственного языка. Он придерживался более широкого понимания объекта интерлингвистики, включая в него и вопросы всеобщего языка, дальнейшее изучение положений марксизма-ленинизма о языковой жизни будущего бесклассового общества и т. п.

Немало споров пришлось выдержать Е. А. Бокареву по вопросу о так называемых «естественных» и «искусственных» языках. Многие ученые противопоставляют их, отдавая при этом предпочтение «естественным» языкам. Подобную точку зрения Евгений Алексеевич считал научно несостоятельной, так как, по его мнению, все языки — «искусственные», т. е. возникающие в обществе и испытывающие на себе активное воздействие последнего. Особенно это касается литературных языков, которые подвергаются активному воздействию со стороны ученых и литераторов. Дело, указывал Е. А. Бокарев, в с т е п е н и и и с к у с с т в е н н о с т и тех или иных языков.

Интересны мысли Е. А. Бокарева об объеме общественных функций вспомогательного языка. Как свидетельствуют публикуемые ниже материалы, ученый доказывал необходимость существования искусственного вспомогательного языка, обладающего всем комплексом языковых функций, и этим его взгляды отличались от существующего мнения других ученых, считавших, что функции такого языка следует ограничить рамками узких сфер определенных наук или специальностей. Говоря о языке науки, Е. А. Бокарев справедливо указывал на нецелесообразность создания самостоятельных языков для разных наук. Это прежде всего вытекает из самой реальной действительности, ибо науки развиваются не изолированно, а в тесном

взаимодействии друг с другом (что нередко приводит к образованию новых, смежных научных дисциплин).

Другое принципиальное положение ученого касается общенародного характера вспомогательного языка. Вспомогательный язык, употребляемый в науке, как и национальные языки, может и должен быть понятным не только ученым. На нем, как показывает пример эсперанто, может существовать литература любых жанров, он может употребляться в деловой и частной переписке, наконец, на нем могут функционировать театры.

Развивая эту мысль, Е. А. Бокарев специально обосновывал возможность существования у вспомогательного языка художественной функции. Его теоретические рассуждения подкреплялись научными выводами, вытекавшими из глубокого изучения опыта многолетнего развития и функционирования эсперанто, который уже служит довольно гибким орудием передачи художественных произведений, существующих на различных языках.

Известно, что на эсперанто осуществлен перевод шедевров мировой классики — произведений Пушкина и Шекспира, Толстого и Тагора, Лермонтова и Хаяма, Горького, Маяковского, Шолохова, Есенина и многих других писателей. Анализ переводов на эсперанто дал возможность Е. А. Бокареву утверждать, что эсперанто обладает не меньшими художественными возможностями создания образов, чем «естественные» языки. Как в том, так и в другом случае решающим является личность переводчика, его талант и профессиональная квалификация. Следует добавить, что на эсперанто создана и развивается собственная, оригинальная художественная литература.

Необходимо отметить еще одну важную мысль ученого, не получившую достаточного освещения в публикуемых его работах.

Некоторые интерлингвисты и эсперантисты нередко противопоставляют эсперанто другим языкам. Е. А. Бокарев неоднократно подчеркивал, что речь идет лишь о вспомогательном языке международного общения, который не призван заменить язык межнационального общения или родные языки, служащие главным средством общения наций, народностей и новой общности — советский народ. Вспомогательный язык должен послужить для облегчения общения на международной арене, где ныне функ-

ционирует свыше двух тысяч национальных и пять—семь международных языков.

Е. А. Бокарев всегда стоял на твердой базе фактов и научного их осмысления как в высказываниях по самым общим теоретическим проблемам, так и в решении конкретных вопросов практического применения эсперанто. Отступить с этих позиций его не могло заставить ничто — ни отсутствие временами благоприятных обстоятельств, ни отсутствие понимания со стороны некоторых коллег... Он верил в идею необходимости для человечества вспомогательного языка общения и служил делу претворения этой идеи на практике до последнего часа своей жизни, оставив после себя значительное теоретическое наследие. Изучение этого наследия и дальнейшее его развитие — научный и общественный долг учеников и последователей крупнейшего советского ученого-интерлингвиста Е. А. Бокарева.

Е. А. Бокарев

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ВОПРОСА О МЕЖДУНАРОДНОМ ВСПОМОГАТЕЛЬНОМ ЯЗЫКЕ (факты об эсперанто)¹

Я не был инициатором постановки доклада, но поручение выполняю с большим удовольствием. Обзорных работ по этому вопросу за последнее время не было. Поэтому мне представляется действительно нужным информировать секцию о фактическом положении вещей. Вторая моя задача — в какой-то мере заинтересовать языковедов этими проблемами.

Каждому ученому, в том числе и языковеду, приходится знакомиться с литературой на самых различных языках. Если сто лет назад было достаточно знать несколько языков, чтобы быть в курсе всей литературы, которая появляется на земном шаре, то теперь число этих языков необозримо. Многие языки, которые в прошлом не были литературными, приобрели большое культурное значение. При таком положении вещей человеческая мысль не может не поставить перед собой задачу: а нельзя ли ввести какую-то организующую линию, чтобы облегчить создавшееся положение? Может быть, один из существующих языков должен стать общим языком международных отношений? Можно найти немало работ, в которых ставился вопрос о международном характере французского языка, но это больше относится к прошлому. В лингвистических работах 40-х годов весьма часто говорилось об особой культурной миссии английского языка. Сенатор Оуэн получал от американского правительства большие субсидии на

¹ Доклад, прочитанный на заседании секции общего и сравнительно-исторического языкознания Ученого совета Института языкознания АН СССР 24 января 1956 г. В публикации использованы также ответы на вопросы и заключительное слово докладчика; добавлены библиографические ссылки. Текст подготовлен к печати М. И. Исаевым и Л. Е. Бокаревой-Монатиной.

пропаганду английского языка как международного. В Англии при кабинете министров много лет существовало особое бюро, имевшее своей задачей пропаганду английского языка как международного. Черчилль делал на эту тему специальный доклад.

За последнее время в странах Западной Европы пропагандируется теория билингвизма. Одним из настоячивых поборников ее среди языковедов был А. Доза. В 1948 г. министры просвещения стран атлантического лагеря приняли (правда, не без борьбы) постановление о том, что основным языком, который рекомендуется изучать во всех школах мира, является английский, а затем — французский. Каждый год созываются международные конференции по вопросам билингвизма. Однако французские партнеры билингвистического блока жалуются на то, что англичане полностью вытеснили французский язык и что фактически нельзя говорить ни о каком билингвизме.

Я думаю, нет нужды доказывать, что такого рода предложения практически неосуществимы. Империалистическая сущность их очевидна.

Можно остановиться на попытке возрождения латинского языка, который некогда был международным языком науки. Видный немецкий классик Г. Дильс уделял много внимания пропаганде этой идеи. За последнее время на эту тему писал американский языковед Р. Кент. Однако задача осовременивания латыни оказалась чрезвычайно трудной. Попытки создания новых слов для обозначения таких понятий, как «Совинформбюро», «Коминтерн», «классовая борьба» и т. п., приводят лишь к коллекции лингвистических курьезов. Были попытки радикальной реформы латинского языка с целью сделать его легким средством международного общения. Среди них наиболее известна система итальянского математика Дж. Пеано. Но после второй мировой войны следы такой деятельности незаметны.

Перейду теперь к попыткам разрешения этой проблемы посредством создания искусственного языка. Я не имею возможности углубиться в историю вопроса, хотя она очень интересна и поучительна. За последние триста лет появилось свыше 500 проектов такого языка. Конечно, большинство из них осталось на бумаге и не привлекло особого внимания. Только эсперанто получил широкое распространение и применение в разных сферах деятельности.

Почему эсперанто, а не другой язык? Тут много причин. Основная — та, что эсперанто был первым удачным опытом языка нового типа (созданным на основе словарного состава уже существующих языков). Это заставило присоединиться к нему довольно многих сторонников идеи международного языка. Получив некоторое распространение, он стал реальным орудием общения, стал приносить пользу тем, кто им владеет. Проекты, возникавшие после эсперанто, хотя некоторые из них были очень неплохими и в отдельных отношениях лучшими, чем эсперанто, уже не смогли собрать большого числа сторонников. Очень поучительный пример — идо. Ведь идо возник в результате деятельности специального международного комитета ученых, в котором вице-председателями были О. Есперсен и И. А. Бодуэн де Куртенэ. Комитет пришел к выводу, что следует принять эсперанто, внося в него некоторые изменения. Это и было началом идо-движения. Примерно одна десятая всех эсперантистов примкнула к проекту идо. Имея значительные кадры пропагандистов, учителей, большое число журналов, представители идо-движения начали очень серьезную работу по его распространению. Это было пятьдесят лет тому назад. И что же получилось в результате всей этой деятельности? Сейчас на всем земном шаре найдется едва ли более ста идистов.

Немало интересных проектов было и позднее, но ни один из них не смог противопоставить свое движение эсперантскому, потому что отдельные хорошие черты не в состоянии были компенсировать ликвидацию эсперанто и создание совершенно нового движения. Эсперантисты применяли свой язык и распространяли его, в то время как все другие проекты оставались в сфере чисто теоретических рассуждений.

Первый учебник эсперанто был опубликован в 1887 г.² Автор его — Л. Заменгоф — изложил причины, побудившие его выступить с проектом искусственного языка, и те принципы, на которых строится этот язык. Заменгоф подчеркнул, что речь идет не о замене всех языков одним языком, а о международном вспомогательном языке, который, став вторым языком для каждого (наряду с родным), будет служить общению и взаимопониманию народов.

² Д-р *Эсперанто*. Международный язык. Предисловие и полный учебник для русских. Варшава, 1887.

Первые годы эсперанто распространялся медленно. Мешало скептическое, а иногда и прямо враждебное отношение к нему, а также внутренние распри среди эсперантистов, которые по-разному видели пути развития языка, методы его пропаганды и т. п. Большой удар эсперантскому движению нанесла первая мировая война, но после ее окончания движение возродилось. Фашизация многих стран Европы, а затем и вторая мировая война, казалось, почти убили эсперанто. Но мы видим, что язык снова распространяется и находит все большее применение. На эсперанто уже существует значительная литература, в том числе и оригинальная. Если язык действительно существует, неизбежно на нем должна появиться поэзия и художественная проза. Эсперанто не явился исключением.

Применение эсперанто в художественной литературе многим кажется спорным. Не стоит ли ограничить международный язык чисто практическими потребностями (общение, научная информация и т. д.)? Такой точки зрения придерживались, в частности, К. Бругман, К. Фосслер. Под вопрос ставилась возможность эстетического впечатления от эсперанто. Эти рассуждения кажутся мне нелогичными. Резкой грани между различными областями языка — областью изящного и областью обыденного в жизни — провести нельзя. Между ними столько объединяющих линий, что трудно не смешать одну с другой. Если эсперанто — очень хорошее средство передачи мыслей, то он невольно становится и средством передачи чувств, эстетических переживаний. Я не очень увлекаюсь художественной литературой, поэзией, но не могу отказать в праве эсперантисту, хорошо владеющему языком, передавать свои чувства на эсперанто, и думаю, что переводы беллетристических произведений на эсперанто вполне могут иметь художественную ценность. Какие основания, переводя на эсперанто, скажем, философские произведения Льва Толстого, не переводить его художественных произведений? Ведь стиль философских сочинений Толстого часто не менее сложен, чем стиль его рассказов. Водораздел идет не между художественным и нехудожественным, а между трудным для перевода и легким.

Здесь представлена небольшая выставка эсперантской литературы. Начну с художественной. Вот, например, очень хорошая антология каталонской литературы. Много из того, что здесь дано, на русский язык еще не пере-

водилось. Хороши чехословацкая, шведская и ряд других антологий. Очень интересна книга «Вечный букет» («Eterna bukedo») — собрание поэтических произведений различных времен и народов в переводе на эсперанто. Переводы, выполненные венгерским поэтом-эсперантистом К. Калочаем, очень высоки по качеству. Вот переводы произведений Лу Синя, Вазова, Мериме, Бределя, Мицкевича.

Из политической литературы укажу на сборник, изданный в Болгарии — письма партизан, погибших в борьбе с фашизмом; Конституции Советского Союза, Болгарии, Чехословакии. Очень интересна японская библиотечка, направленная против войны и атомной бомбы.

Многие книги посвящены теории, пропаганде и преподаванию языка. Любопытны издания Американской Ассоциации международного языка (IALA). Эта ассоциация положила начало серьезному изучению вопроса и вовлекла в него большой круг лингвистов.

Первоначально лингвистическим отделом Ассоциации руководил Э. Сепир, после него — О. Есперсен и, наконец, А. Мартине. В работе Ассоциации принимали участие такие лингвисты, как А. Дебруннер, А. Соммерфельт, Ж. Вандриес, Н. Ван-Вейк, О. Функе, С. Карцевский и ряд других.

Имеются издания, посвященные непосредственному практическому применению языка: путеводители, проспекты, рекламы. Представлена здесь и научная литература: «История искусства», книги по физике, математике, биологии, брошюра о советской атомной электростанции, вышедшая в Чехословакии. Сейчас на эсперанто издается около 100 журналов: литературных, научных и др. Движение эсперантистов — сторонников мира издает свой журнал «Расо» («Мир»), выходящий в разных странах по одному номеру; вышли номера исландский, французский, японский и т. д.

Предвижу вопрос: сколько в настоящее время эсперантистов? На него ответить трудно. Людей, владеющих эсперанто, уже трудно подсчитать. Ведь эсперантист — это не обязательно член какой-то организации. Есть клубы, которые не входят ни в какие ассоциации, есть эсперантисты, не являющиеся членами эсперантских клубов и кружков; не все национальные организации входят в международные ассоциации.

Я изложил факты. Как мы, языковеды, должны к ним относиться? Есть сторонники эсперанто, есть противники, есть скептики, а есть люди, которые вообще не интересуются этим вопросом.

Можно, конечно, по-разному подходить к эсперанто. Но языковед не может не проявлять к нему никакого интереса.

Вопрос о международном языке поднимает перед языковедом целый ряд больших теоретических вопросов. Как бы ни относиться к эсперанто, он представляет огромный теоретический интерес, как массовый лингвистический эксперимент, проводимый на протяжении большого отрезка времени. Здесь многое должно заинтересовать каждого языковеда: проблема произносительного стандарта, словообразование, проблема синонимов, проблема порядка слов — по всем этим проблемам эсперанто даст ценнейший экспериментальный материал.

Языковеды обычно изучают проблему функционирования родного языка, тогда как многоязычие и использование разных языков недостаточно исследовалось в собственно лингвистическом плане. Те аспекты изучения этой проблемы, с которыми мы сталкиваемся в психологической или практически-педагогической литературе, не должны заслонить проблему функционирования нескольких языков в роли средства общения.

Многие языковеды выступали против эсперанто по самым разным причинам. Из этих выступлений наибольший интерес представляют работы К. Бругмана и А. Лескина³, хорошо осведомленных в литературе вопроса. Но в большинстве случаев авторы, писавшие на эту тему, были плохо с ней знакомы. А. Доза почти в каждой своей книге высказывался против эсперанто, но никогда и нигде не дал развернутой и продуманной своей концепции.

Следует отметить три содержательных дискуссии. Первая — полемика между сторонником искусственного языка Г. Шухардтом и его противником — Г. Мейером в 90-х годах прошлого века. Это было только началом научного исследования вопроса, но многое из того, что было сказано тогда, не утратило своего значения до сих пор. Вторая дискуссия разгорелась между И. А. Бодуэном де Куртене —

³ См.: *K. Brugmann und A. Leskien. Zur Kritik der künstlichen Weltsprachen. Strassburg, 1907.*

сторонником эсперанто, и Бругманом и Лескиным. Характерно, что точка зрения Бругмана сильно изменилась в процессе дискуссии. В последнем выступлении он сказал: «Конечно, отрицать эсперанто нельзя, пользу принести он может, но разве эсперанто в состоянии так передать художественную литературу, как это делают естественные языки?» Иначе говоря, он высказался за ограниченное использование эсперанто, но не против его использования вообще. Наконец, очень интересная дискуссия имела место на II Международном лингвистическом конгрессе (Женева, 1931) ⁴. Докладчиком по вопросу о международном языке был О. Есперсен, председательствовал А. Мейе. Большое число языковедов высказало свое отношение к вопросу. Из советских языковедов письменно высказал свое положительное мнение А. М. Пешковский ⁵.

Прежде всего вызывает споры сама постановка вопроса: может ли вообще быть создан искусственный язык? Мейе отвечает: «Спор по этому вопросу беспредметен, потому что эсперанто уже существует» ⁶. И в самом деле, теоретические споры беспредметны, так как самый факт существования и использования эсперанто снимает этот вопрос.

Легче всего проверить возможность использования эсперанто в международном общении, исходя из опыта, фактов. С 1905 г., когда был созван первый Международный конгресс эсперантистов, подобных случаев становится так много, что их уже нет возможности фиксировать.

Как можно осмыслить приведенные факты, ввести их в наше лингвистическое мировоззрение? Следует начать с мнения Г. Шухардта, который говорил, что язык не является чем-то независимым от человека, а представляет продукт его деятельности, часто сознательной и преднамеренной ⁷.

И в самом деле, язык — явление культурно-историческое. Язык возникает тогда, когда появляются определенные предпосылки для этого, и создается он уже из существующих элементов. Различие между так называемым

⁴ См.: «Actes du Deuxième Congrès international des linguistes». Paris, 1933.

⁵ Там же, стр. 74, 75.

⁶ Там же, стр. 102.

⁷ См.: *H. Schuchardt*. Auf Anlass des Volapüks. Berlin, 1888.

мыми естественными и искусственными языками состоит лишь в том, что степень сознательного воздействия на развитие языка не одинакова. И если бесписьменный язык в наименьшей степени допускает возможность сознательного регулирования, то в литературном языке доля «искусственного» увеличивается. А. И. Томсон всякий литературный язык рассматривает как искусственный⁸. Но, конечно, искусственность литературных языков лишь относительна и возможность их нормирования ограничена. Искусственный вспомогательный язык, ни для кого не являясь родным языком, допускает гораздо более высокую степень сознательного регулирования⁹.

Напомню также статью Пешковского «Объективная и нормативная точка зрения на язык». Пешковский считает отличительной особенностью литературного языка то, что это язык социально нормируемый. «Умение говорить — это то смазочное масло, которое необходимо для всякой культурно-государственной машины, и без которого она просто остановилась бы. Если для общения людей вообще необходим язык, то для культурного общения необходим как бы язык в квадрате, язык культивируемый как особое искусство, язык нормируемый»¹⁰.

Мне задают вопрос: «Неужели вы верите в большие перспективы эсперанто в будущем?» На это я отвечаю так: Мне трудно судить о том, что будет с языком эсперанто через 50, 100, 200 лет. Мы вообще с трудом можем конкретно представить пути дальнейшего развития языков.

Лет пятьдесят тому назад, например, международная роль русского языка была очень невелика; сейчас это один из влиятельнейших международных языков, пользующийся широким распространением во всем мире. Полвека назад многие языки, на которых теперь преподают в университетах, печатают научные сочинения, были еще бесписьменными.

Могу напомнить одно интересное место из статьи «Всемирный язык» в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, написанной С. К. Буличем. Булич вначале отнесся критически к теории искусственного международ-

⁸ А. И. Томсон. Общее языковедение. Одесса, 1910.

⁹ См. также: Е. А. Бокарев. Стихийное и сознательное в языке. «Русская речь», 1967, № 2 (прим. ред.).

¹⁰ А. М. Пешковский. Сборник статей. Л., 1925, стр. 118.

ного языка. Но это не помешало ему закончить статью так: «как бы то ни было, постоянное появление проектов всеобщего языка не только указывает на известные потребности, но и служит, быть может, симптомом каких-то нам еще неясных эволюций общества»¹¹. Здесь очень метко схвачено то, что появление такого рода проектов о б щ е с т в е н н о о б у с л о в л е н о.

Делает ли эсперанто ненужным изучение иностранных языков? Конечно, не делает. Это была бы смешная, детская постановка вопроса. Филолог, литературовед никогда не будет освобожден от необходимости изучать языки для глубокого проникновения в культуру и литературу того или другого народа.

Следует ли ввести эсперанто в школы или нет? Пока эсперанто сравнительно слабо распространен, заменить им преподавание иностранных языков нельзя. Но проблема введения эсперанто в школе не кажется мне вообще снятой. Во-первых, при широком распространении эсперанто знание его школьниками приобретет и практический интерес. Во-вторых, эсперанто ценен как подготовительная стадия для лучшего освоения иностранных языков. Об этом в свое время писал Бодуэн де Куртенэ. Я мог бы сослаться на исследование американского психолога и педагога Торндайка, который проводил длительные и массовые опыты преподавания эсперанто в школе. На протяжении нескольких лет эсперанто изучался в ряде школ с разной длительностью и на разных ступенях обучения — до обучения французскому, после французского. Торндайк пришел к выводу о большом педагогическом значении эсперанто, причем в разных условиях он оценивал легкость изучения эсперанто по сравнению с другими языками в пределах от 5 до 15 раз.

Необходимо особо подчеркнуть, что никогда ни у кого из эсперантистов не было ни малейшего намерения сделать эсперанто единым языком человечества. Когда меня спрашивают о перспективах развития эсперанто, я говорю о его перспективах в роли вспомогательного международного языка. Он, несомненно, на протяжении длительного периода времени будет выполнять эту свою задачу и, очевидно, в гораздо больших размерах, чем до сих пор.

¹¹ «Энциклопедический словарь», т. 13. Изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1892.

Е. А. Бокарев

О МЕЖДУНАРОДНОМ ЯЗЫКЕ НАУКИ¹

Необходимость в получении научной информации требует знания многих языков, количество которых все возрастает. Наряду с такими языками, как, например, русский, английский, французский, немецкий, испанский, японский, итальянский, стоят и языки менее крупных наций, например, шведский, голландский, польский, чешский, венгерский, датский и много других, на которых появляется научная литература. Пельзя не предвидеть и того, что большее применение в науке должны получить такие языки, как китайский, хинди, индонезийский, арабский и др. Изучение многих иностранных языков перестает быть в таких условиях наиболее рациональным выходом. Неизбежно встает вопрос о едином международном языке науки, втором для каждого и едином для всех. На этот язык в первую очередь переводились бы (а может быть, часто и прямо писались бы на нем) научные работы и их резюме, делались доклады и велось бы их обсуждение на международных конгрессах. Этот язык преимущественно изучался бы наряду с родным и каким-нибудь иностранным языком в школах, университетах. Огромное значение международного языка настолько очевидно, что вряд ли стоит его обосновывать.

Круг функций международного языка науки может рассматриваться и широко, и узко. Конечно, это прежде всего язык научных статей, резюме, докладов. Но международный язык может быть и орудием устного общения ученых: на нем могут вестись не только дискуссии, но и беседы на самые разные темы, которые далеко не всегда касаются их узкой специальности.

¹ Доклад, прочитанный на заседании Президиума АН СССР 11 августа 1967 г. Текст подготовлен к печати М. И. Исаевым.

При таком понимании международный язык науки не может быть резко отграничен от международного языка обиходного общения, а представляет собой лишь разновидность единого международного языка как вспомогательного орудия всех видов международного общения.

Единство международного языка для всех видов общения потребовало бы, чтобы он обладал значительным лексическим богатством. В этих условиях возникла бы дополнительная задача составления рациональной методики преподавания международного языка, определения специальных словарных минимумов для каждого аспекта его использования.

Существует предложение в качестве международного языка науки принять английский язык, поскольку он в настоящее время является самым распространенным языком и дальнейшее расширение его международных функций привело бы в конце концов к решению проблемы. Однако этот путь вряд ли можно считать желательным. Не следует ни одному из национальных языков давать таких серьезных привилегий. Это существенно нарушало бы равноправие национальных языков. К тому же надо думать, что английский язык уже достиг кульминационного пункта своего распространения и постепенно начнет уступать в научной литературе место другим развивающимся национальным языкам. Так же мало перспектив стать единым международным языком науки имеет и любой другой национальный язык. Существует предложение остановиться на двух международных языках. Чаще всего этот так называемый билингвизм выступает в форме сочетания английского языка с французским. Иногда предлагается сочетание английского языка с испанским или русским. Однако билингвизм (или осуществление культурного дуумвирата), еще менее может рассчитывать на успех, так как по существу ему все время будет противостоять стремление народов к расширению функций их собственных языков.

Иногда в противовес национальным языкам в качестве международного языка предлагается латинский, причем особо подчеркивается его политическая нейтральность. За последнее время можно отметить некоторую активность так называемого движения за живую латынь. Однако приспособление латыни к потребностям современной жизни — очень нелегкая задача. Радикальная же реформа

латыни (например, *latino sine flexione* итальянского математика Дж. Пеано) по существу представляет собой уже искусственный язык.

История появления проектов искусственных языков, предлагавшихся в качестве международного, богата и поучительна. За прошедшее время их появилось несколько сотен. Какие же преимущества имел бы искусственный международный язык? Прежде всего он был бы политически нейтральным и не давал бы ощутительных преимуществ ни одному народу, ни одной национальной культуре. Во-вторых, искусственный язык может быть создан таким, каким мы хотели бы его видеть. Он может быть в такой степени богатым, но вместе с тем, в такой степени легким и простым, в какой это практически необходимо.

Но можно ли создать такой язык? Пожалуй, этот вопрос не требует специального рассмотрения. Язык есть социальное орудие, возникшее в результате деятельности человека и на всех этапах своего развития представляющее собой его деятельность. Поэтому все виды человеческого языка являются искусственными в большей или меньшей степени.

Можно наметить четыре типа искусственных языков:

1) Языки *a priori*, словарный материал которых состоит из искусственно созданных слов на основе какой-либо классификации понятий (ро, глобако, унилингва). Языки этого типа всегда более или менее субъективны и легко могут быть подвергнуты критике. Ни один из этих языков не получил распространения (даже ро, который настойчиво пропагандировался его автором в течение 30-ти лет).

2) Упрощенные национальные языки, из которых прежде всего должен быть назван *Basic English*, основной словарь которого состоит всего из 850 слов. Он был создан в 1930 г. и одно время пользовался большой популярностью. Однако уже много лет о нем почти ничего не слышно. Может быть, здесь же следует упомянуть и об упрощенной латыни Дж. Пеано. На этом языке в 20—30-е годы издавался журнал «*Schola et Vita*», но после смерти автора пропаганда этого языка прекратилась.

3) Так называемые языки натуралистического типа, максимально приближенные к естественным языкам (преимущественно к романским). Наиболее известны из языков этого типа окциденталь (созданный в 1921 г.) и интерлингва (созданный в 1950 г.). Их особенность проявляется в исто-

рической орфографии, отсутствии автономного словообразования, наличии исключений. Оба эти языка пропагандируются в настоящее время и имеют некоторое число сторонников.

4) Так называемые языки автономного типа (эсперанто, идо, нео). Их особенность в фонетической орфографии, автономной системе словообразования, простой грамматике. Языки типа идо и нео имеют небольшое число сторонников; эсперанто — единственный из искусственных языков, получивший более или менее широкое распространение.

По практическому распространению эсперанто фактически не имеет конкурентов, так как число сторонников всех других проектов, вместе взятых, составляет не более 1 % по отношению к числу сторонников эсперанто, на котором существует около ста журналов, опубликовано несколько десятков тысяч книг. Ежегодно созываются международные конгрессы эсперантистов, на которых присутствует по несколько тысяч человек.

На эсперанто переведены многие произведения художественной литературы. Довольно много литературы, связанной с географией: путеводители, географические очерки (об Австралии, Китае, Вьетнаме, Болгарии, Польше, Венгрии), страноведческие журналы: «Современная Болгария», «Венгерская жизнь», «Вьетнам идет вперед» и др. Вышел ряд научных и научно-популярных книг, выходят журналы: «Научное обозрение», «Человек и космос», «Медицинское обозрение», «Международная химия». Ряд научных журналов (в частности, в Японии) печатает на эсперанто статьи или резюме. Можно указать также научные статьи, написанные на эсперанто такими специалистами, как языковеды Б. Коллиндер, Б. Мильборни, Е. Вильборг, литературоведы П. Динев, И. Бадалич, математики М. Френс, У. Рейерсоль, физики Ф. Беллинфанте, А. Сиркк, астрономы И. Вейселе, Б. Попович, геологи С. В. Обручев, И. Кавка, биохимики С. Кавамура, Эгами, ботаники П. Нейергор, Г. Маккинк.

Каким же образом может быть разрешена проблема международного языка в науке? Конечно, только международным соглашением на авторитетном уровне: Организация Объединенных Наций, ЮНЕСКО, специальная конференция правительств или Академий наук. Для того чтобы этот вопрос был поставлен, нужно, чтобы была проявлена инициатива, основанная на серьезном

изучении проблемы в целом. В 1966 г. такая инициатива была проявлена дважды. Правительства четырех скандинавских государств обратились в ЮНЕСКО с предложением разрешить вопрос о международном языке. В Организацию Объединенных Наций в том же году была подана петиция о международном языке эсперанто, подписанная почти миллионом индивидуальных подписей и представителями организаций с числом членов около 80 млн. человек (в том числе Международной ассоциацией научных работников). Нужно думать, что, если даже в результате этих акций не будет принято положительное решение, все же они окажут большое пропагандное значение и тем самым приблизят решение этой важной проблемы.

Каковы наши задачи в настоящее время в отношении проблемы международного языка? Прежде всего нужно серьезное изучение всех аспектов этой проблемы в одном научном центре (или нескольких центрах), широкая пропаганда самой проблемы в научных кругах, для подготовки таким образом авторитетной постановки вопроса в авторитетной международной инстанции. И, разумеется, необходимо возможно более широкое экспериментальное использование конкретной формы международного языка (например, эсперанто) для научных целей.

М. И. Исаев

ПРОБЛЕМА ИСКУССТВЕННОГО ЯЗЫКА МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕНИЯ

Многочисленные и разнообразные вопросы искусственного языка международного общения изучаются сравнительно новой наукой интерлингвистикой.

Предмет интерлингвистики как самостоятельной научной дисциплины и объем самого предмета остаются до сих пор окончательно не определенными. Одни ученые склонны понимать данную отрасль языкознания довольно узко, сводя ее в основном к вопросам искусственных языков. Другие рассматривают объект интерлингвистики значительно шире. Они включают сюда исследование процессов взаимодействия национальных языков в современную эпоху и дальнейшее развитие марксистско-ленинского учения о языке в коммунистическом обществе. Разумеется, охватываются также вопросы искусственных языков.

Интерлингвистика, как составная часть социолингвистики, находится на стыке языкознания, социологии и философии. Коренные интерлингвистические вопросы невозможно понять правильно, рассматривая их вне связи с развитием общества в целом.

В научной литературе вопросы искусственного языка международного общения очень часто переплетаются с проблемой всеобщего языка. Некоторые авторы не проводят четкой грани между этими двумя понятиями.

Так, например Э. П. Свадост считал, что всеобщим может стать только искусственный язык, каковой необходимо разрабатывать уже в нашу эпоху. Этот тезис вызвал резкое возражение Е. А. Бокарева, который в принципе допускал, что вспомогательный язык может перерасти в основной язык грядущего бесклассового человечества. «Однако, — подчеркивал Е. А. Бокарев, — процесс образования единого человеческого языка — дело еще очень отдаленного будущего, и мы не в состоянии представить его во всей конкретности. В настоящее время можно поэтому ставить вопрос лишь о вспомогательном языке меж-

дународного общения, не предпреляя вопроса о его дальнейшей и конечной судьбе»¹.

Данное положение Е. А. Бокарева можно считать основополагающим для советских социалингвистов.

Судьба языков как в прошлом, настоящем, так и в будущем всецело зависит от судеб их носителей. Поэтому перспективные пути языкового развития можно понять лишь на фоне общественного развития наций и народностей. Говоря о будущем, прежде всего следует четко разграничивать два его аспекта — далекое будущее и время, непосредственно прилегающее к нашей эпохе.

Невозможно установить конкретные сроки вступления человечества в зрелое всемирное коммунистическое общество. Точно так же сейчас нельзя определить конкретные пути развития национальных отношений в далеком коммунистическом будущем.

Марксисты научно предвидят и считают принципиально важным показать, что стадия полного единства в развитии человечества обязательно наступит. Говоря о далекой перспективе, В. И. Ленин указывал: «Целью социализма является не только уничтожение раздробленности человечества на мелкие государства и всякой обособленности наций, не только сближение наций, но и слияние их»². Это, разумеется, не означает бесследное растворение одних наций в других. Образовавшееся общечеловеческое единство, несомненно, впитает в себя все непреходящие ценности, выработанные всеми нациями. Таким образом, многокрасочность культуры не исчезает, а еще больше растет.

В связи с оживлением за последние годы теоретических исследований проблема всеобщего языка привлекает к себе все большее внимание ученых. В этой связи акад. Б. Г. Гафуров пишет на страницах журнала «Коммунист»: «В связи с переходом от социализма к коммунизму нас не может не интересовать вопрос о дальнейшем сближении социалистических наций в СССР, а также проблема будущего слияния наций и образования единого языка»³. В этом же

¹ См.: Э. П. Сवादост. Как возникнет всеобщий язык? М., 1968, «От редакторов», стр. 4.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 256.

³ Б. Г. Гафуров. Успехи национальной политики КПСС и некоторые вопросы интернационального воспитания. «Коммунист», 1958, № 11.

плане писал известный советский философ М. Д. Каммари о проблеме всеобщего языка, вопрос о создании которого выдвигается «всем ходом развития мировой системы социализма, и он несомненно будет решен на основе последовательного применения принципов пролетарского интернационализма»⁴.

Мнения ученых, касающиеся вопросов будущего единого языка, в основном сводятся к двум взаимоисключающим тезисам: одни утверждают, что будущим общим языком человечества станет один из национальных языков, другие полагают, что таким языком может стать лишь искусственный язык, наделенный лучшими чертами национальных языков. Сторонники обеих концепций по-своему аргументируют свои положения.

Критикуя некоторые проекты искусственных языков, А. А. Реформатский пишет: «Подлинный международный язык может образоваться лишь исторически на базе реальных национальных языков, что связано с победой социализма во всем мире и развитием нового типа наций»⁵.

Этого мнения придерживается и К. Х. Ханазаров, который считает, что «единый мировой язык человечества образуется, по всей вероятности, на базе одного из наиболее распространенных, развитых межнациональных (а затем — зональных) языков человечества»⁶.

Другая группа ученых полагает, что будущим языком человечества может быть искусственно созданный язык, обогащенный за счет национальных и межнациональных языков. «Не исключено, — пишет В. Г. Костомаров, — что когда-нибудь люди создадут весьма совершенный искусственный язык и откажутся от сослуживших свою службу естественных языков»⁷. Некоторое предпочтение искусственному языку отдает чл.-корр. АП СССР М. П. Ким: «Проблема единой формы будущей коммунистической культуры — это в конечном итоге проблема единого для

⁴ М. Д. Каммари. О закономерностях развития наций в условиях социализма и перехода к коммунизму. «От социализма к коммунизму». М., 1962, стр. 397.

⁵ А. А. Реформатский. Введение в языкознание. М., 1967, стр. 524.

⁶ К. Х. Ханазаров. Сближение наций и национальные языки в СССР. Ташкент, 1963, стр. 225.

⁷ В. Г. Костомаров. Программа КПСС о русском языке. М., 1963, стр. 32.

всех языка... Не станет ли им какой-нибудь из современных национальных языков?

Дать определенный ответ на этот вопрос сейчас невозможно. Вернее всего... человечество... выработает новый язык, который вберет в себя самые совершенные качества современных национальных языков...»⁸. Убедленным сторонником искусственного характера будущего всеобщего языка является Э. П. Свадост. По его мнению, именно искусственный, а не естественный язык может стать всеобщим⁹.

В некоторых высказываниях ученых допускается возможность решения вопроса всеобщего языка как в пользу естественного языка, так и искусственного. С. Т. Калтахчян, подчеркивая, что интенсификация международных экономических, политических и культурных связей уже сейчас вызвала к жизни ряд мировых и межнациональных языков, заявляет: «Дальнейшая интернационализация жизни выработает со временем общемировой язык»¹⁰. Автор справедливо сомневается в том, что в условиях интенсивнейшего развития науки, техники и культуры народные массы позволят себе такую роскошь, как трата большого количества времени на изучение различных языков, при наличии мирового языка, аккумулировавшего в себе достоинства различных национальных языков и обладающего самой высокой степенью информативности¹¹. Наряду с возможностью создания искусственного международного языка, вобравшего все достоинства существующих языков, С. Т. Калтахчян допускает также возможность выделения «демократическим путем от одного до трех-четырех из высокоразвитых языков, которые к тому времени уже будут фактически выполнять функции межнационального языка»¹².

К такому же в принципе выводу приходят Ю. Д. Дешериев и И. Ф. Протченко. Они пишут: «Будущий общий язык — независимо от того, станет ли им новый ис-

⁸ См.: М. П. Ким. Изобилие духовных благ. «О коммунизме», М., 1963, стр. 365.

⁹ Э. П. Свадост. Указ. соч., стр. 236 и сл.

¹⁰ С. Т. Калтахчян. Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности людей. М., 1969, стр. 460.

¹¹ См.: Д. Ю. Панов. О взаимодействии человека и машины. «Вопросы философии», 1967, № 1, стр. 43 и сл.

¹² С. Т. Калтахчян. Указ. соч., стр. 460.

кусственный язык, созданный путем научного синтеза всех достижений языковой жизни человечества, или язык, созданный путем коренного усовершенствования одного или двух-трех современных языков, — должен быть максимально усовершенствованным во всех отношениях: в области фонетики, лексики, морфологии, синтаксиса, стилистики, музыкальности и т. д.»¹³. После анализа исторического и социологического материала к аналогичным обобщениям пришли П. М. Рогачев и М. А. Свердлин¹⁴.

Мнения ученых расходятся относительно того, следует или нет уже теперь разрабатывать в научном плане теоретические вопросы будущего всеобщего языка. Одни считают, что о них «надо думать, писать, говорить, спорить уже сегодня», что «язык будущего есть проблема настоящего: в будущем (быть может, не столь отдаленном, как это кажется) всеобщий язык перестанет быть проблемой — станет живой реальностью как второй язык всех народов мира. Именно в наши дни проблема всемирного языка может и должна стать объектом плановой научной разработки»¹⁵.

Мнение других, пожалуй, наиболее полно сформулировал чл.-корр. АН СССР В. А. Аврорин, который замечает, что у нас нет никаких объективных данных, чтобы судить о том, в каких формах будет протекать процесс образования единого языка: будет ли это чем-то вроде спортивных соревнований по олимпийской системе с конечной победой одного из языков, будет ли это постепенное смешение всех или хотя бы нескольких из существующих языков на основе полного равноправия или, наконец, это будет искусственно созданный язык с логически безукоризненной структурой. «Решение этих вопросов — продолжает ученый — и даже составление прогнозов в этом отношении — дело отдаленного будущего»¹⁶.

Разумеется, нельзя запретить заниматься проблемами отдаленного будущего человечества. Самое главное — это

¹³ Ю. Д. Дешериев, И. Ф. Протченко. Развитие языков народов СССР в советскую эпоху. М., 1968, стр. 305.

¹⁴ См.: П. М. Рогачев, М. А. Свердлин. Нация — народ — человечество. М., 1967, стр. 189.

¹⁵ Э. П. Сवादост. Указ. соч., стр. 12.

¹⁶ В. А. Аврорин. Ленинская национальная политика и развитие литературных языков народов СССР. — ВЯ, 1960, № 4, стр. 16—17.

выяснение принципиальной линии, магистрального пути, а конкретизация деталей — это, так сказать, дальнейшее прогнозирование. Что касается «ближнего прогнозирования», изучения будущего, непосредственно прилегающего к нашему времени, то его изучение является особенно актуальной задачей. Как правильное понимание сущности отдаленных эпох помогает раскрыть глубже содержание завтрашнего дня, так и наоборот, знание ближайших перспектив способствует более достоверному уяснению коренных вопросов отдаленного от нас будущего, а также нашему Сегодня. При этом следует учитывать, что социальное освобождение народов является необходимой предпосылкой возрождения и расцвета национальных культур и языков. Это прекрасно иллюстрирует развитие национальных отношений в нашей стране.

Развитие советских социалистических наций обусловлено двумя взаимосвязанными характерными чертами — расцветом их самобытной культуры и сближением этих культур. Расцвет и сближение — вот две стороны одного и того же сложного движения вперед, тесно взаимодействующие друг с другом. Диалектика проявления этих двух тенденций заключается в их неразрывной связи и взаимозависимости. Расцвет предопределяет сближение, а сближение ведет к расцвету.

Развитие национальных отношений в СССР ведет ко все большему укреплению новой исторической общности — многонационального советского народа. Эта общность не подменяет собой наций, а состоит из них, проявляется в них.

В процессе укрепления наций с ними сольются малые народности, национальные и этнографические группы, сохранив, однако, еще долгое время некоторые свои особенности.

Параллельно с расцветом национальных культурных языков все большее распространение получает у многочисленных народов Советского Союза язык межнационального общения. С расширением межнациональных контактов, с дальнейшим сближением наций, несомненно, будет увеличиваться также роль межнационального языка, который усилит свое взаимодействие с национальными языками.

Таким образом, одной из характерных черт ближайшего будущего в языковом развитии народов СССР можно

считать все углубляющееся и укрепляющееся двуязычие, которое вытекает из самой сути развития национальных отношений.

Указанные научные проблемы национально-языкового развития в ближайшем будущем, несомненно, требуют глубокой разработки. От степени их изученности во многом зависит практика культурного строительства. Не секрет, что недостаточная разработанность тех или иных вопросов иногда приводит к некоторым недочетам в практической деятельности (например, в народном образовании, издательском деле и др.).

В более широком плане следует изучать перспективные процессы языкового развития в мировом масштабе, наиболее характерной чертой которого является развитие национальных языков и выделение их из среды нескольких мировых языков.

Проблемы языков международного общения до сих пор не привлекают еще к себе достаточного внимания. Перед советскими социолингвистами стоит задача глубокого исследования закономерностей расширения функций русского языка как одного из мировых языков современности и перспективы их изменения в будущем.

В связи с развитием крупных наций на мировые просторы выходят также их языки. Таким образом, перспектива увеличения числа «мировых языков» в будущем весьма реальна. Не без основания утверждают, что количество официальных международных языков (ныне их 6) в ближайшем будущем может увеличиться до 10—12¹⁷. Кроме того, много ценного печатается и на других языках.

Как справедливо замечают известные советские ученые акад. А. И. Берг, доктор географических наук Д. Л. Арманд и доктор филологических наук Е. А. Бокарев¹⁸, знания главных европейских языков уже недостаточно для того, чтобы ученый мог следить за мировой научной литературой.

Многоязычие и «информационный взрыв» поставили на повестку дня необходимость в вспомогательном языке международного общения прежде всего для науки. Любопытно в этой связи высказывание Джона Бернала:

¹⁷ См.: Ю. Д. Дешериев, И. Ф. Протченко. Указ. соч., стр. 304.

¹⁸ А. Берг, Д. Арманд, Е. Бокарев. 64 языка... и еще один. «Литературная газета», 28 августа 1968 г.

«Поистине дикое зрелище представляет собой множество людей, собравшихся на научную конференцию, которые совершенно одинаково одеты, одинаково выглядят, охватывают, как нам отлично известно, своими мыслями и познаниями почти тождественные области знания и все-таки абсолютно не способны общаться между собой и нуждаются в услугах переводчика. Нужно выработать радикально лучшее средство общения, особенно ныне, когда мир становится действующим комплексом, в котором вавилонская мешанина языков является ужасающими нутами»¹⁹.

Где же выход? Этот вопрос ставят многие ученые. Некоторые из них пытаются дать ответ.

В вышеупомянутой статье А. И. Берг, Д. Л. Арманд, Е. А. Бокарев приходят к выводам, с которыми трудно не согласиться любому непредубежденному и логически мыслящему человеку.

Прежде всего, вслед за Норбертом Винером, они отвергают возможность машинного решения языковой проблемы (хотя бы в области науки) по чисто «техническим причинам».

Не представляется реальным и другой путь: попытаться обучить специалистов всем главным языкам мира. Дело в том, что, например, наша средняя школа не может отвести на обучение иностранному языку более 750 часов, а вуз — 210—360, тогда как для полного овладения только одним языком, по мнению ученых, нужно около 5000 часов. Где уж тут говорить о многих языках!

Реальным представляется сделать языком международного научного общения какой-нибудь один язык. При этом можно было бы публиковать научные труды параллельно на национальных языках. Однако выдвижение на роль вспомогательного языка науки одного из национальных языков А. И. Бергу, Д. Л. Арманду и Е. А. Бокареву представляется так же неприемлемым²⁰.

С логической необходимостью остается единственный выход: создать в качестве единого вспомогательного языка науки какой-либо искусственный язык, построенный на основе логической грамматики и, по возможности, меж-

¹⁹ Там же.

²⁰ См. статью Д. Л. Арманды в наст. сборнике.

дународной терминологии. Этот язык мог бы вводиться в научный обиход постепенно и планомерно.

Такая постановка вопроса не вытекает из абстрактной гипотезы, а опирается на реальные факты. Существуют сотни проектов искусственного языка разного характера, среди которых успешно функционирует вот уже свыше 85 лет один — эсперанто, ставший международным вспомогательным языком.

Среди многочисленных проблем, связанных с созданием искусственного языка, наибольший интерес представляет вопрос об объеме общественных функций вспомогательного языка, все еще вызывающий дискуссии.

Необходимо подчеркнуть вспомогательный характер искусственного языка. Он не противопоставляется ни национальным, ни межнациональным, ни мировым языкам, а также специализированным кодам и знаковым системам. Искусственный вспомогательный язык, подчеркиваем, призван лишь облегчить многостороннее общение людей на международной арене.

Советскими интерлингвистами проблема искусственного языка международного общения рассматривается самостоятельно, т. е. без прямой связи с вопросами единого всеобщего языка.

ИСКУССТВЕННЫЕ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЯЗЫКИ КАК ИНТЕРЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА¹

1. Опыт развития интерлингвистики, основным предметом которой является проблематика, связанная с созданием и функционированием искусственных вспомогательных международных языков (ИВМЯ), пока еще недостаточно освоен общим языкознанием. Так, в отечественной традиции мы пока не располагаем ни одним систематическим изложением соответствующих проблем². В прикладном языкознании ИВМЯ как аналоги естественного языка привлекают к себе несравнимо меньше внимания, чем, скажем, информационно-логические и другие «машинные языки». С точки зрения неотложных практических потребностей общества, это последнее обстоятельство вполне понятно. Что же касается роли интерлингвистического аспекта в фундаментальных филологических исследованиях, то он, в глазах интерлингвистов, явно недооценивается.

Сам термин *интерлингвистика* в последнее время иногда пытаются отторгнуть от традиционно присущего ему смысла. Так, например, употреблению этого слова в работах О. Есперсена, В. Мандерса или Г. Вариньена М. Вандрушка противопоставляет существенно иное, обозначая словом «интерлингвистика» очень широко понимаемое

¹ В основу статьи лег доклад, сделанный на заседании Методологического семинара Института русского языка АН СССР 15 мая 1973 г.

² Круг опубликованных у нас в последние десятилетия статей по вопросам интерлингвистики очень невелик. В этих статьях только указывается на некоторые проблемы. Единственная книга (Э. Сводост. Как возникнет всеобщий язык? М., 1968), несмотря на обилие собранных в ней высказываний, в том числе и ряда видных лингвистов, очень далека от решения многих важных проблем интерлингвистики и не отвечает современному уровню теоретического языкознания. Показательно также отсутствие вузовских пособий.

сопоставительное языкознание³. Любопытно, что здесь мы имеем дело не с расширением сферы применения термина, а именно с его «похищением»: в сборнике, посвященном М. Вандрушке и озаглавленном «Интерлингвистика»⁴, нет ни одной статьи, которая по своей тематике могла бы быть упомянута в реферативных журналах «законных владельцев» термина, например, в органе западногерманского Общества международного языка — «Interlingvistika informa servo» (IIS).

Примерно с начала XX в. уже существует и достаточно четко прослеживается связь между общелингвистическими и интерлингвистическими концепциями таких ученых, как Г. Шухардт, И. А. Бодуэн де Куртене, А. Мейе, Н. С. Трубецкой, О. Есперсен, Н. Я. Марр, Э. Сепир, А. Мартини и др. Эта связь очевидна и в советском языкознании, которым накоплена ценная интерлингвистическая аргументация, например, в работах Л. В. Щербы, Н. В. Юрманова, Е. Д. Поливанова, Л. П. Якубинского, А. М. Пешковского, Л. А. Булаховского, Л. И. Жиркова.

Особого внимания заслуживает деятельность Е. А. Бокарева. Его наследие в области интерлингвистики и эсперантологии еще ждет глубокого и всестороннего осмысления социолингвистами и филологами многих других специальностей — «всеми, кого интересует проблема «естественные языки — искусственные языки»⁵.

Е. А. Бокарев одним из первых среди крупных профессиональных лингвистов сделал конкретные ИВМЯ таким же полноценным объектом неспорадического науч-

³ См.: М. Wandruszka. Interlinguistik. Umrisse einer neuen Sprachwissenschaft. München, 1971. В «Plena ilustrita vortaro de Esperanto» (Paris, 1970, далее — PIV) интерлингвистика определяется как наука, которая исследует социологические, культурные и собственно лингвистические предпосылки нормализованного общего языка, предназначенного для международных сношений (словарь этот вышел под общей редакцией Г. Вариньена, президента Академии эсперанто). Свое определение интерлингвистики ниже мы уточним. Основная литература предмета указана в статье: В. П. Григорьев. О некоторых вопросах интерлингвистики. — ВЯ, 1966, № 1.

⁴ «Interlinguistica. Sprachvergleich und Übersetzung. Festschrift zum 60. Geburtstag von Mario Wandruszka». Tübingen, 1971.

⁵ См., например: Е. Бокарев. La internacia lingvosituacio kaj eblecoj de raciigo. — «Der Esperantist». Berlin, Okt. 1967, № 15.

ного исследования, как и естественные языки. Пожалуй, если не говорить о Бодуэне и Есперсене, единственными его предшественниками оказываются здесь Н. В. Юшманов с его многочисленными работами по идо и Э. Вюстер — автор фундаментального эсперанто-немецкого словаря⁶. Любопытно, что у Э. Вюстера «искусственность» объекта присутствовала и в той специальности, в которой он получил всеобщее признание, — в стандартизации языка техники. В отличие от него для Е. А. Бокарева такой специальностью явились «псеудоестественные» младописьменные и бесписьменные языки и диалекты Дагестана. Но известно, что Е. А. Бокарев много занимался и проблемами методики преподавания такого нормализованного литературного языка, как русский, особенно в первые послеоктябрьские десятилетия, когда проблемы нормализации языков народов СССР оказались в центре внимания многих языковедов. Известно также, как много занимался этими проблемами Н. В. Юшманов, арабист по основной специальности и выдающийся лингвист-полиглот.

И Бокарев, и Вюстер, будучи широко эрудированными интерлингвистами, прежде всего проявили себя как эсперантологи. Обращение их именно к эсперанто (так же, как Юшманова — к идо и к критике эсперанто) закономерно. Будучи от рождения младописьменным языком, эсперанто по мере его полифункционального развития все больше (в 10—20-е годы наряду с идо) нуждался и — единственный из ИВМЯ — нуждается сейчас в квалифицированной нормализаторской деятельности лингвистов. «Эсперанто-русский словарь» Е. А. Бокарева (М., 1974) и «Русско-эсперантский словарь» (М., 1966), вышедший под его редакцией, следует рассматривать не только как учебные двуязычные словари, но и как вклад языковеда в нормализацию эсперанто, как закономерные подступы к толковому словарю этого языка, отвечающему всем требованиям современной науки.

2. Е. А. Бокарев не успел написать учебник типа «Введение в интерлингвистику», но постоянно работал над соответствующим кругом проблем. Он систематически собирал и отбирал необходимые материалы из самых различных источников, в том числе из художественной ли-

⁶ E. Wüster. Enciklopedia vortaro esperanta-germana. Leipzig, 1923 (доведен до буквы К).

тературы, которая нередко дает интересные примеры ситуаций, связанных с «языковыми барьерами». Не будем гадать как в таком пособии Е. А. Бокарев мог бы использовать историю «косого Левши». Вот два контекста из знаменитого сказа ⁷ (курсив в цитатах здесь и далее наш.— В. Г.):

«И велел государь, чтобы вез блоху особый курьер, который на все языки учен, а при нем бы и Левша находился <...>» (гл. 14); «Никак его [Левшу] более удержать не могли. По сути его пустить нельзя, потому что он на все языки не умел, а по воде плыть нехорошо было, потому что время было осеннее, бурное, но он пристал: отпусти-те» (гл. 16).

Интерлингвистическая мотивировка злключения косо-го Левши остается почти незаметным фабульным эпизодом и в общем замысле Н. С. Лескова, и в читательском восприятии. Тем больший смысл приобрели бы в пособии случаи прямого сюжетного использования художниками слова проблематики ИВМЯ. Ограничимся одним приме-ром ⁸.

Герой заснул и ... оказался в будущем. Люди там «го-ворили на каком-то незнакомом языке»; «<...> один из них отделился от толпы, приблизился ко мне и спросил: — Kiu vi? <...> Не эсперанто ли это? Как досадно, что я не изучал эсперанто» (гл. 1. В летний вечер). И далее: «Как бы мне спросить Эа? Если они говорят на эсперан-то, то ... надо вспомнить. В эсперанто много латинских корней. Мужчина, муж по-латыни vir. Попробуем.

— Vi viro?

Эа рассмеялась, отрицательно кивнула головой и ша-ловливо выбежала из комнаты» (гл. 2. Воздушная тюрьма).

В отношении такого рода материалов интерлингвисти-ка находится пока на стадии простого собирательства. Лишь в последние годы трудами отдельных энтузиастов начат оперативный комментарий к теме «интерлингвисти-

⁷ См.: Н. С. Лесков. Собрание сочинений, т. 7. М., 1958, стр. 47 и 53.

⁸ См.: А. Беляев. Борьба в эфире. М.— Л., 1928.— Отвлескаем-ся от стиля и непредусмотренного «интерлингвистического комизма»: «будетляне» А. Беляева, как и главный герой, ко-веркают эсперанто (опускается estas, отсутствует частица ĉu). См. также: В. П. Григорьев. И. А. Бодуэн де Куртенэ и интер-лингвистика. «И. А. Бодуэн де Куртенэ», М., 1960, стр. 66.

ческое вокруг нас»⁹. О необходимости постоянного осмысления подобных и иных фактов говорит и практика расширительно-семиотического (или просто переносного) употребления самого слова *язык*, как бы затушевывающая остроту проблемы ИВМЯ.

В самом деле, чуть ли не каждый день приходится слышать или читать о «международном языке математики», о «языке мира, человеколюбия, свободы», об «интернациональном языке музыки», «понятном для всех языке деловых контактов» и «выразительном языке торговли», даже о том, что в зарубежных гастролях такому-то театру нисколько не мешал «языковой барьер» и т. д., и т. п. Убаюкивающий пафос таких выражений, с интерлингвистической и общесемиотической точек зрения, не так уж далеко отстоит от аргументации известного в истории ИВМЯ коллежского советника Михайлы Рослякова, который в начале прошлого века был убежден в том, что уже есть всемирный язык — «язык веры». Конечно, сейчас мало кто мечтает о глобальном православии, но ирония Л. Герара¹⁰: «Самый простой международный язык — молчание» — как будто еще не оценена за пределами узкого круга историков интерлингвистики.

По мере того как некоторое понятие об эсперанто укреплялось в психическом стереотипе человека XX в., слово *эсперанто* все чаще обнаруживало аналогичные (но, в отличие от слова *язык*, с поправкой на статус полуаппеллятива) приращения смысла. Ср., например, такие словоупотребления:

«Родилось новое слово — «линкос». Второй слог происходит от «космоса». А первый? Это начало слова «лингвистика». Космическая лингвистика? Именно так! *Своеобразное эсперанто Вселенной!*»¹¹; «Причудлив и своеобразен аппарат мозга. Физиолог и биохимик, психиатр и микроскопист долго разбирались в нем порознь. Кибернетика дала им общий язык, стала чем-то вроде эсперанто

⁹ Ср. факты, систематически накапливаемые и освещаемые в IIS, в материалах Центра исследований и документации Всемирной ассоциации эсперанто, в журналах «La monda lingvo-problemo», «International language review», «Fokuso», «Pensiero e linguaggio in operazioni», «Eco-logos» и др.

¹⁰ См.: L. Guérard. Short history of the International language movement. London, 1922.

¹¹ «Неделя», 1962 № 48, стр. 9. — *Линкос* из *lingua cosmica*.

биологии»¹²; «Сальваторе Квазимодо <...> признается, что он мечтает <...>, чтобы поэты разговаривали между собой, так сказать, на своем «поэтическом эсперанто», или понимая друг друга без слов»¹³.

Это — примеры «позитивных» приращений смысла. С ними мирно уживаются и «негативные». Свежий факт такого плана содержит «Диалог об актере»¹⁴. По мнению его участника — кинорежиссера Г. Козинцева, «мы разучились понимать красоту речи. Нивелирование текста, превращение языка в какое-то эсперанто — в этом нет ничего хорошего». Стремление перенести на слово эсперанто те отрицательные обертоны общеязыкового употребления, с которыми прочно срослось имя нарицательное *волапюк*, связано с обычными поисками новых пейоративов, но прежде всего — с «непросвещенностью» носителей языка относительно эстетической функции эсперанто, потенциальных и уже реализованных его возможностей¹⁵.

Но как ни важна проблема «Эстетика ИВМЯ» или — уже — «Эсперанто как язык перевода» и «Оригинальная художественная литература на эсперанто»¹⁶, это — тема особой статьи. Ограничимся поэтому простым ее упоминанием и, приведя строки призыва известного венгерского поэта-эсперантиста К. Калочая обогащать язык поэзией: «*venkas la deviz'aŭdaca: Riĉu la lingvo por alti arte!*»¹⁷,

¹² «Знамя», 1964, № 2, стр. 169.

¹³ «Иностранная литература», 1958, № 4, стр. 196; ср.: 1967, № 2, стр. 201. — В 20-е годы герой М. Шагинян Джим Доллар уже утверждал, что «кинематограф — эсперанто всего человечества».

¹⁴ «Литературная газета», 15 ноября 1972 г.

¹⁵ Отдельные упоминания о существующих переводах на эсперанто произведений мировой классики выглядят даже в литературоведческих трудах как раритеты, если не как курьезы. См. о переводе «Двенадцати» А. Блока «даже на язык эсперанто» в кн.: «История русской советской литературы», т. I (М., 1958, стр. 272). Ср. в то же время заявление А. Софронова о невозможности перевода на эсперанто «Ревизора». В последовавшем затем «Ответе эсперантистам» так и не была признана элементарная неосведомленность писателя (см. журнал «Театр» за 1959—1960 гг.).

¹⁶ См., например: W. Th. Oestle. *Esperanto Mittler der Weltliteratur*. München — Pasing, 1952; M. Hagler. *The Esperanto language as a literary medium: A historical discussion of Esperanto literature, 1887—1970, and a stylistic analysis of translated and original Esperanto poetry*. Doct. diss. Ann Arbor, 1972.

¹⁷ K. Kalocsay. Waringhien. «*Esperantologio*». Kopenhagen, 1961, v. II, № 2, стр. 73.

заметим, что в одном только изданном в ГДР номере журнала эсперантистов «Мир» («Расо», 1973, № 4) помещены переводы отрывков из романа Бруно Апица «Голый среди волков» («Nuda inter lupoj») — отдельное издание романа вышло в Лейпциге, — и из «Трехгрошовой оперы» Брехта, а также переводы стихотворения «Тринадцать миллионов тонн» (из «Вьетнамских стихов») Е. Евтушенко и «Песен о мире» Е. Долматовского. Здесь же опубликованы рецензии на изданные в 1971—1972 гг. в ДРВ сборники повестей и рассказов «La horlogisto de Djen Bjen Fu» и «Kun onklo Но».

Эсперантисты отваживаются на переводы даже таких поэтов, как В. Хлебников¹⁸. Когда-то И. Анненский с горечью писал: «Мы слишком привыкли смотреть на слово сверху вниз, как на нечто бесцветно-служилое, точно бы это была какая-нибудь стенография или Эсперанто, а не эстетически ценное явление из области тончайшего и древнейшего из искусств»¹⁹. Такой взгляд (и на слово, и на эсперанто) сохраняет живучесть и в наши дни. Как ни многосложны задачи современной филологии, ей еще предстоит непредвзято проанализировать достоинства и недостатки литературы на эсперанто и оценить конкретные проявления и перспективы эстетической функции этого языка, не такого уж и «искусственного» в его синхронии.

Теперь можно сформулировать более широкое определение интерлингвистики как междисциплинарного направления исследований. Интерлингвистика изучает способы удовлетворения потребности в средствах межнационального общения в его социальном, историко-филологическом и иных аспектах. Но проблемы, связанные с

¹⁸ Очень интересна тема «Хлебников и интерлингвистика». Ее затронул В. Гофман в своей книге «Язык литературы. Очерки и этюды» (Л., 1936). В обзорах проектов ИВМЯ не упоминается «звездный язык» Хлебникова — единственный, насколько известно, проект международного поэтического языка. Обращение к проблемам ИВМЯ и поэтического языка в их взаимосвязях позволило бы по-новому подойти и к «гипотезе Сэпира — Уорфа», ввести в нее дополнительные ограничения, обусловленные действительной зависимостью «поэтической модели мира» от устанавливаемой самим поэтом нормы своего поэтического идиолекта («идиостиля»). Ср. явление «инерции стиля».

¹⁹ И. Ф. Анненский. Книга отражений, ч. I. Пб., 1906, стр. 171—172.

синхронным, машинным и традиционным переводом, двумя многоязычием, «клубом мировых языков» и т. д., исследуются пока более внимательно и организованно, чем проблемы ИВМЯ. Требования системного анализа комплексной проблемы заставляют филологов устранить это «неравноправие». *Lingua non habet osorem, nisi ignorantem.*

3. Развитие интерлингвистики от утопии к науке характеризуют поиски оптимальных средств международной коммуникации, борьба различных точек зрения на проблемы «языковой политики», острые столкновения противоположных мировоззрений, разных идеологий. В «Литературных мечтаниях» В. Белинский писал: «Создать язык невозможно, ибо его творит народ; филологи только открывают его законы и приводят их в систему, а писатели только творят на нем сообразно с сими законами»²⁰. Но филологически строго проанализировать этот тезис, очевидно, невозможно, если не принять во внимание слова М. Горького (1928): «Стремление создать язык, единый для всех людей — одно из тех дерзких до безумия стремлений, которые всегда служили, ныне служат и всегда будут служить делу организации мира по воле человека и для безграничного развития способностей человека <...> Против эсперанто возражают: это искусственный язык, а языки искусственно не создаются». Но ведь «<...> все, что отводит нас от животных, — все это «искусственно»»²¹. Нет необходимости напоминать здесь концепцию А. Шлейхера и полемику с ней уже в трудах А. Потебни²².

В настоящее время обсуждение вопроса о том, возможен ли создание ИВМЯ, уже не имеет смысла. В 10—20-е годы XX в., учитывая объективный опыт функционирования языков типа эсперанто, (интер)лингвистика ответила на этот вопрос безоговорочно в положительном смысле. Кроме названных выше, и такие лингвисты, как Р. Ф. Брандт и В. И. Чернышев, а за рубежом — В. Коллинсон и Б. Мильорини, К. Фосслер и Дж. Л. Трейджер, Э. Германн и А. Дебруннер, Ж. Вандриес и Н. Ван-Вейк, участвовали в распространении интерлингвистических ак-

²⁰ В. Г. Белинский. Собр. соч., т. I. М., 1948, стр. 31.

²¹ См. текст письма А. Пешкова белорусским эсперантистам в заметке «Максим Горький — об искусственности языка» («Известия ЦК СЭСР», 1928, № 3—4, стр. 65).

²² Критику взглядов Шлейхера с последовательно интерлингвистической точки зрения см.: Е. Bokarev. Указ. соч., стр. 9.

сиом. Любопытно, что некоторые из этих ученых первоначально были принципиальными противниками ИВМЯ, а позднее, признав, например, эсперанто или идо, или идею интерлингвы ИАЛА, обнаруживали и на интерлингвистической арене свои политические пристрастия. Так, Фосслер в 1925 г. с тревогой писал о том, что «международные большевизм, социализм и коммунизм» намерены с помощью эсперанто «развивать свою политическую пропаганду».

Казалось бы, что младограмматизм в языкознании в результате деятельности Бодуэна и Ф. де Соссюра и развития новых направлений исследования языка преодолен бесповоротно. Но «мертвый хватает живого». Живучесть старых, «преодоленных» методологических концепций еще не до конца объяснена языковедческой геронтологией. Во всяком случае, полагая, что в полемике по вопросу об ИВМЯ между Бодуэном и Бругманом — Лескином «в последний раз резко и четко столкнулись два лингвистических мировоззрения: оживающее младограмматическое и оппозиционное бодуэновское», Л. В. Щерба, писавший это в 1929 г., заблуждался. Подобно тому, как Шлейхер и некоторые младограмматики относились к литературным языкам, так многие современные лингвисты относятся к ИВМЯ. Прямых «столкновений» за рубежом немало и сейчас ²³. Показательны и неаргументированные оценки ИВМЯ, принадлежащие видным советским лингвистам, хотя несомненно, что, например, эсперанто — проблема не мнимая, а реальная ²⁴.

²³ См., например, обсуждение полемики между кибернетиками Миланского университета Чеккато и Бароссо, с одной стороны, и интерлингвистом Верлорен ван Темаат — с другой, по вопросу о создании нового ИВМЯ методами «operational linguistics» (IS, 1973, № 2, стр. 20). Правда, в этом конкретном случае обнаруживается, так сказать, «машинный» младограмматизм в области ИВМЯ, младограмматизм «наизнанку». Волна настоящего младограмматизма обнаружилась особенно ярко во время и после обсуждения вопроса об ИВМЯ на сессиях ЮНЕСКО (Монтевидео, 1954; Париж, 1966) и на I Международной конференции по языковой проблеме в науке и обучении (Копенгаген, 1962).

²⁴ Ср., в частности: «Процесс терминологического строительства нельзя рассматривать как создание некоего *искусственного и механистично-мертвого «эсперанто»* из русских [сноска: В том числе заимствованных] морфем» (М. В. Панов. Словообразование. «Русский язык и советское общество. Проспект». Алма-Ата, 1962,

Заклинания типа *Pereant linguae artifices!* и др., звучащие еще на дискуссии о синхронии и диахронии в 1957 г., также показывают, что младограмматизм во взглядах на ИВМЯ не изжит до сих пор. Его поддерживает и слабая информированность социологов, филологов, писателей и читателей по вопросу об эсперанто и по проблеме ИВМЯ в целом. Все это создает в научной и общей печати некоторый «интерлингвистический вакуум», опасный и потому, что он заполняется — стихийно и «естественно» — индивидуальными или стереотипными пристрастиями, а иногда и очень далекими от науки вполне обывательскими «фактами»²⁵. Им должна быть противопоставлена оперативная и объективная информация²⁶. Что касается самого языкознания, то привычные для него — со времен А. М. Пешковского — «объективная» и «нормативная» точки зрения на язык пока еще не распространились на все интерлингвистические объекты²⁷. Не бу-

стр. 43); или — с поправкой на вероятную журналистскую неточность: «Считают иногда, что можно упростить русскую грамматику... Так это значит — придумать другой язык! Попробуйте, сделайте! Кому он будет нужен?! Кто будет на нем говорить?! Создан искусственный язык эсперанто, им пользуются любители во всем мире, но он не стал народным языком ни в одной стране. *И не будет ни народным национальным [?!] языком, ни настоящим международным*» («Русский язык: проблемы реальные и мнимые» [Интервью Ф. П. Филина корреспонденту А. Латышиной] «Литературная газета», 18 апреля 1973 г.).

- ²⁵ «Любопытно, что наибольший процент сторонников эсперанто оказался среди... полицейских и работников уголовного розыска» («Техника — молодежи», 1963, № 4). — Известны произвольные оценки эсперанто у А. Франса, О. Э. Мандельштама, К. Г. Паустовского, С. В. Михалкова, В. А. Солоухина, С. Шуртакова, Вл. Чивилихина и других писателей. Страшная метафора недавно появилась у Е. Евтушенко: «Для меня поэзия — это исповедь сразу перед всеми, а не перед узким кругом духовных эсперантистов» (см.: «Литературная газета», 28 февраля 1973 г., стр. 5; ср.: Е. Евтушенко. *Полющая дымба*. М., 1972, стр. 136). Сомнения здесь вызывает, конечно, не право иметь любое мнение о том или ином языке, а инерция неkritичности в подчинении ходячему стереотипу, одному и тому же во времена И. Анненского и в наше («послебодуновское» и «послегорьковское») время.
- ²⁶ Образцом может служить заметка «Рабочий язык — эсперанто» в «Правде» от 4 августа 1970 г. о 55-м Всемирном конгрессе эсперантистов.

- ²⁷ Ср.: «Ведь именно естественный язык, и только он, составляет предмет той области науки, которую человечество всегда знало под именем лингвистики» (В. А. Звегинцев. Глоссематика и лингвистика. «Новое в лингвистике», вып. 1. М., 1960, стр. 238).

дет, по-видимому, преувеличенным требование внедрить в науку о языке последовательно интерлингвистическую точку зрения на реальные процессы языкового развития.

Очень важно, чтобы такое внедрение могло опираться на непредвзятый анализ всей совокупности ленинских высказываний и заметок об интерлингвистической проблематике, на соответствующие материалы международного коммунистического и рабочего движения и воспоминаний о Ленине. Это позволило бы полностью развеять, с одной стороны, легенды об источниках афоризмов типа «эсперанто — латынь пролетариата», а с другой — реально оценить все еще бытующие, но очень слабо аргументированные утверждения о том, что Ленин был якобы убежденным противником ИВМЯ ²⁸. Между тем Институту марксизма-ленинизма при ЦК КПСС неизвестны какие-либо высказывания Ленина об эсперанто. Усматривать в использовании Лениным для характеристики терминологии Каутского слова *волапюк* ²⁹ общую оценку ИВМЯ — элементарно некорректно: уже в 10-е годы это слово стало нарицательным со значением 'абракадабра' ³⁰.

Первую и в целом плодотворную попытку осмыслить все доступные материалы, относящиеся к теме «Ленин и интерлингвистика», предпринял недавно ленинградский исследователь С. И. Подкаминер ³¹. По его заключению, возможно, что Ленин присутствовал на диспуте «Социа-

²⁸ Последние опираются на воспоминания Е. Дидрихиль («Молодая гвардия», 1924, № 2—3). См., например: «Юношеская печать», 1957, № 8—9; «Вопросы истории КПСС», 1964, № 4; «Коммунист Эстонии», 1964, № 7. Авторы помещенных в этих журналах статей (О. Логинова, Ф. В. Тадевосян и М. Д. Каммари) некритично пользуются цитатами из указанных воспоминаний. См. в этой связи также раздел «Некоторые общие вопросы науки о языке» в статье: Ю. Дешериев, М. Каммари, М. Меликян. Развитие и взаимное обогащение языков народов СССР. «Коммунист», 1965, № 13.

²⁹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 24.

³⁰ Известно, что Каутский неоднократно обращался к проблемам международного языка. Его позиция в этом вопросе еще недостаточно глубоко проанализирована интерлингвистикой. Существенно учесть и независимо от такого анализа все ленинские рефераты работ Каутского (см. особенно: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 387) и записи речей Маркса о тред-юнионах (см.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 17, стр. 644).

³¹ См.: С. И. Подкаминер. Ленин kaj Esperanto.—«Der Esperantist», Juni — Aug., 1970, № 42.

лизм и эсперанто» в Кракове 15 августа 1912 г., и несомненно, что с согласия Ленина в порядок дня II Конгресса Коминтерна был включен пункт «Об эсперанто», а порядок дня III Конгресса Коминтерна содержал пункт «О международном языке». Разыскания С. Н. Подкаминера и приводимые им факты заслуживают внимания. Их следует оценивать, учитывая, например, и высказывание А. В. Луначарского (первоначально скептически относившегося к идее ИВМЯ, но в 1926 г. признавшего, что факты говорят в пользу эсперанто), «Письма о международном языке» А. Барбюса, аргументы М. Горького, деятельность Союза эсперантистов советских республик и Студийной комиссии по введению международного языка в Коминтерн³² и т. п.

4. За последние 15—20 лет в положении интерлингвистики в нашей стране произошли благоприятные перемены. Интерлингвистика официально признана как научная специальность. В составе одного из научных советов при Бюро Отделения литературы и языка АН СССР работает секция интерлингвистики. Появляются все новые, в том числе интересные и перспективные публикации³³. В какой-то мере определились и организационные формы эсперантского движения в СССР. Все активнее становятся интерлингвисты за рубежом³⁴. Заметна деятельность сторонников мира — эсперантистов в ГДР. Все это — косвенные отражения все более ясно осознаваемой необходимости преодолеть языковые барьеры в условиях нарастающего потока разноязычной информации.

Тем не менее мы не располагаем еще ни одним дипломированным специалистом по ИВМЯ. Соответствующие

³² Текст резолюции этой комиссии, рекомендовавшей «базироваться на изучении и преподавании международного языка идо» см. в кн.: А. Лантош и др. Учебник международного языка идо для рабочих. С коллективного немецкого издания переработан тт. Ник. Юшмаповым... и Фрицем Мильтером... М. (б.г.), стр. VIII—IX. — В комиссию входили «тт. Погани (нарком бывшей Советской Венгрии), Апри Гильбо (Франция), Вакс (Англия), Крыленко (Россия) и Ганс Ичнер (Швейцария)» (Там же, стр. V).

³³ См., например: М. Linnamägi. Über die lexikalische Selbstständigkeit der Suffixe in den Nationalsprachen und im Esperanto. «Linguistica», IV. Tartu, 1971.

³⁴ См. работы М. Пея (М. Pei, США), книгу В. Таули (V. Tauli. Introduction to a theory of language planning. Uppsala, 1968), публикации Д. Бланке (D. Blanke, ГДР) в журнале «Расо» и т. д.

исследования не планируются и не координируются. Деятельность одной только Секции интерлингвистики не в состоянии, конечно, существенным образом изменить положение дел. Ведь даже сам предмет и задачи интерлингвистики разные ученые понимают очень по-разному, а лингвистическая прогностика обычно считает, что «искусственно созданные языки типа эсперанто ... в счет не идут»³⁵, и «оставляет в стороне <...> идеи общих искусственных языков <...>», поскольку не считает ИВМЯ «реально наблюдаемыми явлениями языкового развития»³⁶.

По-видимому, действительная потребность в едином средстве общения еще не настолько остра, чтобы «парадоксальная» языковая ситуация в современном мире (по характеристике А. Мейе в 1918 г.) осознавалась как кризисная. Кризис еще не назрел. Поэтому предупреждения специалистов и их предложения по использованию ИВМЯ³⁷ остаются без практических последствий. Но заметим, что, по признанию ученых, глобальные масштабы экологического кризиса застали их врасплох³⁸. Интерлингвистике стоит своевременно усвоить эти методологические уроки.

«Парадокс» самой интерлингвистики состоит в том, что именно в ней специалисту особенно трудно охватить всю необходимую научную информацию: значительная часть важнейшей литературы об ИВМЯ — в частности, классические работы Н. В. Юшманова, Р. де Соссюра, Л. Кутюра — представляет собой библиографические редкости. Интересные дискуссии, например о проблеме сложных глагольных форм эсперанто с причастиями на *-ata* и *-ita*, могут развернуться на страницах такого журнала, как «Oomoto», чей религиозный пафос притупит внимание серьезного ученого, если, допустим, этот крошечный журнал вообще попадет к нему на глаза, и т. п. Не в последнюю очередь с этим обстоятельством связано относительно медленное развитие полноценных работ по эсперантологии.

³⁵ Ф. П. Филин. Современное общественное развитие и проблема двуязычия. — «Проблемы двуязычия и многоязычия». М., 1972, стр. 23.

³⁶ В. Г. Костомаров. Русский язык как язык широкого международного употребления. «Филол. науки», 1972, № 6, стр. 74.

³⁷ См., например: А. Берг, Д. Арманд, Е. Бокарев. 64 языка... и еще один. — «Литературная газета», 28 августа 1968 г.

³⁸ См. поучительные материалы «круглых столов» в журнале «Вопросы философии» (1973, № 1—4; 1974, № 8—9 и др.).

Им же усугубляются и трудности общей классификации интерлингвистических объектов. В неупорядоченных терминах, без детализации и без показа взаимодействий здесь можно было бы предложить такую схему противопоставлений: 1) ИВМЯ — «естественные языки» в функции средств международного общения; 2) апостериорные аналоги «естественных языков» — априорные проекты, а также символические языки, языки-посредники машинного перевода, метаязыки типа «логлэн» или «юнисист» и т. п.; 3) глобальные проекты ИВМЯ — зональные, континентальные, проекты для группы родственных языков; 4) ИВМЯ с полным объемом функций (для «всех») — функционально ограниченные проекты (например, только для ученых; ср. интерлингва-ИАЛА); 5) ИВМЯ с автономными системами словообразования — натуралистические проекты; 6) ИВМЯ с относительно гомогенным корнесловом — гетерогенные системы.

Практика построения и развития ИВМЯ, основанного на первых членах указанных оппозиций, представлена в опыте эсперанто³⁹. По поводу каждого из шести перечисленных уровней как бы задается немало каверзных вопросов разного рода: способен ли этот язык обеспечить полноценное международное общение, каковы были бы политические и иные последствия его всеобщего выбора, окажется ли он «языком-посредником» или на нем будут развиваться и «ненациональные» культурные ценности⁴⁰, если априорные проекты ИВМЯ неконкурентоспособны, то не превратится ли эсперанто в хобби в случае успехов машинного перевода⁴¹ и т. д. В этой статье невозможно даже кратко остановиться на контroversах в рамках остальных противопоставлений. Заметим только, что практически весь XX в. занят поисками новых ИВМЯ, «бо-

³⁹ Исследование Б. А. Успенского подтвердило, что эсперанто представляет аналитический, агглютинативно-аморфный тип языка, хотя исходный материал Л. Заменгоф брал из флективных, фузионных языков. См.: Б. Успенский. Принципы структурной типологии. М., 1962, стр. 26—27 (сноска).

⁴⁰ См. в этой связи соображения А. Альбо (A. Albault) в IIS (1967, № 4, стр. 46).

⁴¹ Интерлингвистический аспект машинного перевода рассмотрел М. Цайлингер (M. Zeilinger) в журнале «La monda lingvo-problemo» (1973, IV, 11). Автор предлагает противопоставление «искусственные — естественные» языки заменить на «социальные — машинные» (стр. 88).

лее совершенных», чем эсперанто: от идо (Л. Кутюра), окциденталя (Э. де Валь), эсперантидо, нов-эсперанто (Р. де Соссюр) и этема (Н. В. Юшманов) до фратэра (Pham Xuan Thai)⁴², априорного боабому, и многих, которые еще последуют.

Попытки создания новых ИВМЯ имеют большое значение, так как, с одной стороны, помогают обнаружить некоторые слабые места в эсперанто, а с другой — подтверждают, что эсперанто вовсе не является неким архаизмом «эпохи до Хомского», как выразился недавно А. Баузани (1970). Выявление универсалий среди национальных языков и новейшие методы в познании природы языка не привели в области «конструктивной интерлингвистики» к созданию опасного конкурента эсперанто и даже к существенно новым идеям. Победить эсперанто в условиях обычной конкуренции мог бы сейчас, по-видимому, лишь такой проект ИВМЯ, который превосходил бы эсперанто принципиально и безусловно. Вместе с тем известно, что Бодуэн отказался придумывать новый проект («лучшее враг хорошего»), а другие лингвисты (среди них Р. Ф. Брандт, О. Есперсен, коллектив ИАЛЯ) пытались «превзойти» эсперанто, но не добились желаемого успеха. Кроме того, эсперанто обнаружил важную способность: он легко заимствует, использует и преобразует не только то новое, что появляется в живой речи разных национальностей, но и то ценное для него и конструктивное, что обнаруживается в идеях конкурентов. Не один только Кутюра обвинял эсперантистов в плагиате.

Но если упомянутый выше PIV по объему вполне соизмерим с однотомным Ляруссом или словарем С. И. Ожегова, то в своем содержании он драматичен. Выше было сказано, что квалифицированные лингвисты мало интересуются культурой эсперантской речи; советские же интерлингвисты практически почти не участвуют в нормализаторской деятельности Академии эсперанто. Между тем налицо не только определенная тенденция к окцидентализации («озападниванию») современного эсперантского словоупотребления и синтаксиса; нетрудно заметить и собственно лингвистическую нормативную недостаточность этого ИВМЯ.³ Драматизм в том и заключается,

⁴² В этом проекте (см.: «Oomoto», sept.-okt. 1958, № 219—220) использованы и русские слова: tak, kak, ot, savtra, fsera ‘вчера’.

что степень нормализованности эсперанто пока не вполне отвечает задачам его полноценного и беспрепятственного функционирования в качестве ИВМЯ. Во всяком случае эсперанто в нормативном отношении пока недостаточно далеко ушел от младописьменных и все еще слишком медленно приближается к развитым национальным языкам.

Дело здесь не в том, что первоначальные полупуристические тенденции к максимальному использованию в эсперанто словосложения и деривации на базе очень ограниченного количества корней и аффиксов с течением времени дополняются противоречащей тенденцией к неологизации. Это — естественная для живого языка тенденция к окказиональному расширению корнеслова, к полисемии и к экономичности иного рода; так, например, у ряда длинных слов эсперанто появляются короткие конкуренты, синонимы-неологизмы (или «квазисинонимы»). Ср. судьбу многих слов с *mal-*: с *maldekstra* 'левый' конкурирует *liva*, с *malfermi* 'открывать' — *ovri*, с *maljuna* 'старый' — *olda*, с *mallborema* и *malpenema* 'ленивый' — *pigra*, с *malgaja* и *malĝoja* 'печальный' — *trista* и т. п.

Круг таких слов сам по себе очень интересен. Одни из них (например, *trista*) в некоторых словарях уже не имеют никаких ограничительных помет, другие — сохраняют статус поэтизмов (*olda*, *pigra* и т. п.), наконец, третьи — сопровождаемые обычно пометами *нов.* или *малоупотр.* — составляют основу того слоя слов эсперанто, который можно было бы обозначить как письменно-литературное просторечие⁴³. Распределение указанных помет в словарях нельзя признать последовательным. Многие такие слова, действительно, появились впервые в оригинальной или переводной поэзии эсперанто, но различие между просторечием и поэтической лексикой здесь пока менее четкое, чем, скажем, в современном русском языке⁴⁴.

⁴³ В последние годы в эсперанто развивается и «молодежный жаргон». См. наблюдения венгерского интерлингвиста д-ра И. Сердахолы; журнал «Der Esperantist» (№ 48, Juli — Aug., 1971) перепечатал его заметку из журнала «Literatura Foiro».

⁴⁴ Хотя и в нем трудно отрицать глубинную общность отдельных процессов в развитии просторечия и жаргонов, с одной стороны, и в словообразовании, характерном для современной поэтической речи, — с другой. Ср., например, жаргонные метафоры типа *мылкий*, каламбуры типа *международный вагон* (т. е. бесплацкартный вагон, в котором едут «между народами») и т. п.

Дело и не в том, что в эсперанто начинают появляться сложносокращенные слова типа русск. *колхоз* и *компартия* (ср. в PIV: *priseko* из *privata sektoro*, а также *kompartio*). Это вводит в эсперанто не предусмотренный инициатором способ словообразования, что, конечно, создает — как когда-то и в русском языке — специфические проблемы нормирования, принципиальную возможность оживления борьбы пуристов и антинормализаторов и в практике развития ИВМЯ. Но пока аббревиатуры такого рода единичны.

Суть главной из проблем нормализации эсперанто заключается в другом. В свое время попытки создать ИВМЯ, которые бы не изменялись, напминали Ф. де Сосюру курицу, высидевшую утиное яйцо. Сейчас эта аналогия должна быть расширена: ее следует распространить и на попытки создать неидиоматичный язык или полностью воспрепятствовать развитию в ИВМЯ идиоматики.

Речь идет о том, что официальная нормализация, которая является прерогативой Академии эсперанто, недостаточно учитывает принципиальную идиоматичность многих эсперантских слов, переоценивая системность эсперантского словообразования (ср. трудности нормализации слов на *-ul(o)*, *-i(o)*, *-ig(i)* и относительную легкость нормализации слов с сознательно идиоматичным суффиксом *-um-*). К тому же нормализация ведется все еще, как правило, на уровне морфем — корней и аффиксов, а не слов (и поэтому сильно отстает от реальной практики словоупотребления; так, строго говоря, даже слово *esperantisto* не является официальным, поскольку не получает в словарях соответствующего знака — звездочки, астериска). Наконец, в связи с этими обстоятельствами, нормализаторы ориентируются прежде всего на план выражения, а план содержания нередко предполагается как бы автоматически выводимым из морфемной структуры языка.

Между тем известно, что «ни звучание, ни смысл морфов, будучи определенными, не являются однозначными»⁴⁵. Однозначная определенность в словаре (не говоря уж о контекстах и кони-туациях) может быть достигнута лишь на уровне слов, а

⁴⁵ Ю. С. Степанов. Семиотика. М., 1971, стр. 56.—Ср. в PIV замечание Г. Вариньена о том, что при подготовке словаря он много внимания уделил «исследованию смысла (*senc-esploro*) наиболее употребительных корней» (стр. XII).

не морфов и морфем. Но нормализующий знак asterisko даже в PIV «определяет» морфемы, а слова или их отдельные значения — лишь в исключительных случаях. Кроме того, наблюдается существенный разнобой по словарям, связанный с различиями в авторском понимании категориальной принадлежности того или иного корня ⁴⁶.

Все это требует от программы дальнейшей нормализации эсперанто не простого отказа от asterisko в его нынешней полудиахронической функции ⁴⁷ и не только перехода к нормализации сл о в (с сохранением в необходимых случаях нормативного описания аффиксов, псевдоаффиксов, элементов интернациональных сложных и производных слов и т. п.). Прежде всего должна быть подвергнута сомнению и всесторонне исследована сама необходимость описывать гнезда слов, синхронно-словообразовательные связи и словоупотребление в эсперанто лишь на основе гипотезы о жесткой прикреплённости к а ж д о г о корня (вне слова!) к той или иной части речи ⁴⁸. Уже Кутюра попробовал в описании идо обойтись (частично) без этой гипотезы.

4. Не менее (а вероятно, много более) 100 тыс. человек уже активно избрали эсперанто в качестве ИВМЯ. Поэтому невозможно обходить молчанием этот тип двуязычия (многоязычия) в специальных работах. Ведя полемику с Бауэром по национальному вопросу, Ленин, конспектируя работу Каутского, брал данные о распространении «мировых языков» в их динамике и был очень осторожен в коммен-

⁴⁶ В PIV редактор «всюду сохранил грамматическую категорию, под которой корни фигурируют в «*Universala vortaro*»... Впрочем, упоминание в некоторых статьях U.V. наряду с безаффиксным главным корнем также и отдельных форм с окончаниями (например, *flog'o* рядом с глагольным *flog'*) показывает, что по мысли Заменгофа категориальность корней была более гибкой, чем обычно полагают» (стр. XII).

⁴⁷ Ср. также в PIV функции знаков ^{1...7} как указаний на порядковый номер «официальных дополнений» к «*Fundamento*» Заменгофа. Целесообразней в будущем использовать астериск как раз для ненормативных слов (с одновременной разработкой всей необходимой системы характеристик стилистических противопоставлений).

⁴⁸ Книга А. Н. Тихонова «Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря современного русского языка» (Самарканд, 1971) в этом смысле исключительно актуальна и для эсперантологии. См. также: В. В. Лопатин и И. С. Улуханов [Рец.] — РЯШ, 1973, № 1.

тариях к данным о численности говорящих. Понятно, что статистика по ИВМЯ тогда не могла приниматься во внимание. Нынешняя статистика позволяет обсуждать все плюсы и минусы и такой языковой политики, которая была бы направлена на сознательное распространение ИВМЯ.

Очевидна возможность «мирного сосуществования» и даже плодотворного сотрудничества ИВМЯ типа эсперанто и тех национальных (родных и иностранных) языков, которые претендуют на членство в «клубе мировых» или уже входят в него. Реальные потребности в знании русского и английского языков (как мировых) сейчас неизмеримо превосходят потребность в знании эсперанто. Но это связано прежде всего с традицией издания научно-технической литературы, т. е. зависит от языковой политики, а не от принципиальной неспособности эсперанто (или ИВМЯ вообще) выступать в ранге «настоящего международного языка». В свою очередь языковая политика определяется действительно осознаваемыми общественными потребностями, и если социалистическое общество испытывает потребность в едином средстве международного общения, то должна быть серьезно и беспристрастно рассмотрена и кандидатура ИВМЯ. Понятно, что более широкое использование ИВМЯ для пропаганды передовых идей могло бы уже сейчас способствовать успешной борьбе с «языковым империализмом» англосаксонского или англо-французского типов⁴⁹.

Альтернатива «русский язык или эсперанто» представляется ложной, как и альтернатива «эсперанто или иностранные языки». Следовало бы серьезно обсудить конкретные шаги по замене этих неконструктивных «или» на более диалектическое «и», а также способы перехода от стихийного распространения ИВМЯ (так пока распространяется эсперанто) к последовательному, телеологически осмысленному его освоению. Заметим, что для эсперанто как младописьменного языка одной из самых важных является функция предмета преподавания.

Как ни медленно росла до сих пор потребность в общем для всех международном языке, она по данным оп-

⁴⁹ См. в этой связи статью: *W. Benton. English spoken: here, where, everywhere.* «Think», ed. by IBM, 1967, № 1 — и ее критику в *IIS* (1967, № 2), а также *IIS*, 1971, № 2, стр. 23 (о претендентах на роль общего языка в ЕЭС).

росов все полнее осознается не только отдельными специалистами и не только в нашей стране. «Клуб мировых языков», сам обнаруживая тенденцию к росту, по определению не удовлетворяет этой потребности. Глобальная языковая конфронтация неизбежно уступит место эпохе переговоров. Определенному выбору (И)ВМЯ, очевидно, будет предшествовать открытая международная социолингвистическая дискуссия в течение ряда лет. Практически она уже давно ведется, но лингвисты должны быть готовы к ее неизбежному оживлению. Пока такой готовности нет, и свежих поправок в парадоксальный тезис Ж. Мунэпа (1958 г.) о том, что проблема вспомогательного международного языка никогда не подвергалась серьезному научному изучению, вносится не так уж много.

Таким образом, сфера ИВМЯ ставит перед лингвистами множество проблем, но лингвистика не только не пытается их решить, но еще не приобрела и вкуса к их формулированию. Конечно, для лингвистов окажутся дискуссионными многие характеристики разных ИВМЯ, в том числе и эсперанто: это и слоговая длина некоторых частоупотребляемых слов, и степень нормированности разных звуковых системы, и стилистическая разветвленность словаря и синтаксиса, и многое другое. Дискуссионность литературоведческой проблематики ИВМЯ тем более очевидна. Но еще раз подчеркнем: все это — проблемы, типичные для любого м л а д о п и с ь м е н н о г о языка и именно поэтому требующие серьезных дискуссий.

Во взглядах на «естественную эволюцию» эсперанто окулист Заменгоф оказался более прозорливым, чем логик Кутюра или лингвисты Есперсен и Юшманов. Уже один этот, опять-таки парадоксальный, факт представляет собой лингвистическую проблему. Е. А. Бокарев, его коллеги и ученики, интерлингвисты разных стран неоднократно анализировали стандартный набор стереотипных возражений против беспримерного эксперимента с ИВМЯ⁵⁰. Отчего же диалог этот по-прежнему напоминает «диалог глухих»? Несомненно, прав С. Аверинцев: «непредвзятость — совесть филологии». К сожалению, верно и другое: «легче расщепить атом, чем разбить предрассудки».

⁵⁰ См., например, аргументированную статью проф. В. Фалькенхана (V. Falkenhahn; Институт славистики университета им. Гумбольдта, Берлин, ГДР) в журнале «Der Esperantist» (Jan. 1968, № 18—19).

Д. Л. Арманд

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО И ОКЕАН ИНФОРМАЦИИ

Все чаще перед наукой встают задачи, которые можно решить лишь путем прямого сотрудничества ученых всего мира. Достаточно привести такие примеры, как Международный географический год, Международная гидрологическая декада, Международная биологическая программа, исследование Антарктики, сотрудничество в борьбе с раком и сердечно-сосудистыми заболеваниями, исследование космоса. Ежегодно растет число технических мероприятий, которые по самой сути дела носят международный характер и требуют обмена информацией между людьми разных наций. Сюда относятся все виды международной связи и транспорта, внешняя торговля, международные выставки, служба погоды, борьба с эпидемиями, эпизоотиями и вредителями растений, спасательная служба на морях, зарубежный туризм. Всюду остро ощущается необходимость в общем языке.

Число патентов превысило 10 млн. и увеличивается на 250 тыс. в год. Во всех странах патенты составляются на родном языке. Нужно ли удивляться, что их сравнение вырастает в задачу исключительной сложности? Помимо языка необходимо владеть и той национальной терминологией, которую применяли авторы патента. А ведь, например, в химии на каждом языке имеет хождение около 40 тыс. терминов, раза в четыре больше, чем всех слов в разговорном языке, причем многие из них созданы эмпирически, на словарной базе данного языка.

Знание главных европейских языков все меньше помогает в разрешении вопроса. Так, почти вся японская научная периодика печатается на родном языке. Из 120 журналов Индонезии 85 издаются на индонезийском. Социалистические страны публикуют материалы на своих языках. Сто лет назад для составления первых пяти выпусков справочника по химии требовалось просмотреть лишь около десяти журналов. В 1956 г. только раздел «Химия

цинка» содержал обзор 25 тыс. работ на десятках языков. Американские химики подсчитали: если синтез нового соединения обойдется менее, чем в 100 тыс. долларов, то выгоднее проделать всю работу заново, чем разыскивать в литературе, не получено ли это вещество где-либо в другом месте.

При попытке обобщить материал по климату Африки потребовалось знание 25 языков; в будущем, когда все языки этого континента обретут письменность, число это значительно возрастет. Опыт показывает, что в развитых странах (а сейчас все страны стремятся к развитию) число специалистов бывает приблизительно пропорционально количеству населения, число же возможных прочтений на данном языке пропорционально квадрату количества специалистов. Отсюда следует, что в ближайшие десятилетия уменьшится удельный вес публикаций на английском, французском и немецком языках и возрастет роль японского, хинди, арабского, суахили и др.

Языковую проблему в науке можно решить одним из трех способов: 1) усовершенствовать систему информации так, чтобы каждый специалист мог быстро получить любые данные на родном языке; 2) принять для научных публикаций ограниченное число языков, которыми будут свободно владеть все ученые; 3) принять для науки по взаимному соглашению какой-либо один язык и публиковать все научные тексты на нем или параллельно на нем и на национальном языке.

Первый путь приведет к чрезвычайному увеличению числа переводных изданий. Издательства «Мир» и «Прогресс» выпускают книги, переведенные на русский с 43 языков и, в свою очередь, переводят с русского на 30 главных языков мира. Однако они почти не переводят с русского научную литературу; это переплатабельно, так как каждым языком владеет небольшое число специалистов по данному вопросу и это обуславливает малые тиражи издания.

Основной поток научной информации идет через серийные издания и журналы. В Западной Европе имеется около 340 реферативных организаций, в США издается 492 реферативных журнала, пытающихся обобщить всю эту информацию. В Москве, помимо отраслевых, находится крупнейший в мире Всесоюзный институт научной и технической информации АН СССР (ВИНИТИ).

Сюда стекается литература на 64 языках из 108 стран мира. Институт перерабатывает в год сотни тысяч статей. Информация сводится в 25 томов, посвященных основным наукам и разделяющихся на 164 выпуска по частным дисциплинам и 69 серий экспресс-информации. И все-таки продукция ВИНТИ не охватывает литературу по строительству, сельскому хозяйству, медицине и гуманитарным наукам.

Передаваемая информация не отличается точностью, так как каждая публикация проходит шесть — восемь операций: классификацию, перевод, сокращение, редактирование и т. д. Это типичный пример многоконтактной связи. Ошибки обильны, так как невозможно найти специалистов-переводчиков десяти тысяч узких профилей (164 отрасли на 64 языках). Трудности увеличиваются оттого, что в наименьшей степени приходится сокращать материалы, переводимые с малодоступных языков — читатель не прочтет их в оригинале, но как раз для них трудней всего найти переводчиков. Суммирование ошибок на разных этапах обработки приводит к потере, или в терминах кибернетики, энтропии информации.

Реферативная система не обладает и надежностью, так как операции в ней включены последовательно, связь здесь одноканальная, все экземпляры тиража идентичны, и однажды сделанная ошибка не может быть скорректирована с помощью параллельных каналов. Вследствие сложности процесса пропускная способность звена связи оказывается невысокой и доставка информации потребителю не отличается быстротой: в реферативных изданиях ВИНТИ она поступает к читателю через 5—12 месяцев, а по книгам — до трех лет после их опубликования на языке оригинала.

Лучший американский реферативный биологический журнал перерабатывает только 26 % литературы в своей области.

Не лучшее обстоит дело и с устным переводом. Международный конгресс математиков в Москве принял в качестве рабочего языка английский, однако синхронный перевод обеспечить не удалось, невозможно было найти специалистов во всех узких областях, свободно владеющих этим языком.

Генеральный секретарь Реферативного бюро Международного совета научных союзов Г. Бугри предложил

заключить конвенцию: каждая книга или статья должна снабжаться аннотацией на четырех главных языках — английском, русском, французском, немецком. Такое временное соглашение возможно, но почему только четыре языка? Сюда, вероятно, следует добавить испанский, японский, арабский, хинди и т. д. Этому списку суждено расти, будут непомерно возрастать объемы изданий и вместе с ними расходы. Об их величине можно судить по тому, что каждый выпуск «Курьера ЮНЕСКО» на новом языке обходится в 25 тыс. долларов.

Национальный язык в роли международного языка науки неприемлем по многим соображениям. Во-первых, страна, чей язык будет принят для всеобщего общения, окажется в привилегированном положении, ее ученые не будут вынуждены тратить по 3—5 лет на изучение чужих языков и отдадут это время науке. Будут сэкономлены сотни миллионов часов рабочего времени, страна эта вырвется вперед по уровню развития науки. Во-вторых, она получит большие возможности экономической и идеологической экспансии. За научными работами последуют технические условия, проспекты, каталоги, рекламы товаров, наконец, газеты и радио. Это даст ей громадный перевес и в политическом отношении. Другие страны никогда не согласятся предоставить ей такие преимущества.

Успехи в разностороннем применении счетно-решающих устройств породили мысль использовать их также для машинного перевода. Однако задача очень трудна, особенно в части построения моделей языков оригинала и перевода. Каждая грамматика состоит из сотен, иногда тысяч правил правописания, морфологии, синтаксиса. С точки зрения логики эти правила в значительной части абсурдны. В каждом языке имеются сотни основных и тысячи производных неправильных глаголов, каждый из которых принимает десятки форм, конструируемых «рассудку вопреки, наперекор стихиям».

В результате электронные машины выдают лишь полуфабрикат; их переводы требуют доработок человеком, знающим как оба языка, так и отрасль знания, которой посвящен перевод. Чрезвычайное усложнение переводных машин для достижения удовлетворительных результатов делает значение этого метода, как средства преодоления языковых барьеров в науке, ограниченным.

Остается единственный выход, который нам представляется целесообразным: взять в качестве единого вспомогательного языка науки какой-нибудь искусственный язык, построенный на основе логичной грамматики и, по возможности, международной терминологии. Введение его в практику возможно следующим путем.

В сфере научной информации на первом этапе вводятся обязательные резюме на общем языке науки. Они составляются самими авторами на родном языке, или же по возможности осуществляется и их перевод, чем гарантируется точность и содержательность сокращенного изложения текста. Публикация резюме на карточках, прилагаемых к журналу или книге, уже принята в ряде иностранных издательств. Обязательное аннотирование статей самим автором на русском языке широко практикуется в СССР.

На втором этапе научную литературу имеет смысл печатать параллельно на родном языке и на том, который будет принят для международного научного общения или же только на последнем. Это особенно важно для работ узкого профиля (а таких сейчас большинство), так как в несколько раз вырастет их тираж.

Не предлагаем ли мы вернуться к тем временам, когда в науке господствовала латынь? Нет. Латынь устарела, однако идея использования в науке одного и притом нейтрального языка, была, несомненно, здоровой.

Мир уже принял такие средства общения как морской и авиационный коды, единые цифры и т. д. Остается унифицировать то, что эти символы объединяет — слова-связки, аффиксы, правила грамматики.

ТИПОЛОГИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИСКУССТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ

С. Н. Кузнецов

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИСКУССТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ

Международные искусственные языки (МИЯ) представляют собой объект исследования двух интердисциплинарных теорий: теории международных языков (международного в языке) и теории искусственных языков (искусственного в языке). Первая теория известна под названием *интерлингвистики*¹; вторая теория находится еще в процессе становления и не обособилась от сопредельных дисциплин.

Первый аспект изучения МИЯ является, главным образом, *социолингвистическим*: МИЯ исследуются с точки зрения их общественного функционирования и рассматриваются параллельно с другими явлениями, объединяемыми общей проблемой «язык и общество»: билингвизмом, интерференцией языков, проблемой стихийного и сознательного в языке, вопросами языковой политики и пр. Второй аспект является, главным образом, *лингвосомиотическим*: рассмотрению здесь подвергаются онтологические характеристики МИЯ, их сходства и отличия от других знаковых систем, типологические основы классификации МИЯ.

В связи с тем, что именно социолингвистическое и лингвосомиотическое изучение языка особенно интенсивно развивалось в последние годы, следует ожидать значительного повышения интереса к интерлингвистике, где две

¹ О. С. Ахманова, Е. А. Бокарев. Международный вспомогательный язык как лингвистическая проблема. — ВЯ, 1956, № 6;
² В. П. Григорьев. И. А. Бодуэн де Куртенэ и интерлингвистика. «И. А. Бодуэн де Куртенэ (к 30-летию со дня смерти)». М., 1960; Он же. О некоторых вопросах интерлингвистики. — ВЯ, 1966, № 1; M. Monnerot-Dumaine. Précis d'interlinguistique générale et spéciale. Paris, 1960.

указанные теории оказываются обращенными на один и тот же объект.

Настоящая статья строится как лингвосомиотическое исследование, имеющее целью предложить некоторые основания для типологической классификации МИЯ. Данная классификация основывается на иерархически организуемой системе признаков, количество которых (а следовательно, и глубина классификации) может быть в принципе бесконечным — вплоть до получения классов МИЯ, состоящих из одного языка. Мы ограничиваемся здесь рассмотрением типологических признаков, относящихся лишь к верхним ярусам иерархии. Исходным классификационным признаком может быть признано соотношение МИЯ с естественными языками (ЕЯ) в плане выражения.

По традиции, восходящей к работам Г. Мока, но еще больше к знаменитым трудам Л. Кутюра и Л. Ло², все МИЯ распределяются на два класса в зависимости от наличия/отсутствия их материального соответствия естественным языкам: если в план выражения МИЯ входят означающие, заимствованные из естественных языков, то такие МИЯ называются языками *а постериори* (например, в языке эсперанто большинство слов являются интернационализмами: *ogamento*, *satiro*, *linio* и др.); если же МИЯ не обнаруживают определенного материального соответствия естественным языкам, они носят название языков *априори* (так, названным эсперантским словам соответствуют следующие слова «философского» языка ро: *febac*, *ferap*, *debab* и др.).

Противопоставление данных двух классов МИЯ носит не абсолютный, а относительный характер: в апостериорных языках могут использоваться некоторые априорные элементы (например, в эсперанто *iu* 'кто-то', *eso* 'качество'), а в априорных языках иногда встречаются апостериоризмы (так, например, в ро названия рек образуются следующим образом: *Buraga* 'Ганг', *Burajo* 'Иордан', *Burale* 'Лена', *Burevo* 'Волга' и т. п., где последний слог воспроизводит начало натурального слова).

В силу того, что соотношение априорных и апостериорных черт неодинаково в отдельных МИЯ, проти-

² L. Couturat, L. Leau. Histoire de la lingua universelle. Paris, 1903 et 1907; Они же. Les nouvelles langues internationales. Paris, 1907.

вопоставление указанных классов принимает форму континуума, средним звеном которого будут языки с приблизительно равным соотношением априорных и апостериорных черт. Проектам этой группы Л. Кутюра и Л. Ло присвоили название с м е ш а н н ы х языков (языков микст), причислив к ним волапюк и одноплановые с ним проекты. Однако однозначного определения языков микст до сих пор не было дано, что обусловило значительную произвольность в употреблении этого термина. Так, например, в одной из классификаций, упоминаемых М. Монро-Дюмэном³, волапюк отнесен к апостериорной группе, в то время как некоторые близкие ему проекты оказались включенными в группу микст. Наша позиция по данному вопросу будет сформулирована ниже.

Некоторые коррекции к схеме Л. Кутюра и Л. Ло должны быть сделаны в связи с тем, что за время, прошедшее с публикации их работы, были созданы и получили определенное распространение проекты, расширявшие пределы указанного континуума в сторону большей апостериорности (латино-сине-флексione, 1903; окциденталь, 1922; интерлингва-ИАЛА, 1951 и др.). В противоположность языкам типа эсперанто, данные МИЯ пользуются исключительно натуральными формами, отказываясь от применения априоризмов, а также отличаются и другими признаками, о которых подробнее будет сказано ниже. Таким образом, апостериорные проекты стали различаться по степени апостериорности: МИЯ, тяготеющие к полной, абсолютной апостериорности, называют обычно натуралистическими; МИЯ, обнаруживающие преимущественную (доминантную) апостериорность, получили название автономных или схематических.

Отмеченные колебания в употреблении термина «микст» в большой степени связаны с невыясненностью взаимоотношений между схематическими и смешанными проектами, поскольку и в тех и других проектах отмечается наличие априорных элементов. Выяснение различий между проектами обеих групп также является одной из целей настоящей работы.

Необходимость дополнительных изменений в классификации Л. Кутюра и Л. Ло вызывается тем обстоя-

³ М. Monnerot-Dumaine. Указ. соч., стр. 51.

тельством, что после заката волапюка, начиная с последнего десятилетия XIX в., стали появляться проекты, представляющие собой либо коррекцию ранее созданного МИЯ (реформенные проекты: сначала волапюкоиды, а затем и эсперантоиды, из которых наиболее известен идс, давший свою серию продолжателей — идоидные проекты), либо попытку синтеза нескольких проектов (компромиссные проекты, например, проекты Э. Веферлинга, Э. Липмана, К. Шёстедта и др.). Таким образом, помимо «первичных» МИЯ, непосредственно возводимых (или невозводимых) к естественным языкам, возникли «вторичные» МИЯ, источником которых являются уже не естественные языки, а ранее созданные МИЯ. Серии проектов, возводимых к одному и тому же МИЯ, образуют «семьи» языков (иногда пересекающиеся между собой). Данные генеалогические объединения могли бы стать предметом особой, интерлингвистической, компаративистики.

С указанной структурно-генетической классификацией МИЯ пересекается автономная классификация, построенная по признаку количества и качества физических манифестаций, допускаемых данными языками. Эта классификация имеет градуальный характер: минимальное число возможных манифестаций равно единице (это, с одной стороны, п а з и г р а ф и ц, т. е. МИЯ, существующие только в письменной форме, а с другой стороны, различные системы международных ж е с т о в ы х я з ы к о в). Максимальное число манифестаций не определено, но практически не поднимается выше семи (музыкальный язык сольресоль, 1817—1866 гг., который мог манифестироваться в форме нотных знаков и соответствующих им звуков, цветов спектра, специальных стенографических знаков, арабских цифр, жестов — в дополнение к обычной артикуляционной и письменной формам). Большинство МИЯ имеет, однако, не более 2 манифестаций (фонетическую и графическую); такие МИЯ часто называют п а з и л а л и я м и.

Наличие двух манифестаций особенно характерно для апостериорных проектов, которые и в этом отношении следуют естественному языку. Однако встречаются также апостериорные языки, имеющие только графическую форму выражения и, следовательно, относящиеся к пазиграфиям. Примерами могут служить два проекта В. Чехихина — «нэпо идеографическое» и «нэпо междуна-

родное». Первый проект представляет собой приспособление китайской иероглифики к роли международного письменного языка, второй проект предлагает пользоваться при общении письменной формой французских, немецких и латинских слов ⁴.

В капитальных интерлингвистических трудах Л. Кутюра и Л. Ло, Э. К. Дрезена и М. Монро-Дюмэна ⁵ пазиграфии обычно противопоставляются всем прочим МИЯ и выделяются в особую группу проектов. По нашему мнению, для этого нет никаких оснований; структура пазиграфий, т. е. система свойственных им семиотических оппозиций, совершенно такая же, как и у прочих проектов МИЯ. Это доказывается, в частности, возможностью преобразования пазиграфий в фонографические языки: известно, например, что пазиграфия, предложенная И. Мемье (1797 г.), в 1811 г. была переделана в пазилалию другим автором — Ф. Пери. Кроме того, надо иметь в виду, что в противоположность естественным языкам, где звуковая форма является генетически первичной, МИЯ характеризуются инвертированным соотношением звуковой и графической формы: последняя предшествует первой как в процессе создания языка, так и в процессе его изучения. На этом фоне специфика пазиграфий значительно сглаживается, и поэтому градуальная классификация МИЯ по количеству допустимых манифестаций кажется нам более обоснованной, чем бинарное разделение всех МИЯ на пазиграфии и не-пазиграфии.

Следующий классификационный признак относится к структуре знака в МИЯ. Можно разделить МИЯ на несколько групп в зависимости от того, каким образом строится в них соотношение инвентаря морфем и инвентаря слов.

МИЯ различаются прежде всего самым набором знаковых уровней. МИЯ типа *идо* располагают теми же уровнями, что и естественные языки синтетического типа: уровнями корней, сложных основ (корень + корень), производных основ (корень + дериватор) и словоформ

⁴ Иная классификация пазиграфий представлена в статье Д. Бланке — см. наст. сборник.

⁵ См.: *L. Couturat, L. Leau. Histoire de la langue...; Они же. Les nouvelles langues...*; Э. Дрезен. За всеобщим языком (Три века исканий). М. — Л., 1928; *M. Monnerot-Dumaine. Указ. соч.*

(основа + грамматический показатель). Грамматические показатели в идо имеют синкретический характер, являясь одновременно признаком данной части речи и выразителем определенного категориального значения: rich-o 'богач' (-o — признак существительного ед. числа), rich-i 'богачи' (-i — признак существительного мн. числа), rich-a 'богатый' или 'богатые' (-a — признак прилагательного, не дифференцированного по числам).

В эсперанто все деривационные элементы являются по определению корнями, т. е. могут самостоятельно выступать в качестве основы слова (например, dom-et-o 'дом-ик' — et-o 'маленький предмет'), поэтому производные основы здесь интерпретируются как сложные и особого деривационного уровня не выделяется. Однако в эсперанто грамматические показатели часто не имеют синкретического характера и распределяются по двум знаковым уровням: уровню грамматической основы (лексическая основа + показатель части речи) и уровню словоформ (грамматическая основа + показатель конкретного категориального значения). Таким образом, в слове dometoj 'домики' выделяются следующие разноуровневые компоненты: корни (dom и et), сложная лексическая основа (domet), грамматическая основа (dometo) и словоформа (dometoj). В результате знаковые структуры данных двух языков (эсперанто и идо) тождественны друг другу в количественном отношении (так как имеют по четыре знаковых уровня), но весьма различаются качественно (поскольку состав уровней в них не совпадает).

В ряде проектов представлена более простая система знаковых уровней: в некоторых натуралистических проектах отсутствует уровень грамматической основы; в языке сума II деривация осуществляется аналитически и уровень производных основ специально не выделяется; в латино-сине-флексии грамматические аффиксы в большинстве случаев не употребляются, словоформа приравнивается к основе и т. п.

Соотнося данную уровневую классификацию с разделением МИЯ на априорные и апостериорные, мы можем выделить классы языков, апостериорных на всех уровнях (окциденталь, интерлингва-ИАЛА), языков, априорных на всех уровнях (ро), и языков, апостериорных на высших уровнях (уровнях корней), но априорных на низших уровнях (деривационных и грамматических) (эсперанто,

идо). Это связано с тем, что в таких языках, как эсперанто, корни обычно являются апостериорными, т. е. заимствованными из естественных языков, а форманты грамматической основы и словоформы — априорными (например, -о, -а, -е как показатели соответственно существительных, прилагательных и наречий).

Дальнейшая классификация МИЯ опирается на установление характерных особенностей минимальных знаковых элементов, т. е. морфем. В отношении к этому признаку априорные и апостериорные языки должны быть рассмотрены по отдельности.

А п р и о р н ы е языки можно разделить на две основные группы соответственно тому, какой характер имеют в них минимальные знаки — мотивированный или немотивированный.

МИЯ с немотивированным семиозисом представлены следующими разновидностями:

н у м е р а ц и о н н ы е языки, в которых планом выражения морфемы является определенный порядковый номер, присваиваемый данному содержанию; инвентарь морфем в этом случае обычно создается нумерацией единиц какого-либо достаточно полного словаря (первый раз этот способ был применен И.-И. Бехером в 1661 г.);

п а з и г р а ф и и на априорно-иероглифической основе (например, язык К. Бергера, 1779 г.);

ж е с т о в ы е языки (например, «мимический язык» Ж. Рамбоссона, 1853 г.);

п а з и л а л и и с произвольно выбранными означающими.

Следует различать часто смешиваемые нумерационные и цифровые МИЯ. Первые образуются перечислением определенной совокупности содержаний, что и является принципом организации языка; при этом всякая морфема представляет собой в плане выражения определенное арифметическое число. Второй термин относится к языкам, использующим цифры лишь в качестве заместителей буквенных знаков; эти цифры обычно соотносятся с определенными звуками и не складываются в числа. Примером цифрового языка может служить проект АО, предложенный в 1920 г. В. Л. Гординым.

МИЯ с м о т и в и р о в а н н ы м семиозисом различаются типом избираемой мотивировки: одни языки отдают предпочтение формальной мотивировке, другие — семантической.

Ф о р м а л ь н а я мотивировка заключается в установлении отношений подобия между означаемыми и означающими; языки этого типа могут быть названы и к о н и ч е с к и м и (или, точнее, языками с иконическим семиозисом). К ним относятся:

р и с у н о ч н ы е п а з и г р а ф и и, в которых графические изображения предметов используются в качестве означающих (для примера можно привести рисуночный язык И. Нэтера, 1805 г., либо недавний проект известного французского художника Ж. Эффеля⁶);

з в у к о и з о б р а з и т е л ь н ы е М И Я, морфемы которых представляют собой звуковые комплексы, в силу естественной символики соотносящиеся с означаемыми; в первую очередь сюда относятся звукоподражания, а также элементы «межъязыковой символики»⁷.

С е м а н т и ч е с к а я мотивировка заключается в расщеплении означаемого на некоторую совокупность сем и последовательном соотнесении их с элементами плана содержания; тем самым структура означающего мотивируется семантическим анализом означаемого. В языках этого типа (которые можно было бы назвать с е м о в ы д е л я ю щ и м и) каждое означаемое бывает представлено в виде комбинации нескольких исходных идей. Так, в языке Дальгарно (1661 г.) исходные идеи N — живое существо, η — животное, k — четвероногое порождают следующие комбинации: Nηka 'лошадь', Nηkη 'осел', Nηki 'мул' (характерно, что последний элемент в этой цепочке символов обычно не имеет выделяемого значения, являясь простым различителем слов одного семантического класса, в данном случае класса четвероногих животных).

По тому же принципу строятся морфемы в языке ро (1908 г.): из тu — животное царство производятся тuја 'рыба', тuка 'рептилия', тuла 'птица' и т. п.

Семовыделяющие М И Я представлены двумя классами:

⁶ В. Иванов. Проект всемирного письма. «Техника — молодежи», 1970, № 6.

⁷ А. М. Газов-Гинзберг. О возможном использовании межъязыковой символики. «Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Краткое содержание докладов V годичной научной сессии Ленингр. отделения Ин-та востоковедения АН СССР», 1969.

ф и л о с о ф с к и е (или л о г и ч е с к и е) языки строят некоторый логически правильный тезаурус с последовательным разделением рода на виды и с обозначением каждого выделяемого элемента содержания особым формальным знаком. Сочетание таких знаков и образует морфему, причем последовательность знаков в морфеме изоморфна уровневой структуре тезауруса: знак для рода обычно предшествует знаку для вида. Языки Дальгарно и ро принадлежат именно к философскому типу;

иной характер имеют МИЯ, в которых некоторое количество произвольно выделенных исходных идей комбинируется в морфемах по принципу п с и х о л о г и ч е с к о й а с с о ц и а ц и и, так что комплексное значение морфемы оказывается логически невыводимым из суммарного значения семантических множителей, но ассоциативно близким ему. Примером МИЯ данного типа может служить язык куджи, предложенный в 1921 г. С. А. Кукелем-Краевским. Сочетанием исходных идей U — воздух, A — любовь, J — мысль образуются сложные идеи UA — мечта, UJ — фантазия и т. п.

Перечисленные априорные принципы строения морфем иногда встречаются в определенной комбинации друг с другом: ср., например, нумерационно-логические системы типа проекта П. Дигбеуса (1653 г.) и нумерационно-иероглифические системы типа пазиграфии А. Ренци (1840 г.).

Более того, иногда данные принципы строения морфем переносятся и в апостериорные языки, образуя в них иноструктурные включения в виде априорных подсистем. Так, например, во многих схематических языках местоимения строятся по принципу «семантических множителей», образуя систему с симметричными коррелятивными связями: например, в эсперанто местоимения *kiu* 'кто', *kio* 'что', *kia* 'какой', *kiel* 'как', *kie* 'где', *tiu* 'тот', *tio* 'то', *tia* 'такой', *tiel* 'так', *tie* 'там', *ĉiu* 'всякий', *ĉio* 'всё', *ĉia* 'всяческий', *ĉiel* 'всячески', *ĉie* 'везде' представляют собой сочетания сем вопросительности (*ki-*), указательности (*ti-*) и всеобщности (*ĉi-*) с семами одушевленности (*-u*), неодушевленности (*-o*), качества (*-a*), образа действия (*-el*) и места (*-e*). Следует, однако, обратить внимание на то, что в априорных языках «семантические множители» используются для образования морфем как открытых, так и закрытых лексических классов; в апо-

стериорных языках априорные подсистемы всегда имеют закрытый характер и составляющие их элементы могут быть заданы методом перечисления.

В большинстве случаев принципы строения морфем в апостериорных проектах подчиняются иным закономерностям, чем в априорных МИЯ.

Апостериорные языки делятся в знаковом отношении на подгруппы в зависимости от их лексической гомогенности или гетерогенности.

Лексически гомогенные языки имеем в том случае, если выбор морфем (слов) был произведен из какого-либо единого источника. Этим источником может быть:

лексика какого-либо одного естественного языка (так, на базе латинского языка был создан проект латино-сине-флексione, 1903 г.);

общий вокабуляриум родственных языков (например, межславянские проекты);

интерлексика, т. е. совокупность интернационализмов, возникающая на базе не генетической, а культурной общности языков, принадлежности их к одному культурному ареалу; большинство проектов МИЯ имеют в качестве основы именно интерлексику.

Имеются и такие лексически гомогенные языки, в которых используется несколько источников разных типов: так, интерлингва-ИАЛА включает в свой вокабуляриум как интерлексику, так и лексику южно-романских языков (наряду с некоторым количеством латинизмов). Лексическая гомогенность при этом не нарушается, так как интерлексика в большинстве случаев строится на базе романских языков и латинского.

МИЯ с гетерогенной лексикой представляют собой результат соединения вокабул, не встречающихся совместно в пределах патуральных лексических систем. Примерами могут служить проект англо-франка, 1889 г., построенный на корпеслове английского и французского языков, и проект анти-бабилопа, 1950 г., где использована лексика 85 языков Европы, Азии и Африки.

Апостериорные МИЯ могут быть классифицированы не только по источникам вокабуляриума, но и по способам его комплектования: большому числу языков с произвольно составленными словарями противостоит ограниченное количество проектов, пользующихся методом

автоматического комплектования словаря путем применения особых алгоритмов. В качестве примера можно привести «нэпо международное» В. Чехихина (1919 г.), в котором используется франко-германо-латинский корнеслов (таким образом это — язык лексически гетерогенного типа). Словарь составляется путем сравнения французских, немецких, английских и латинских слов: если в сравниваемых живых языках имеются сходные слова с одним значением (например, фр. *règne* и англ. *reign* 'царствование', нем. *Vater* и англ. *father* 'отец'), то одно из этих слов усваивается языком нэпо, причем немецкое слово предпочитается английскому, а французское слово — немецким и английским словам (так, из названных пар сходных слов нэпо усваивает в первом случае *règne*, а во втором случае — *Vater*). Если же живые языки не обладают сходными словами (фр. *ciel*, англ. *sky*, нем. *Himmel* 'небо'), то усваивается слово латинского языка (*coelum*). Английские слова в словарь нэпо вообще не попадают, выполняя лишь роль регулятора при выборе французского или немецкого слова.

Апостериорные языки различаются также характером присущих им деформаций натурального слова (в фонографическом и/или морфологическом аспекте). Пазилалии (МИЯ, имеющие как звуковую, так и письменную манифестацию) вообще не способны обходиться без тех или иных деформаций на фонетическом уровне, поскольку точное сохранение национального произношения оказывается обычно невозможным; деформации на фонологическом уровне в принципе не являются неизбежными: если фонологическая система МИЯ изоморфна фонологической системе ЕЯ-источника, то фонемная структура заимствуемого слова может быть сохранена в оригинальной форме; однако, поскольку обычно МИЯ пользуются несколькими источниками, фонологические системы которых не совпадают, то сохранение оригинальных фонемных структур ставится в зависимость от имеющегося в данном МИЯ инвентаря фонем: если фонемный код включает столько же единиц, сколько фонемные коды языков-источников, то все необходимые фонологические оппозиции могут быть сохранены. Но при этом фонемный код МИЯ должен быть более обширным, чем каждый из национальных кодов; практически же МИЯ обычно включают меньше единиц дифференциаль-

ного уровня, чем национальные языки; в этих условиях деформации натуральной фонологической формы становятся неизбежными. Отметим, однако, что деформации, вызываемые неполнотой кода, резко отличаются от деформаций, обусловленных какими-либо специальными причинами:

стремлением избежать труднопроизносимые звуки, или их сочетания; так, в языке волапок звук *г* часто заменяется звуком *л* на том основании, что произношение *г* было бы затруднительно для тех народов, в языке которых этот звук отсутствует; в языке идо сочетания *pkt*, *sts* (граф. *sc*) упрощены в *nl*, *ts* (граф. *c*) и др.;

исключением звуков или звукосочетаний, признанных неэстетичными, даже если они удовлетворяют требованию удобопроизносимости; так, в языке панедо устранен узкий гласный заднего ряда *и* и избегаются стечения многих согласных;

стремлением усилить дифференциальные различия; так, еще в проекте Карпофорофилуса, 1732 г., пары сходно звучащих звуков *d — t*, *b — p*, *f — v* заменяются одним элементом каждой пары — *d*, *b*, *f*; это свидетельствует, кстати, о том любопытном обстоятельстве, что акустическая корреляция согласных по звонкости — глухости воспринималась автором проекта — говоря современным языком — как фонологическая слабая, в противоположность корреляциям по месту и способу образования.

Эти и другие специальные виды деформаций избегаются натуралистическими языками, в которых допустимы лишь деформации, вызываемые неполнотой кода: так, в интерлингва-ИАЛА снимается противопоставление по открытости — закрытости в паре *è/é* (поэтому фр. *café* → *cafe*), по лабиализованности/нелабиализованности в паре *e/ö* (лат. *coelum* → *celo*), по ряду в паре *u/ü* (нем. *Kümmel*).

Что касается графической системы языка, то здесь ситуация несколько иная в связи с большей интернациональностью графики по сравнению с фонетикой, ср., например, национальные произнесения слова *simple*: англ. [sɪmpl], фр. [sɛpl], исп. [simple] и т. п. По этой причине МИЯ ориентируется в первую очередь на сохранение графического облика слова, приспособлявая к нему и само произношение (наиболее характерный пример —

латино-сине-флексии, восстанавливающий «классическое» латинское произношение, однозначно увязанное с графикой: в словах *centro* и *causa* буква *c* произносится одинаково как [к]; в словах *ambitione* и *tabaco* сохраняется единообразное произношение [т] и т. д.). Таким образом, для большинства МИЯ звучание слова является производным от его написания, а не наоборот. В результате и инвентарь графем, принятых в МИЯ, совпадает с инвентарем графем основных западноевропейских языков, а деформации графемной структуры слов встречаются гораздо реже, чем деформации их фонемного состава. То же относится и к апостериорным пазиграфиям (в языке нэпо, например, графический облик словарных единиц не отличается от графики языка-источника).

На фоне этой достаточно распространенной закономерности исключением является язык эсперанто, в котором применяется модифицированный романский алфавит, пополненный некоторыми буквами с диакритиками: ĝ [дж], ĵ [ж], ĉ [ч], ĥ [х], ŝ [ш], ŭ [у неслоговое]. Некоторые из этих букв позволяют различать конкурентные способы произнесения некоторых букв: так, в интернациональной норме сосуществуют два разных произношения для буквы *g* — эксплозивное (например, в слове *globus*) и спирантное (в слове *gendarme* ‘жандарм’). Эсперанто передает первый вариант через *g*, а второй через *ĝ*: *globuso*, *ĝendarmo*.

Некоторые схематические проекты решают такие конфликтные ситуации тем, что отказываются от сохранения международной графической формы, выравнивая графику в соответствии с интернациональным произношением. Характерный пример — язык идиом-неутраль (1893—1898 гг.), с его написаниями типа *seutr*, *sirkular* и др. Многие же натуралистические проекты вообще отказываются от приведения графики в соответствие с фонетикой, допуская позиционное чтение некоторых букв, например в интерлингва-ИАЛА: *c* [к] или [ts], *g* [g] или [ʒ] и др.

Таким образом, мы видим, что соотношение графики и фонетики строится в МИЯ четырьмя различными способами:

фонетика приводится в соответствие с интернациональным написанием (латино-сине-флексии);

графика приводится в соответствие с интернациональным произношением (идиом-неутраль);

конкурентные варианты произношения отдельных букв сохраняются, но маркируются на письме специальными диакритиками (эсперанто);

конкурентные варианты произношения не подвергаются какой-либо стандартизации (интерлингва-ИАЛА).

Первые три способа позволяют сохранить принцип взаимно однозначного соответствия между графикой и фонетикой; четвертый способ применим только при отказе от этого принципа. Любопытно, что хотя натуралистические проекты обычно следуют четвертому способу, латино-сине-флексионе старается выдерживать взаимно однозначное соответствие между графической и фонетической системами.

Морфологические деформации (обычно не характерные для натуралистических языков) могут быть вызваны следующими причинами:

необходимостью адаптации морфемы к принятой фонеморфологической структуре: в языке волапюк все корневые морфемы должны начинаться с согласного звука, поэтому заимствуемые морфемы с гласным началом либо получают протетический *l* (фр. *écho* → *lek*), либо теряют начальный гласный (лат. *academia* → *kadem*);

необходимостью адаптации слова к принятой морфологической структуре: в эсперанто все существительные должны оканчиваться на *-o*, что в ряде случаев вызывает изменение привычного облика интернациональных слов: *tajgo/tajgao* 'тайга', *intervjuo* 'интервью', *kanguruo* 'кенгуру'.

Помимо фонологических и морфологических деформаций, в апостериорных языках могут иметь место также и такие деформации, которые вызываются определенными требованиями к языку как семиотической системе.

Здесь прежде всего следует сказать о том, что международным искусственным языкам свойственно стремиться к преодолению семиотической избыточности (абсолютной синонимии, вариативности корней и т. п.). Например, если в интернациональном употреблении сосуществуют такие варианты корней как *текст/тексту*-(альный), *секс/сексу*-(альный), *принцип/принципи*-(альный), из которых первый является свободным вариантом корня, а второй — связанным, то в МИЯ часто сохраняется только один из конкурирующих вариантов: в эсперанто, как правило — свободный вариант (*teksto*, *sekso*, *principo*),

в окцидентале — связанный вариант (*textu, sexu, principi—e*); в идо в некоторых случаях предпочитается свободный вариант (*text-o, princip-o*), а в других случаях — связанный (*sexu-o*).

В некоторых натуралистических проектах вариативность корня сохраняется, но вместе с тем подчиняется определенному формальному упорядочению: в тех случаях, когда оба конкурирующие варианта корня являются связанными (например, *vid-/vis* 'видеть'), в окцидентале не происходит выравнивания их и принимаются оба варианта, соотношение же между ними регулируется по так называемому «правилу де Валя» (*regul de Wahl*): второй вариант корня регулярно производится из первого варианта по определенным фономорфологическим моделям, не имеющим исключений. Таким образом, «правило де Валя» автоматизирует порождение корневых алломорфов, позволяя утилизировать в искусственном языке серии производных слов типа *provid-er, provid-ent, provid-er-tie; provis-ion, provis-or, provis-ori*, где в первом ряду используется корневой алломорф *vid-*, а во втором ряду — алломорф *vis-*.

Однако стремясь к выравниванию или регуляризации корневых дублетов, окциденталь, как и другие натуралистические проекты, сохраняет семиотическую избыточность естественных языков в сфере деривационных элементов. Так, например, полностью сохраняются серии синонимичных суффиксов, образующих имена действия (*-ion, -da, -ment, -ura*: *fabrication, currida 'ber', experiment, repartura*), имена качества (*-tá, -itá, -ie, -ore*: *bontá, novitá, maladie, grandore*), прилагательные (*-al, -ic*: *national, linguistic*), глаголы (*-ificar, -isar*: *rectificar, realisar*) и т. п.

Эта кажущаяся непоследовательность натуралистических проектов получает объяснение, если мы примем во внимание тот факт, что проекты данного типа стремятся к апостериорности не только при комплектовании инвентаря морфем, но и в синтагматике, где речь идет о сочетаемости морфем между собой. Попытка унифицировать деривационные элементы неминуемо должна была бы привести к появлению слов, в которых комбинации морфем отклонялись бы от международного стандарта: например, при замене суфф. *-ic* на *-al* и *-ificar* на *-isar* получились бы неинтернациональные морфемосочетания типа *linguistal, rectisar*. Стремление же утилизировать интернациональ-

ные морфемосочетания с необходимостью приводит натуралистические МИЯ к сохранению синонимических суффиксов, различающихся лишь своей сочетаемостью с разными классами корневых морфем.

Синтагматическая апостериорность свойственна только натуралистическим проектам и должна считаться их диагностическим признаком. Проекты, не отвечающие данному признаку, должны определяться как схематические (автономные), даже если они вовсе не используют априорных морфем. Именно такой статус имеют проекты идиом-неутраль и новиаль (1928 г.), которые иногда ошибочно причисляются к натуралистической группе. В этих языках все деривационные элементы имеют апостериорный характер, но, будучи унифицированными, они образуют неапостериорные морфемосочетания: *redakt-ator* *вм.* *redaktor* (идиом-неутраль), *vidabli* 'видимый', *вм.* *visibil(e)* (новиаль).

Вместе с тем если мы рассмотрим схематические языки с точки зрения соотношения в них морфем и морфемосочетаний, то отчетливо выделим две подгруппы этих языков:

схематические языки типа идиом-неутралья или новиалья, в которых все используемые морфемы имеют апостериорный характер, и всякое слово складывается только из таких компонентов;

схематические языки типа эсперанто или идо, в которых некоторые морфемы имеют априорный характер (см. выше), и слово, как правило, представляет собой соединение апостериорного корня с априорными деривационными или грамматическими морфемами.

Во второй подгруппе схематичность выражена значительно сильнее, чем в первой; это дает нам основание называть языки типа эсперанто *гиперсхематическими*, а языки типа новиалья — *гипосхематическими*.

Как натуралистические, так и схематические МИЯ часто стремятся к преодолению не только семиотической избыточности, но и семиотической недостаточности (омонимии, а иногда и полисемии). Наиболее полное выражение данная тенденция получила в языке идо, который предлагает очень детализированную систему смыслов. Например, если в эсперанто предлог *de* имеет три значения, часто совмещающиеся также и в естественных язы-

ках, а именно значения принадлежности, агентивности и исходности, то в идо для этих значений предлагается три различных предлога — *di, da, de* (ср. эсперантские фразы *libro de la patro* 'книга отца', *skribita de la patro* 'написано отцом' и *venis de la urbo* 'приехал из города' с их соответствиями в языке идо: *libro di la patro, skribita da la patro, venis de la urbo*). Однако разница между эсперанто и идо заключается не в том, что в идо устраняется семиотическая недостаточность, сохраняемая языком эсперанто, а в том, что данные два языка имеют разное представление о релевантности данных семантических различий. Как правило, в идо считается релевантным большее число семиотических оппозиций, чем в эсперанто, поэтому абстрактным морфемам эсперанто часто соответствует целая серия конкретных показателей в идо, ср. эсперантские *-i* (аффикс инфинитива), *-ad-* (суффикс, образующий имена действия и итеративные глаголы) и их соответствия в идо: *-ag, -ir, -or* (аффиксы инфинитива наст., прош. и буд. времени), *-if-, -iz-, -ag-, -ad-* (глагольные суффиксы с более конкретными значениями).

В большом числе случаев преодоление семиотической недостаточности достигается формальной модификацией морфемы, которой приписывается одно из дифференцируемых значений: так для различения *port*⁻¹ 'дверь' и *port*⁻² 'нести' в эсперанто и идо *port*⁻¹ преобразуется в *por*d-. Таким же путем идут иногда и натуралистические проекты: например, омонимичный интернациональный корень *leg-* 'закон' (ср. *легальный*) и 'читать' (ср. *легенда, лектор*) усваивается языком окциденталь только в первом значении, тогда как значение 'читать' передается деформированным корнем *le-*.

Сказанное выше позволяет сформулировать характерные особенности натуралистических проектов типа окциденталья. Как все натуралистические МИЯ, проекты этого типа отличаются синтагматической апостериорностью. Вместе с тем, в окцидентале и подобных ему проектах делается попытка провести определенную семиотическую регуляризацию интерлексики: частично преодолевается ее семиотическая избыточность и полностью — ее семиотическая недостаточность; тем самым, окциденталь отступает от последовательного проведения апостериорного принципа в парадигматическом. Эта особенность окциденталья не находит соответ-

ствия в натуралистических проектах типа латино-сине-флексione или интерлингва-ИАЛА; последние полностью отказываются от семиотической трансформации натурального материала, допуская как нерегуляризованные серии корневых алломорфов, так и морфемную омонимию, ср. в интерлингва-ИАЛА: -fer-/ -lat-, leg¹- и leg²-.

Таким образом, мы получаем возможность и среди натуралистических проектов выделить две подгруппы, различающиеся неодинаковой апостериорностью лексического материала: гипернатуралистические проекты (латино-сине-флексione, интерлингва-ИАЛА), характеризующиеся абсолютной апостериорностью как в синтагматике, так и в парадигматике, и гипонатуралистические проекты (типа окциденталья), апостериорные в синтагматике, но отступающие от апостериорности в парадигматике.

Произведенный анализ позволяет уточнить характер априорно-апостериорного континуума, о котором шла речь в начале статьи. Апостериорное крыло этого континуума, как выясняется, не обнаруживает одинакового сочетания апостериорных черт и позволяет выделить не только два подкласса апостериорных проектов (схематические и натуралистические), но и более мелкие разновидности этих подклассов, различающиеся разной степенью апостериорности. Образующийся континуум имеет здесь следующий вид: гиперсхематические проекты — гипосхематические проекты — гипонатуралистические проекты — гипернатуралистические проекты. Левая часть этой части континуума непосредственно соприкасается с языками группы микст, типологические признаки которых нам и предстоит теперь выяснить.

Выше говорилось о том, что апостериорные проекты иногда допускают определенные деформации исходного лексического материала: фонетические, графические, морфологические и семиотические. Данные деформации могут различаться по степени преобразования оригинальной морфемы или слова: можно выделить степени малую (эсперанто), среднюю (проект конкорде, 1952 г.) и большую (волашук). Чем более радикальный характер имеет деформация лексического материала, тем меньшую опознаваемость проявляют деформированные морфемы. На определенной стадии деформации связи между исходным

лексическим материалом и вокабуляриумом МИЯ начинают утрачиваться: лексика МИЯ становится неопознаваемой, не соотносимой с лексикой естественных языков, ср. например, в языке волапюк: *balip* 'борода' (← фр. *barbe*), *pleralpön* 'приготовить' (← фр. *préparer*).

На опознаваемость лексики оказывает воздействие также и степень гетерогенности усваиваемого лексического материала: лексика эсперанто имеет гетерогенный характер, поскольку допускает сосуществование романизмов с германизмами и славянизмами (ср. германизм *lando* 'земля', русизм *klorodi* 'хлопотать'), однако, в тексте романский пласт абсолютно доминирует, что и позволяет в 90% случаев соотносить эсперантские слова со словами естественных языков. В таких же языках, как антибабилон, где используются корни 85 различных языков, опознаваемость лексики практически равна нулю.

Именно эти факты и позволяют нам определить МИЯ группы микст как такие языки, которые, комплектуя словарь из материала естественных языков, и будучи поэтому генетически апостериорными, не опознаются в качестве таковых в процессе изучения языка. Таким образом, языки этой группы являются апостериорными с точки зрения создателя языка, но не-апостериорными с точки зрения потенциальных носителей языка.

Отсюда становится ясно, что само по себе наличие априорных элементов в апостериорном языке еще не превращает этот МИЯ в язык смешанного, априорно-апостериорного типа.

Поэтому следует признать ошибочным включение в группу микст таких языков, как эсперанто или идо, в которых апостериорные компоненты абсолютно доминируют.

Д. Бланке

ПАЗИГРАФИЯ¹

(Международная смысловая письменность)

Доскональное изучение вопросов рационализации международного языкового общения приводит нас к изучению попыток ввести в международный обиход сознательно созданный людьми язык. Эсперанто — единственный из такого рода языков, который во всех отношениях доказал свою пригодность для международного общения и нынешняя практика дает тому все новые и новые доказательства. Но эсперанто вовсе не был тем единственным международным языком, который многие мыслители, например Лейбниц и Декарт, представляли себе способным перенять былую роль латыни как международного языка. В свое время было разработано немало и другого рода проектов, которые, в частности, предусматривали принятие для международного общения письменности, пазиграфии («письменности для всех»). Известно большое число таких проектов. Тем не менее, и теперь время от времени появляются ² новые проекты международного картинного письма, которое авторы их представляют себе как великолепное решение проблемы и «принципиально иной путь передачи мыслей» ³. Предлагаемая вниманию читателей работа призвана дать краткое обозрение проблем пазиграфии и помочь читателю составить себе правильное представление о ее ценности и исторической роли.

ИМПУЛЬСЫ К СОЗДАНИЮ МЕЖДУНАРОДНОГО СМЫСЛОВОГО ПИСЬМА

В течение нескольких столетий латынь была для узкого круга ученых международным языком. Однако рост национального самосознания бюргерства в Европе при-

¹ Перевод статьи осуществил Г. Я. Короткевич.

² См., например: *E. Hering. Rätsel der Schrift*. Leipzig, 1969, стр. 212 и сл.; «*Berliner Zeitung*», 29 Maj 1969; *H. Keisch. Die Bildschrift des Jean Effel*. «*Das Magazin*». Berlin, Hf. 8, 1971.

³ *A. Keisch*. Указ. соч.

вел к тому, что к началу нового времени латынь уже потеряла свое значение как язык международного общения ученых. Христиан Томазиус (1656—1728) был первым немецким профессором, который в 1678 г. читал свои лекции не на латыни, а по-немецки. В то же время многие ученые, сознававшие трудности международного общения, искали выход из создавшегося положения в том, что создавали пригодные и для устного общения «искусственные языки». Структура их определялась разработанными тогдашней философией понятиями, классами, подклассами и другими категориями (априорные или философские языки), либо системой существующих национальных языков (апостериорные языки). При этом, однако, далеко не всегда учитывалась потребность в устных контактах. Преобладала письменная связь. Сообщения о прочтении египетских иероглифов, наличие китайской письменности, сведения о тайнописи в эпоху средневековья, равно как и попытки создать универсальный алфавит для всех языков мира — все это привело к тому, что ученые стали создавать проекты международной смысловой письменности или, как ее называли, — пазиграфии.

Какие импульсы к этому привнесла китайская грамота? Дело в том, что знаки, которые она использует, в равной мере понятны всем, говорящим на разных языках Китая. Китайская письменность и сегодня выполняет функцию своеобразной национальной пазиграфии, ибо каждый ее знак понятен в Китае всем, хотя на разных наречиях произносится по-разному. В этой связи интересно вспомнить замечание, сделанное в 1902 г. русским переводчиком В. Чешихиным. Он писал, что если бы китайскую грамоту выучила вся Европа и она стала бы международным письменным языком всей переводной литературы, проблема единого для всего человечества письменного языка была бы счастливо решена для всех ⁴. Чешихин рассматривал это как вполне серьезное предложение и опубликовал в 1919 г. свой проект международной смысловой письменности, в основу которой положена китайская грамота — «нэпо идеографическое» ⁵.

⁴ В. Чешихин. Опыт всемирного письменного языка или цифровая идеография. «Научное обозрение». Пб., 1902, № 10 (октябрь).

⁵ E. Drezen. Historio de la mondolingvo. Tri jarcentoj da sercado, 2-a eld. Leipzig, 1931, стр. 112.

Позднее подобные идеи развивал Ф. Жильбер⁶, хотя в XX в. все такие попытки уже были анахронизмом. Импульсом к созданию международной письменности, кроме наличия китайской грамоты и египетских иероглифов, была еще и тайнопись, которой пользовались в средневековье (еще в XVI в. она была довольно широко распространена). Речь шла о шифрах, применяемых в национальных языках. Возникла идея создать международную письменность по такому же образцу. Известен например, труд немецкого теолога и историка И. Тригемиуса⁷. Он разработал «Стеганографию» как «ars per occultam scripturam» или «écriture cabalistique» — проект, который имел потом много подражателей. Полный перечень такого рода тайнописи приведен Ш. Брайтвауптом⁸ и Везеном⁹.

В своей широко известной работе «Библиография международного языка» («Bibliografio de internacia lingvo») П. Стоян показывает более 50-ти работ по этой проблеме¹⁰.

Следует также упомянуть и о многочисленных попытках создания универсального алфавита, из которых наиболее известен в международном масштабе основанный главным образом на латинской письменности проект Международной фонетической ассоциации (AFI). Освещая эту проблему, Стоян цитирует более 150 работ и 70 работ, связанных с попытками разработать международную стенографию¹¹.

⁶ F. Gilbert. Die Bilderschrift von China und Japan als internationale Weltsschrift. Berlin — Leipzig — N.Y., 1924.

⁷ J. Trithemius. Steganographia, ars per occultam scripturam animi sui voluntatem absentibus aperiendi certa. Francoforti, 1606; *Он же*. La polygraphie et universelle écriture Cabalistique. Traduit par Gabr. Collange, Paris, 1625. См. также: A. Baillet. Jugements des savants sur les principaux ouvrages des auteurs. t. II. Amsterdam, 1725, стр. 288—289.

⁸ Ch. Breithaupt. Ars decifatoria sive scientia occultas scripturas solvendi et legendi. Helmstadii, 1737.

⁹ Ch. Fr. Vesin. Traité d'obscurographie. Paris, 1838.

¹⁰ P. Stojan. Bibliografio de internacia lingvo, historia sistema katalogo de filologia, lingvistika kaj poliglota literaturo pri universala alfabeto, filozofia gramatiko, signaro, gest-lingvo, pasigrafio, internacia helpa lingvo kaj logistiko. Eld. Bibliografia servo de Universala Esperanto Asocio. Genève, 1929.

¹¹ P. Stojan. Указ. соч., стр. 75—86 (NN 336—475e), 87—90 (NN 476—534a).

Таким образом, пазиграфия представляет собою систему знаков, которые служат графическому обозначению понятий. Посредством комбинации различных знаков выражались не только отдельные понятия, но и их сочетания. Такие системы знаков и символов предназначались их создателями для международной переписки, и, поскольку они не были фонетическими системами, то предполагалось, что люди, применяющие их, будут читать эти знаки каждый на своем языке. Термин «пазиграфия» употребил И. де Мемье в 1797 г. в своем труде о международной смысловой письменности ¹².

СИСТЕМЫ ПАЗИГРАФИИ

Если принять во внимание названные источники, то число разработанных систем пазиграфии составляет примерно 80—100. Многие из них были созданы в XVIII и XIX вв., но даже и в нашем столетии появились такие системы, как «Сафо» А. Эккардта (1931 г.) ¹³, «Translingua script» Э. Функе (1955 г.) ¹⁴, «Picto» К. Янсона (1957 г.) ¹⁵, «Pasigraphie» К. Обермайера (1955 г.) ¹⁶, «Семантография» К. Блисса (1953 г.) ¹⁷ и, наконец, «Универсальная письменность» («Écriture universelle») Ж. Эффеля (1968 г.) ¹⁸.

¹² *J. de Maimieux. Pasigraphie ou premiers éléments du nouvel art-science d'écrire et d'imprimer en une langue de manière à être lu et entendu dans toute autre langue sans traduction, inventés et rédigés par J. de M., ancien major d'infanterie allemande. D'édition originale comme l'édition en langue allemand à Paris. Bureau de pasigraphie, 1797.*

¹³ *A. Eckardt. Die neue Weltsinnschrift Safo. Einführung 7. umgearbeitete Auflage. Stanrberg/See, 1962.*

¹⁴ *E. Funke. Translingua script. «The International Language Review». Denver — USA, № 5 (oct. — dec.), 1956, стр. 37. См. также: «The modern Language Journal», XL, 1956/1, Massachusetts, стр. 22—24.*

¹⁵ *См.: M. Monnerot-Dumaine. Précis d'interlinguistique générale et spéciale. Paris, 1960, стр. 4, 200.*

¹⁶ *K. Obermaier. Kurze Anleitung zur praktischen Verwendung der Pasigraphie, Schrift für alle. Salzburg — Münchesberg, 1855.*

¹⁷ *См.: D. Everingham. Universal symbolism. «International Language Review». Denver — USA, № 21 (oct. — dec.), 1960; «Zeitschrift für allgemeine Schriftkunde», hrsg. v. E. Lotzing. Kiel, № 12, 1956 (December).*

¹⁸ *J. Effel. Avant-Projet pour une Écriture universelle. Paris, 1968.*

Системы пазиграфии можно разделить на две категории: а) по семантическому способу обозначения понятий, б) по роду графического изображения. Системы пазиграфии можно также, как и проекты международного вспомогательного языка, подразделить на априорные (или философские) и апостериорные.

Рассмотрим системы пазиграфии, основанные на семантическом способе обозначения понятий.

АПРИОРНЫЕ СИСТЕМЫ ПАЗИГРАФИИ

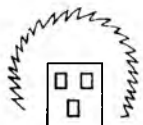
Все знания, которые были у авторов этих систем пазиграфии (речь в данном случае может идти только об этом), делились на категории, которые после первоначального разделения подвергались дальнейшему, более детальному подразделению. Такое разделение, разумеется, находилось в большой зависимости от философских взглядов тогдашних создателей проектов пазиграфии. Каждая категория обозначалась соответствующим знаком и при дальнейшем подразделении понятий и их обозначении исходили из графического обозначения первоначального понятия. Примером проекта такого рода можно считать проект Дж. Дальгарно (1661 г.)¹⁹. Все понятия автор проекта разделил на 17 классов и обозначил семнадцатью латинскими и греческими буквами, например А — вещи, Н — субстанции, К — политические явления, S — общественные явления. Нетрудно заметить противоречивость такого подразделения, ибо, политические и общественные явления должны были бы входить в один класс и иметь одно обозначение. Далее, согласно этому проекту, основные классы разбиваются на подклассы. Так, класс К («политические явления»), согласно проекту Дальгарно, подразделяется на Ка — служебные обозначения, Ке — дела, подлежащие суду, Ко — роль судьи, Ки — война и т. д.

Очевидно, что включение в эту систему новых понятий должно влиять на принятую классификацию и каждый раз изменять ее.

¹⁹ *G. Dalgarno. Ars Signorum, vulgo character universalis et lingua philosophica qua poterunt nomines diversissimorum idiomatum, etc. London, 1661.*

АПОСТЕРИОРНЫЕ СИСТЕМЫ ПАЗИГРАФИИ

Апостериорные системы пазиграфии следуют понятиям, которые приняты в одном или нескольких языках (главным образом европейских). Обозначение понятий, следовательно, не связано с классификацией. Цифры, буквы и другие символы используются как пиктограммы. Примером системы пиктографии является проект, разработанный Й. Нэтером ²⁰. Согласно этому проекту, письменное сообщение об увиденном пожаре выглядит так:

горящий дом

письмо

карандаш

глаз

Системы пазиграфии, основанные на графическом изображении понятий. Эти проекты разделяются на несколько групп. Так, есть проекты, в которых используются цифры, буквы или другие символы в качестве пиктограмм. Часто бывают здесь и переходы.

1) Ц и ф р о в ы е п а з и г р а ф и ч е с к и е с и с т е м ы. Первой известной такого рода системой, в основе которой лежат арабские цифры, был проект Иогана-Иоахима Бехера ²¹, который пронумеровал в латинском словаре все слова вместе с различными грамматическими формами. По этой системе латинский глагол *bibere* 'пить' обозначается цифрой 939, слово *Biblia* 'Библия' — 940, *virer* 'змея' — 9200, *vir* 'мужчина' — 9201, шесть падежей обозначаются цифрами 1—6 и отделяются от других цифр. Например, 2.9201 означает 'мужчины' (род. над.).

Подобные же проекты были разработаны Д. Золбригом ²², А. Бахмайером (1852 г.) ²³. Чтобы обозначить от-

²⁰ J. Z. Näther. Versuch einer ganz neuen Erfindung von Pasigraphie oder die Kunst zu schreiben und zu drücken, dass es von allen Nationen der ganzen Welt in allen Sprachen eben so leicht gelesen werden kann als die Zahlencharakter 1, 2, 3 in Form einer Sprachlehre... Görlitz, 1805.

²¹ Joh. J. Becheri-Spirensis. Character pro notitia linguarum universali inventum steganographicum hactenus inauditum. Francofurti, 1661.

²² D. Solbrig. Allgemeine Schrift oder die Art die ziffern zu schreiben. Coburg, 1736.

²³ A. Bachmaier. Pasigraphisches Wörterbuch Deutsch — English —

дельные понятия, Бахмайер располагает десять цифр слева направо, или, как это делают арабы, справа налево, либо как китайцы, сверху вниз. Черточки и другие знаки обозначают грамматические категории. Например, мн. число обозначается черточкой, поставленной под цифрой, выражающей понятие: если 372 'дом', то 372 'дома'. Бахмайер даже создал в Мюнхене «Центральное общество пазиграфистов». В 1868 г. его проект был издан на французском, немецком и английском языках.

Оригинальный, но сложный проект создал в 1797 г. петербургский лингвист Вольке²⁴. Он предложил разработать для каждого языка особый словарь, в котором каждое слово дано вместе с его грамматическими формами. Каждая из этих форм имеет свое цифровое обозначение. При международной переписке в таком случае достаточно «всего лишь» обозначить номера соответствующих слов, которые, разумеется, во всех словарях должны быть одинаковыми. Корреспонденция получалась весьма сложной.

В 1840 г. А. Ренци выпустил труд²⁵, в котором на 900 страницах излагает проект пронумерованного словаря. В нем пронумерованы все страницы и имеются другие вспомогательные знаки, при помощи которых в словарях других языков можно найти переводимое понятие. Вот некоторые из этих вспомогательных знаков:

(+ 0 7 + \ S V Ø / ^ T

А вот как передаются по этой системе некоторые наиболее употребительные фразы:

663 'как поживаете?'; 705 'имею честь...'

Цифра означает номер страницы в словаре (например, в словаре немецкого языка). Знак облегчает нахождение фразы на этой странице.

Französisch. Augsburg, 1868; *Он же*. Deutsch-English: Pasigraphical Dictionary and Grammar. Augsburg, 1870.

²⁴ C. H. Wolke. Erklärung, wie die wechselseitige Gedanken — Mittheilung allen kultivierten Völkern des Erdkreises oder die Pasigraphie möglich und ausüblich sei... Dessau, 1797; *Он же*. Communication des connaissances des langues et des idées. Petersburg, 1805.

²⁵ A. Renzi. Le polyglotte improvisé ou l'art d'écrire les langues sans les apprendre avec 3 000 verbes conjugués. Paris, 1840.

С аналогичным проектом выступил в 1910 г. в Париже Ж. Орса²⁶. Тем же принципам следует и Э. Функе в своей работе «*Translingua script*»²⁷. Некоторые авторы в своих проектах снабдили цифры системой звуков, желая придать пазиграфии качества разговорной речи. М. Паич (1859 г.)²⁸ заменил цифры согласными и гласными звуками (например: 3243 'покупка', 3243 + 10 'покупатель', 3243 + 101 'покупатели').

Тем же путем шел и Вердю (1859 г.)²⁹, стремясь сделать свой проект пазиграфии разговорным.

Цифровую пазиграфию, безусловно, можно рассматривать как предшественницу международного телеграфного ключа.

2) Б у к в е н н а я п а з и г р а ф и я. Примером априорного проекта, основанного на буквах, является упомянутый выше проект Дальгарно. В нашем столетии известен также еще один, правда не очень оригинальный, проект буквенной пазиграфии, разработанный К. Обермайером³⁰. В этом проекте родственные слова (семейства слов) обозначены соответствующими группами букв:

JAG — язык, речь	JCG — обращение
JBG — оспаривать	JFG — произношение
JCO — заговорить	JEG — неспособность вы- сказать суждение
JFG — произносить	
JGG — обсуждать	JGG — высказать требо- вание и т. д.
JHG — проговорить	
JIG — участвовать в разговоре	
JAG — разговор	

Приведем образец текста, написанного по такой системе:
R'OIP Pasigr. FUV GJD LO IUT'NJYHUY T'PEN: PE
KNA IU AN BIN SAD H'PJ AL. RUF—JAG EVO IN:

²⁶ J. Orsat. Dictionnaire grammatical de la correspondance universelle chiffrée. Paris, 1910.

²⁷ E. Funke. Указ. соч.

²⁸ M. Paic. Pasigraphie mittelst arabischer Zahlenzeichen. Semlin (Zemun), 1859.

²⁹ Verdu. Essai sur une nouvelle numération parlée appliquée à un projet de langue universelle. Bordeaux, 1859.

³⁰ K. Obermayer. Указ. соч.

LFI. IS NIE 'Маленький пазиграфический руководитель позволит себе предложить Вам вступить в обмен мнениями с друзьями по работе, со знакомыми и вообще со всеми, умеющими писать, не знающими его родного языка'.

3) Б у к в е н н о - ц и ф р о в а я п а з и г р а ф и я. Наряду с цифровыми и буквенными пазиграфическими проектами существуют и комбинированные, в которых употребляются и цифры и буквы одновременно. Примером такого априорного проекта является проект М. Н. Глубоковского³¹. По этому проекту, например, позвоночные животные обозначаются буквой А, млекопитающие — A^1 , птицы — A^2 , летающие птицы — A_1^2 , водоплавающие птицы — A_3^2 . Глаголы передаются цифрами. Например цифра 1, поставленная перед буквой, означает движение, 2 — шум. Таким образом, 1 A^2 означает полет, 2 A_1^2 2/0 — карканье вороны (от A^{21} 2/0 'ворона').

В 1921 г. Я. Линдбах разработал «математическую идеографию»³². На этом языке год спустя вышел даже журнал³³, посвященный этой системе. Вот образец письма по системе Линдбаха:

i 'человек', i_1 'я', i_2 'ты', i_3 'он', i_n 'кто-нибудь', ($>i$) 'великан', ($<i$) 'карлик', $+i$ 'со мной', $-i$ 'без меня', $i_1 = i_2 + x$ 'я нахожусь справа от тебя', i_0 'эмбрион'.

4) П и к т о г р а ф и я. Здесь речь идет о пазиграфических проектах, в которых понятия обозначаются не буквами, не цифрами, носящими характер абстракции, а маленькими рисунками или пиктограммами с различными степенями абстракции. Пиктограмма, как известно, имеет большое значение для ориентации тех, кто ездит. Простые, всем понятные символы обозначают, например, общественные места, службы, сооружения³⁴.

				
железная дорога,	почта,	телефон,	аэродром,	порт

³¹ М. Н. Глубоковский. Всемирно научный язык, возможность и метод его созидания. М., 1880.

³² J. Lindbach. Transcendent Algebra. Ideographie matematical... Reval, 1921.

³³ «Mathematische Ideographie, Zeitschrift für exakte Logik und Linguistik». Reval, 1922 (hrsg. v. J. Lindbach).

³⁴ «Ostsee-Zeitung». Beilage, 18 März 1967.

Когда такого рода символы упрощают, делают удобными для написания и создают целую систему обозначения понятий, то возникает пазиграфия пиктограмм — пиктография или, как ее еще называют, идеография.

Этот тип пазиграфии отнюдь не новый ³⁵. Мы уже упоминали о проекте Нэттера. Наиболее отчетливо выступает отношение между идеограммами и понятиями в проекте А. Эккардта «Сафо» ³⁶. Эта система состоит из 180 основных знаков (включая цифры), например:

существо	человек	мужчина	женщина	туловище
ребенок	голова	волосы	глаз	ухо
сердце	рот	кушанье	работа	восклицание
якорь	оружие	пушка	ткань	

При помощи комбинирования этих знаков получаются новые понятия, например:

		'мальчик' ('мужчина' и 'ребенок')						
			'сын' ('мужчина', 'ребенок', 'рождение')					
			'семья' ('мужчина', 'ребенок', 'женщина')					
		'друг' ('мужчина' и 'сердце')						
							'дом', 'поселок', 'город'	
							'работа', 'полет', 'усердие'	
								'глаз', 'внимание', 'нос', 'лицо'

Особые знаки обозначают грамматические формы.

³⁵ Очевидно, Т. Кайш не располагает сведениями об этом.

³⁶ А. Eckardt. Указ. соч.

Вот фраза, написанная по системе «Сафо»:

⊕) (?) | | ⌘ + ⌘ ⊥ : ⌘ → : ⌘ K | 7 ⊕ ±

‘Сафо (есть) очень важна для личной переписки’ («Сафо ам-да хе-ту ха-ра хо-ба ка-ме-ни») ³⁷.

Как пишет Э. Херинг ³⁸, А. Эккардт, разумеется, понял, что путем введения грамматического момента непосредственно в письмо открывается возможность при наличии небольшого числа различных знаков — их не более 180 — писать так, чтобы каждый, кто владеет этим письмом, был в состоянии передавать эти знаки на своем родном языке безупречными фразами. Но, как уже говорилось, еще до Эккардта уже несколько десятков авторов проектов пазиграфии утверждали то же самое. Поэтому не следует принимать утверждение Э. Херинг о том, что «творение Эккардта — это совершенно новая ступень в развитии письменности».

На систему «Сафо» похожа система «Пикто» (1957 г.). Вот образец письма по этой системе:

I ‘я’, ➡ ‘давать’, □ ‘книга’, III ‘он’
 I. ➡ □ III ‘я дал ему книгу’.

Взяв за образец китайскую письменность, К. Блисс в 1959 г. создал систему пазиграфии, которая по его утверждению «является хорошим средством для семантического анализа и обладает научной точностью». По мысли автора, достаточно всего ста (!) основных знаков, чтобы выразить все значения слов. Вот некоторые из этих основных знаков «Семантографии» К. Блисса:

(?)	(?)	) (	○	∘
будущее	прошлое	современность	рот	речь
⌘				
цветок				
⌘	∧	⊥	⌘	
я	пишу	письмо	тебе	

³⁷ В скобках дается фонетическое звучание, ибо проект «Сафо», по мысли автора, предназначен не только для письменного, но и для устного общения.

³⁸ E. Hering. Указ. соч., стр. 213.

Как новейшую попытку создать пазиграфию, базирующуюся на подобных принципах, можно назвать «Универсальную письменность» Ж. Эффеля ³⁰. Вот некоторые из предлагаемых знаков:

	'лес' (разрезанный ствол дерева),		'думать'.
	'притяжение' (магнит),		'фригийский колпак',
	рот,		'уменьшаться',
	'приятно' (смеющийся рот),		'отрицание',
	'неприятно' (скривленные губы),		'чувство',
	'расти',		'право',
	'согласие',		'способность'.
	'сердце',		
	'общество',	'Мыслью, значит существую'	

1. Как было показано, возможности выразить идеи и понятия при помощи символов весьма широки. Различные системы пазиграфии в той или иной степени основаны либо на известных человеку символах, либо на совершенно абстрактных знаках, в которых невозможно узнать их отношение к понятиям. Сами примеры, которые авторы приводят как «доказательства» пригодности их систем, показывают со всей очевидностью, сколь трудно найти в них взаимосвязь между понятиями и пазиграммой.

Знаки можно выучить. Такая письменность может найти ограниченное применение (с издержками на обучение).

2. Высокая степень абстракции, которая в той или иной степени характеризует все системы пазиграфии, делает ее мало практичной при современных международных связях. Это отнюдь не означает, что пиктограммы не могут сослужить хорошую службу в международной жизни. Использование таких символов практически вполне оправдало себя и поэтому неоспоримо. Но эти символы еще не представляют собою письменности.

3. Предпосылкой того, что некоторые виды пазиграфии могут функционировать, явилось составление между-

³⁰ J. Effel. Указ. соч.

народного каталога «всех понятий»⁴⁰. Перед такой проблемой стоят и все системы классификации, например десятичная классификация. Но познание человеком мира и овладение законами развития природы и общества идут вперед. Появляются новые понятия, которые необходимо обозначать, что создает немалые трудности в языках, пользующихся алфавитом. Но это указывал О. Вюстер в своем труде о нормировании языка⁴¹.

4. Введение и возрождение картинного письма или системы иероглифической письменности (в принципе речь идет об этом) означало бы попятное движение в развитии письменности. Буквенный алфавит даже со всеми его недостатками для современного мира более рационален, чем смысловая письменность.

5. При обосновании целесообразности смыслового или картинного письма нельзя игнорировать того факта, что международное языковое общение все больше и больше бывает устным. В средневековье дело обстоит, разумеется, иначе. Сегодня на конференциях и конгрессах, при личных встречах, в радиовещании и телевидении обращаются к *п р о и з н о с и м о у* слову, а не к графическому знаку. Поэтому не удивительно, что различные попытки рекомендовать для международного общения пазиграфию сразу же отклоняются, либо даже не принимаются к сведению. Именно поэтому создатель «Семантографии» д-р К. Блисс из Сиднея в своем письме автору системы «Сафо» проф. А. Эккардту, сознавая поражение, писал: «Свой труд я изложил в трех больших томах, их я сам размножил и ожидал, что ученый мир в какой-то мере выскажет свое мнение о моей работе. Я разослал тысячи брошюр и листов во все университеты и колледжи США и Великобритании, но результат был убийственный. Никто моей работой не заинтересовался»⁴².

6. Занимаясь проблемой рационализации международного языкового общения, следует серьезно изучать опыт международных разговорных искусственных языков, особенно эсперанто.

⁴⁰ См.: *E. Hering*. Указ. соч., стр. 220.

⁴¹ *E. Wüster*. Internationale Sprachnormung in der Technik, besonders in der Elektrotechnik (Die nationale Sprachnormung und ihre Verallgemeinerung). 2. ergänzte Auflage H. Bouvier u. Co. Bonn, 1966 («Sprachforum», Beiheft 2).

⁴² См. статью А. Эккардта, опубликованную в «*Zeitschrift für allgemeine Schriftkunde*», hrsg. v. E. Lotzing. Keil, 1956, № 12.

Н. Ф. Дановский

ЭВОЛЮЦИЯ ЭСПЕРАНТО

Подобно естественным языкам всякий искусственный язык включает в себе пять фундаментальных компонентов: фонетику, грамматику, лексику, фразеологию и стилистику. Из этих компонентов наиболее подвижной, быстрее всех изменяющейся во времени является лексика и непосредственно связанная с ней фразеология. Грамматика же и стилистика являются компонентами, наиболее консервативными и потому в наибольшей мере хранящими традиционные особенности данной языковой системы.

Настоящая работа посвящена в первую очередь исследованию лексики международного искусственного языка эсперанто, за 87 лет своего существования накопившего значительный эволюционный материал. Однако мы отметим также и ряд фонетических и грамматических инноваций, по большей части увязанных с лексическими.

Как известно, эсперантская лексика делится на «официальную» и «неофициальную»: к первой принадлежат слова, принятые в языке и утвержденные Академией эсперанто, ко второй — не получившие официального утверждения неологизмы различной степени распространенности. Из этой «вольно примененной» лексики Академия эсперанто черпает рекомендуемые слова для включения их в число официальных. Условием перехода из второй категории в первую служит широкое употребление этих слов.

Процесс этот не проходит безболезненно и прямолинейно: столкновение новой, стихийно возникающей формы слова со старой формой, поддерживаемой языковой традицией и авторитетом Академии, не всегда приводит к однозначному результату. В ряде случаев новая форма, получив сначала значительное распространение, постепенно вновь уступает более старым, традиционным и исчезает из обихода.

Единственный в своем роде «Эсперантско-русский словарь» В. Г. Суткового, выпущенный Союзом эсперантистов СССР в 1927 г., характерен тем, что в нем с помощью соответствующих помет представлено последовательное расширение лексики за 40 лет (1887—1927 гг.). В. Г. Сутковой провел скрупулезную классификацию всего словарного состава по четырем стадиям, отделив официальную лексику (состоящую из 1) фундаментальных слов, данных в начальных трудах Л. Л. Заменгофа; 2) всех неологизмов, принятых с участием автора языка в виде трех дополнений, и наконец 3) слов, вошедших в употребление и утвержденных Академией уже после смерти Л. Л. Заменгофа) от неофициальной, почерпнутой В. Г. Сутковым из литературы того времени. Этот словарь дает полную картину развития лексики языка, а также основные тенденции этого развития на первых стадиях. В более обобщенном виде эта работа проделана также и в первом издании полного эсперанто-эсперантского словаря¹. Четвертое издание этого словаря (1963 г.), «Полный иллюстрированный словарь» (1970 г.), а также «Эсперантско-български речник»² дают полную картину развития за следующие примерно 40 лет.

Материал указанных словарей и наши собственные наблюдения позволяют проследить две эволюционные линии, из которых складывается развитие эсперанто.

С одной стороны, язык развивается в конкретной обстановке, отражая общественно-политическую действительность и достижения научно-технического прогресса. Этот аспект развития можно назвать объективным для языка. И естественно, что проявляется он в основном в поглощении и освоении неологизмов, отражающих изменения во внешнем мире.

С другой стороны, непрерывно идет и иной процесс, обусловленный внутренним развитием самого языка. Этот аспект языковой эволюции, который мы назовем субъективным или имманентным, также может выражаться в появлении неологизмов, однако это будут уже качест-

¹ Plena vortaro de esperanto. Verkita de profesoro E. Grosjean-Maupin (Direktoro de la Sekcio: «Komuna Vortaro» de la Esperanto Akademio). A. Esselin, S. Grenkamp — Kornfeld, profesoro G. Waringhien. Kvara eldono. Paris, 1953.

² И. Сарафов, Д. Симеонов, К. Георгиев, С. Хесанчиев, Г. Дымов. Эсперантско-български речник. София, 1963.

венно отличные неологизмы, отражающие не внешние по отношению к языку явления, а служащие обогащению его выразительных средств.

Эволюция языка под воздействием внешних факторов может быть рассмотрена по периодам в хронологическом порядке.

Первый период (1887—1905 гг.). От первой публикации и первого эсперантиста — доктора Л. Л. Заменгофа до первого Всемирного конгресса в г. Булонь-сюр Мэр (Франция), когда язык развивается в основном как письменный. Основной контингент — русские.

Второй период (1905—1914 гг.). Язык развивается в устной форме, а также в литературе.

Третий период (1914—1919 гг.). Развитие языка приостановлено событиями первой мировой войны.

Четвертый период (1920—1939 гг.). Бурный рост пролетарского движения эсперантистов наряду с развитием «общего», «нейтралистского» движения. Широкое освоение языком научно-технической терминологии.

Пятый период (1939—1945 гг.). Вторая мировая война.

Шестой период (с 1945 г.). Сложное и многообразное развитие на фоне новой политической обстановки (разгром фашизма, крушение колониализма, широкое движение народов за мир и дружбу). Влияние новых достижений науки и техники.

Рассмотрим несколько подробнее эти периоды.

Первый и, в меньшей степени, два следующих за ним периода характеризовались наиболее сильным русским влиянием, поскольку подавляющее большинство эсперантистов той поры — русские. Первоначальное распространение язык получает главным образом в чиновничьей и мелкобуржуазной среде, а также среди научной интеллигенции и учительства. Распространяется в основном лексика, необходимая для обиходного употребления, а также для первых переводов классиков литературы и библейских текстов.

Сам язык развивается строго на регламентированных элементах этого периода, т. е. ограничиваясь «фундаментальными» словами и формами, которые были в переводных и оригинальных произведениях самого Л. Заменгофа, А. Грабовского и других первоначальных авторитетов языка. В этот период вошло множество калек с русского языка, например *subaŭskulti* 'подслушивать', *subaĉeti*

‘подкупать’, aldoni ‘прибавить’, surtiri ‘натянуть’, sublosi ‘подкопать’, surŝuti ‘насыпать’ и т. д.

Это стало первоначальной нормой языка. Это же позволило создать тот необычайно легкий язык повседневных потребностей, который первые наивные адепты с жаром пропагандировали, будучи совершенно уверены, что и для любых других надобностей такой язык может быть столь же легко приспособлен. И до сих пор в различных органах эсперантской печати не прекращаются жалобы на то, что язык по мере своего развития уходит от того уровня легкости («повседневности»), которым он обладал вначале. Хорошо известны, например, многочисленные высказывания писателя и поэта Юлия Баги (Венгрия), который считал, что развитие языка по пути обогащения с помощью неологизмов является «опасным путем», несущим якобы угрозу самому существованию языка.

Наиболее интенсивное развитие языка происходит в течение четвертого и шестого периодов (т. е. уже после смерти Заменгофа, последовавшей в 1917 г.). Основная особенность четвертого периода — возникновение массового пролетарского движения эсперантистов, вызванного Октябрьской революцией и общим подъемом революционного движения во всем мире. По сравнению с предшествующими периодами радикально обновляется состав эсперантистов; в Советской России, Германии и других странах начинается процесс пролетаризации эсперантского движения, идет призыв рабочих в эсперантские организации. Пролетарское эсперантское движение организационно оформляется на Пражском конгрессе эсперантистов (1921 г.): создается так называемая Всенациональная Всемирная Ассоциация (эсп. *Senŝtacia Asocio Tutmonda* — SAT). Эта Ассоциация, состоявшая из анархистов, социал-демократов и коммунистов, всячески подчеркивала свою «неполитическую ориентацию культурной рабочей организации». Руководящую роль в ней принимает на себя Э. Ланти — французский рабочий, образованный человек, по убеждениям анархист, поклонник Кропоткина.

Сначала SAT еще питается прогрессивными идеями и берет на себя функции собирателя пролетарских сил в эсперантском движении. В 1926 г. в Ленинграде состоялся Шестой конгресс SAT. Почетным председателем его был А. В. Луначарский, который в своем приветственном

послании конгрессу между прочим сказал, что не признавать фактов нельзя, а факты говорят в пользу эсперанто. К концу 20-х годов САТ переходит на антисоветские позиции. Все советские эсперантисты и прогрессивные пролетарские эсперантисты других стран выходят из него и на короткий период создают международную организацию ИПЭ — Интернационал пролетарских эсперантистов (1931—1937 гг.).

С возникновением пролетарского эсперантского движения, которое сразу противопоставило себя остальному («нейтралистскому») движению, весь четвертый период проходит в условиях параллельного развития пролетарского и «нейтралистского» движения при одновременном размежевании идеологических течений в САТ. В связи с этим одной из главных задач становится издание серьезной социологической литературы и выработка соответствующей терминологии.

Научно-технический прогресс (в первую очередь появление радио, развитие различных отраслей промышленности, освоение Севера и т. д.) обусловил появление новой лексики, что, естественно, отразилось и на эсперанто. В первую очередь это касается проникновения в эсперанто социально-политической лексики, которое в предшествующие периоды искусственно задерживалось, но одновременно и лексики, отражающей научно-технический прогресс.

В язык входят такие термины, как *agraga* 'аграрный', *ĉarto* 'хартия', 'грамота', *dialektiko* 'диалектика', *ekzekutivo* 'исполнительная власть', *hegemonio* 'гегемония', *koopli* 'кооптировать', *mitingo* 'митинг', *sovelo* 'совет', *agregato* 'агрегат', *akumuli* 'накапливать', 'аккумулировать', *boko* 'лебедка', *brodkasti* 'вещать по радио', *entjero* 'целое число', *frezi* 'фрезеровать', *kurento* 'электрический ток', *vato* 'ватт' и др., а также ряд других неологизмов, относящихся к географии, химии, биологии, ботанике, зоологии, медицине, геологии, этнографии, лингвистике, филологии и другим отраслям знания.

Вторая мировая война приостановила широкую деятельность по распространению международного языка. Послевоенный, шестой период в развитии эсперанто начался и продолжается в условиях становления мировой социалистической системы, крушения колониальных империй, научно-технической революции. Международное

общение, возрастающее невиданными ранее темпами, все чаще привлекает исследователей к интерлингвистической проблематике, однако способы подхода к ней существенно меняются.

Успехи кибернетики позволили серьезно надеяться, что проблема международного общения может быть решена техническими средствами — с помощью машинного перевода. Однако встретившиеся здесь принципиальные трудности (сложность естественного языка, несопоставимая с достигнутым уровнем совершенства ЭВМ) заставляют сделать вывод о необходимости более глубокого проникновения в закономерности интерлингвистики. В этих условиях международный язык вновь начинает привлекать серьезный интерес ученых, в первую очередь специалистов в различных отраслях техники и культуры. И хотя пятый период и непосредственно за ним следовавшее начало шестого периода после двадцатилетнего анабиоза создали разрыв среди возрастных категорий сторонников международного языка, тем не менее эсперанто продолжает развиваться и совершенствоваться. Шестой, последний, период характеризуется несколько менее интенсивным пополнением социально-политического словаря, поскольку обогащение его в течение четвертого периода оказалось достаточно полным. Отметим следующие неологизмы: *armistico* 'прекращение огня', 'перемирие', *assembleo* 'ассамблея', *dosiero* 'досье', *makio* 'маки', 'партизанская борьба', *natalitato* 'рождаемость', *rezoluta* 'решительный' (о борьбе, требованиях), *responsi* 'быть ответственным', 'нести ответственность' и др.

Резко обозначилась научно-техническая тематика неологизмов, с помощью которых в языке получила отражение научно-техническая революция: *amplitudo* 'амплитуда', *asinkrona* 'асинхронный', *deŭterio* 'дейтерий', *maksvelo* 'максвелл', *mezozoiko* 'мезозойская эра', *nukleo* 'атомное ядро', *ofseto* 'офсет', *sputniko* 'спутник' и др.

Постепенно изменяется и внешняя ориентированность эсперанто на те или иные языки-источники. Если вначале литературная норма складывалась главным образом под влиянием русского языка, то с течением времени (и особенно в текущий период) все большее распространение получают англо-французские заимствования. Это ясно видно по приведенным примерам, а также по тому ха-

рактору переосмысления существующей лексики, которое прослеживается в настоящее время. Можно показать это на нескольких примерах.

До сих пор формы поэтических произведений именовались по русскому принципу: стихотворение — *versaĵo* (от *verso* 'стих'), поэма — *роето*. После 1945 г. уже любое, даже самое маленькое стихотворение называется *роето*. Другой пример: в период 1920—1939 гг. было в употреблении слово *senarmigo* 'разоружение' (как калька с русского языка). В этом виде оно встречается, например, в поэзии Т. Михальского. Теперь в значении 'разоружение' употребляется слово *malarmado* (калька с фр. *désarmement* или англ. *disarmament*). Вместо *ten-daro* 'лагерь' (совокупность палаток) употребляется *kam-padejo* (под влиянием слова *camping*). В обоих случаях, по-видимому, суфф. *-ad-* придан какой-то новый оттенок, которого он раньше не имел. Точно так же слово *aktiveso* 'активность' стало применяться во мн. числе в значении 'формы деятельности'.

Таким образом складывается некая усредненная, собственно интернациональная, норма эсперанто, требующая коррекции ранее созданных литературных текстов. Новое издание романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» на эсперанто, предпринятое в Дании, как сообщает рецензент — М. Дюк Гониназ «изменено в положительную сторону» тем, что устранен ряд «славизмов» (бесспорно «русизмов») и «архаизмов» (тоже, естественно, русских калек) и заменен соответствующими современными (т. е. англо-французскими) словами.

Эта же тенденция последовательно наблюдается и у современных составителей словарей на западе. Так, например, в словаре Г. Вариньена («Полный иллюстрированный словарь») к ряду слов даются пометы «русизм, которого следует избегать». Это отметил между прочим Т. Михальский в своей статье «Полный иллюстрированный анти-эсперантский словарь»³.

Конечно, интернационализация литературной нормы эсперанто не ограничивается усвоением одних англо-французских заимствований: каждый народ вносит в международный язык особенности своего языка, своей рече-

³ *T. Michalski. Plena ilustrita antiesperanta vortaro. «Pola Esperantisto». Warszawa, 1973, № 4.*

вой культуры. В результате происходит впитывание богатств отдельных национальных языков и, кроме того, создаются большие возможности для придания национального колорита тексту на международном языке. В частности можно отметить определенное влияние на эсперанто со стороны восточно-азиатских языков (в первую очередь, японского и вьетнамского).

На развитии международного языка эсперанто отразились как общемировая историческая ситуация, так и влияние отдельных групп и лиц, владеющих в совершенстве языком, и потому сделавших ощутимый вклад в развитие лексики, фразеологии, стилистики языка.

Первые периоды характеризовались работами Заменгофа, Грабовского, Прива, Кабе и др. В последующие периоды — Баги, Калочая, Россетти, Шварца, Люкена, Форжа и др. Следует отметить большую плеяду русских поэтов и писателей — Хохлова, Некрасова, Иванова, Михальского, Дежкина, Девяткина, Варанкина и др.

Нынешний период протекает под ощутимым влиянием Калочая (Венгрия) и Вариньена (Франция). Из писателей и поэтов необходимо отметить Олда, Боултон (Англия), Сатмари (Венгрия), Гусева (СССР), Берару (Румыния) и др.

Эволюция под воздействием внутренних факторов складывается из различных языковых изменений, ведущих к постоянному обогащению или, лучше сказать, совершенствованию языка. Степень достигнутого совершенства, которую мы назовем «информационной эффективностью» языка, может быть определена путем сравнения испытуемого и эталонного языков (в качестве эталона для оценки искусственных языков может быть принят любой естественный язык).

Информационная эффективность языка включает следующие показатели, относящиеся к уровням речи и кода.

Уровень речи. 1) Количественный показатель: длина идентичного текста, записанного на испытуемом и эталонном языках (выражается коэффициентом относительно эталонного языка, для которого данный показатель принимается за единицу). 2) Качественный показатель: близость двух текстов эталонного языка, из которых первый является исходным, а второй получается в результате двойного перевода (на испытуемый язык и обратно), когда оба перевода выполняются разными лицами, оди-

наково хорошо владеющими обоими языками (проверяется сопоставлением и оценивается индексом расхождений или совпадений указанных двух текстов эталонного языка).

Уровень кода. 1) Количественный показатель: наличие необходимого исходного лексического материала, удовлетворяющего поставленным требованиям (устанавливается сопоставлением словарей испытуемого и эталонного языка; оценивается индексом превышения — избыточности или недостаточности). 2) Качественный показатель: рациональность структуры и аппарата языка (фразеологическая развитость и регламентированность), обеспечивающие составление надлежащего эквивалента мысли на испытуемом языке, когда она выражена на эталонном (проверяется обычным переводом, сопоставляется с образцовым и оценивается сопоставительным анализом).

Как видим, указанные показатели могут быть представлены в виде числовых параметров, дающих в совокупности определенную оценку информативной эффективности искусственного языка. Однако в дальнейшем мы ограничимся лишь качественным описанием совершившихся изменений, поскольку общая тенденция повышения информационной эффективности весьма ясно демонстрируется фактами.

Эволюция под воздействием внутренних факторов не сводится к усвоению новых слов; здесь можно различить целый комплекс различных изменений.

Вытеснение звука $\hat{h}$ и замена его звуком k . В этом процессе находит выражение тенденция к экономии элементов кода: звук $\hat{h}$ (русс. *х*), включенный в первоначальный проект языка, начиная со второго периода, стал вытесняться звуком k : $\hat{h}aoso \rightarrow kaoso$ 'хаос', $\hat{h}emio \rightarrow kemio$ 'химия' и т. п.

В настоящее время в словарях можно найти лишь несколько слов с этим звуком. В основном это касается тех слов, которые становятся омонимами при такой замене ($\hat{h}olero$ 'холера', $kolego$ 'гнев'; $\hat{h}ogo$ 'хор', $kogo$ 'сердце').

Фонетическое укорочение слов является частным случаем сокращения длины текстов. Явление укорочения слов получило особенно широкое развитие в четвертый период. В первую очередь это коснулось слов политического словаря, но затем приняло ха-

рактер общей тенденции в развитии языка. Так, появилось *proleto* вм. *proletario*, незадолго до того вошедшего в язык (соответствующее производное слово *proletariato* 'пролетариат' также изменилось в *proletaro*). То же относится к словам: *dekadi* 'приходить в упадок' вм. *dekadenci*, *organizo* 'организация' вм. *organizacio*, *internacio* 'интернационал' вм. *internacionalo*, *iniciato* 'почин', 'затея', 'инициатива' вм. *iniciativo*, *interpelo* 'интерпелляция', 'запрос' вм. *interpelacio*, *rekvizo* 'реквизиция' вм. *rekvizicio*. Затем эта тенденция охватила слова общего словаря и появилось *situo* 'расположение', 'ситуация' вм. *situacio*, *beletro* 'художественная литература', 'беллетристика' вм. *beletristiko*, *ambasado* 'посольство' вм. *ambasadorejo*, *amendo* 'поправка', 'изменение' вм. *amendamento*, *amplifi* 'усиливать (в электротехнике)' вм. *amplifiki*, *indigo* 'индиго (краска)' вм. *indigoto*, *linolo* 'линолеум' вм. *linoleumo*, *intua* 'интуитивный' вм. *intuitiva* и т. п.

Упрощение морфологической структуры слова. Принцип необходимости и достаточности, с которым выступил Р. де Соссюр в 1910 г., получил широкое признание и распространение в четвертом периоде. Из старых, довольно громоздких слов начинают удалять лишние элементы, введенные на начальных стадиях с целью максимальной точности. В первую очередь это коснулось групп суффиксов. Так, например, оказалось вполне достаточным употреблять *-em-* вм. *-emes-*: слово *parolemeco* 'разговорчивость' обладает той же информационностью, что и слово *parolemo*, поскольку суфф. *-em-* сам выражает склонность, т. е. свойство человека. Стало употребляться *alto* 'высота' вм. *alteco*, *rapido* 'скорость' вм. *rapidesco*, *proksimo* 'близость' вм. *proksimesco* и даже *karino* 'дорогая моя (к женщине)' вм. *karulino*. То же относится и к префиксу *-ek* в словах *ekfrapi* 'ударить', *ekfali* 'упасть'. Этими словами обозначаются действия, по самой своей сути являющиеся действиями мгновенными. Поэтому вполне достаточно *frapi* 'ударить', *fali* 'упасть' без специального показателя мгновенности *-ek-*. Такому же пересмотру и укорочению подверглись и многие другие слова, и в особенности те, которые содержали по несколько суффиксов.

Тенденция к морфологическому упрощению слов нашла свое выражение также в вытеснении длинных слож-

ных слов и замене их неологизмами. Приведем несколько характерных примеров: flako 'лужа' вм. kotmarĉeto, krenelo 'зубец крепостной стены' вм. murodento, krotalo 'гремучая змея' вм. bruserpento, inundo 'наводнение' вм. superakvego, rankoro 'злопамятство' вм. malbonmemoro, foro 'даль' вм. malproksimo.

Характерно, что неологизмы последнего времени вообще отличаются более простой морфологической структурой, чем неологизмы, появлявшиеся в первые периоды существования языка: в то время нужное понятие стремились выразить с помощью имеющихся в языке элементов, производя из них сложные слова, иногда довольно громоздкие. Такие слова сплошь и рядом оказывались труднее для освоения, чем прямое заимствование. И только сознание, что сложное слово состоит из известных элементов и потому может быть расшифровано, служило оправданием их создания (ср. например, konsciencigroĉo 'угрызения совести', замененное впоследствии словом rimorso).

Неологизмы, заменяющие группы слов, отражают ту же тенденцию к сокращению длины текстов. Обозначая в некоторых случаях весьма сложные понятия, такие слова являются свидетельством существенного прогресса, достигнутого языком эсперанто. Приведем примеры: adobo 'необожженный кирпич' вм. nebakita briko; blito 'красная свекла' вм. ruĝa beto; bracelo 'нарукавная повязка' вм. surmanika rubando; domicilio 'постоянное местожительство' вм. loko de konstanta loĝo; Olimpikoj 'Олимпийские игры' вм. Olimpiaj ludoj; pratiko 'разрешение судну причалить' вм. permeso al ŝipo alboridiĝi; tajdo 'явление прилива — отлива' вм. fluso kaj malfluso.

Этой тенденции отвечают и более короткие цепочки грамматических слов, употребляемые взамен традиционно принятых форм. Речь идет о сочетании Ju pli ...des pli 'чем более — тем более' применительно к глаголам. Указанное сочетание встречается и без наречия pli, ср. Ju kunas ni, des foras la kunsento 'Чем ближе мы друг к другу, тем дальше от нас чувство близости' вм. Ju pli proksimaj ni estas des pli malproksima estas la sento de kuneco ⁴.

⁴ См.: «Norden prisimo», 1955, № 3.

Процессам сокращения элементов кода или текста противостоят такие изменения в языке, которые, наоборот, служат пополнению состава выразительных средств эсперанто.

Неологизмы, восполняющие пробелы в общей лексике. Наряду с освоением специальной (общественно-политической и научно-технической) терминологии, отражающей изменения во внешнем мире, язык эсперанто постоянно пополняется словами, которые отвечают его внутренней потребности в передаче все более дифференцированных оттенков мысли. Из заимствований относительно недавнего времени отметим: *angoro* 'тоска', *bizara* 'причудливый', 'странный', *celebri* 'чествовать', *ĉardo* 'кабак', *delekti* 'услаждать', *diurno* 'сутки', *establi* 'учреждать', 'заводить', 'устраивать', *fajna* 'тонкий', 'изысканный', *farniento* 'ничего-неделание', *hulo* 'зыбь', *koincidi* 'совпадать', *lugubra* 'мрачный', 'щемящий', *obtuza* 'глухой, приглушенный (звук)', *paŭti* 'надуть губы', 'дуться', *vagabondo* 'бродяга', *zeloto* 'зилот', 'ревнитель', 'болельщик'.

Значительное увеличение претерпел такой специфический разряд слов, как междометия. Фактически Заменгоф в свой первоначальный словарь ввел всего три междометия: *ha!* 'а!', 'ах!'; *he!* 'э!', 'эй!' и *ve!* 'увы!', 'горе мне!'. Но в живом языке сплошь и рядом эта часть речи создает особый колорит импульсивности, быстроты действия, живости, впечатление внезапности или неожиданности. Поэтому появились многочисленные междометия, образуемые разными путями. Словарь И. Сарафова и др. дает более трех десятков междометий-неологизмов. Вот некоторые из них: *aj!* 'ай!' (оплакивание); *ba!* 'ба!' (удивление); *be!* 'бе!' (блеяние), *bis* 'бис!', *nu!* 'ну!' ('па', 'конечно'), *fi!* 'тьфу!', *fu!* 'фи!' (возмущение, отвращение) и др.

В литературе можно отметить также тенденцию превращать в междометия корни тех слов, которые выражают звукоподражание или содержат в себе удобные звуки для выражения мгновенных действий: *ek!* 'трогай!', *frap!* 'хлоп!', *glugl!* 'бульк!', *plaid!* 'хлоп!', *marŝ!* 'марш!', *gut!* 'кап!', *klak!* 'хлоп (например, в ладоши)', *klik* 'щелк!', *tiktak!* 'тик-так!' (о часах), *knar!* 'скрип!', *pik!* 'раз! (например, булавкой)', *zum!* 'ж-ж-ж!' и т. п. Естественно, что в междометия легко превращаются

и различные звукоподражательные слова, например: miau! kikeriki! и т. п.

Новые суффиксы и префиксы. Все суффиксы и префиксы эсперанто можно разделить на несколько групп. К первой из них относятся те, которые были даны в первоначальном проекте языка (они носят название фундаментальных). Ко второй — принятые и утвержденные Академией; вместе с первой они называются официальными. К третьей — широко бытующие, но не утвержденные Академией. К четвертой — так называемые научные. И, наконец, имеются суффиксы, которые встречаются в ряде слов, но считаются элементом корня (например, -or- в direktoro, redaktoro).

Весь второй период в истории языка характеризовался борьбой за сохранение традиционных форм против так называемого «реформированного эсперанто» — т. е. идо. Но в четвертом периоде в значительной степени по инициативе Э. Ланти и под его влиянием вводятся в обиход некоторые суффиксы и префиксы, взятые из идо, против которых еще недавно велась ожесточенная борьба. Один из этих суффиксов (-end-) в конце концов был принят и утвержден Академией в качестве официального. Правда, между первыми попытками его внедрения и окончательным принятием прошло примерно 30 лет. Этот суффикс дал возможность очень оперативно строить различные выражения, в которых выражается долженствование. Возникло даже слово endis ‘понадобилось’, ‘пришлось’, которое ранее отсутствовало в эсперанто. Из этого видно, какие большие возможности развития заключает в себе каждый новый суффикс или префикс.

Постепенно в эсперанто проникают и другие суффиксы из идо, пока еще не получившие утверждения Академии. К ним относятся: -iz- ‘снабжать’, -oz- ‘насыщенный’, ‘богатый чем-л.’, -iv- ‘могущий’, ‘способный’, -atr- ‘показывающий слабую интенсивность цвета’ (соответствует русск. -оватый: *синеватый*, *голубоватый*, *красноватый* и т. п.), -oid- ‘подобный’, ‘похожий по форме’ (ср. русск. -образный), -esk- ‘вроде’, ‘в стиле’ (*arabeska* ‘в арабском стиле’, *japaneska* ‘в японском стиле’).

Фундаментальные и официальные суффиксы и префиксы (их всего 41) приведены в «Русско-эсперантском словаре», вышедшем под редакцией Е. А. Бокарева. Мы их не воспроизводим.

В словаре В. Г. Суткового приведены преф. *cis-*, *retro-*, *self-* и суфф. *-iv-*, *-iz-*, *-oz-*.

Значительно позднее этот материал представлен в «Эсперантско-болгарском словаре» И. Сарафова и др. В нем приводятся преф. *neo-* — международный префикс со значением *neo-*, *hidro-* ‘гидро-’, *arĥi-* ‘архи-’, *mega-* ‘миллион’ (*megavato* ‘мегаватт’), *hiper-* ‘сверх-’, *hipo-* ‘недо-’, *hekt-* обозначает увеличение в 100 раз (*hekto-gramo*), *cis-* ‘по эту сторону’ (*cisalpa* ‘цизальпийский’), *bi-*, *di-* соответствует русск. *ди-* и *би-*, означающим удвоение, *nitro-* ‘нитро-’, *oftalmo-* ‘относящийся к глазу’, *penta-* означает увеличение в пять раз; *pseudo-* ‘псевдо-’, *retro-* означает повторение действия в обратном направлении (*retroiri* ‘идти назад’, ‘возвращаться’), *tele-* ‘теле-’, *termo* ‘термо-’, *tetra-* означает увеличенные в четыре раза, *ultra-* ‘ультра-’.

Там же приведены суффиксы, при помощи которых образованы химические, медицинские, технические и др. термины, например, *-at-* и *-it-*: *sulfato* ‘сульфат’, *pleŭrito* ‘плеврит’, *sulfito* ‘сульфит’; *-iz-*: *nikelizi* ‘никелировать’, *faradizado* ‘фарадизация’; *-ik-*: *ferika* ‘железистый’, *ĝardenistiko* ‘садоводство’; *-oid-*: *ovoida* ‘яйцевидный’, *elipsoido* ‘эллипсоид’; *-ol-*: *naftolo* ‘нафтол’, *etanol* ‘этанол’; *-ologi-*: *geologio* ‘геология’, *esperantologio* ‘эсперантология’; *-skop-*: *spektroskopo* ‘спектроскоп’, *laringoskopo* ‘ларингоскоп’; *-tek-*: *diskoteko* ‘библиотека граммофонных пластинок’, *filmoteko* ‘фильмотека’, *kartoteko* ‘картотека’.

В полном эсперанто-эсперантском словаре приводимым там аффиксам даются значения, соответствующие данным выше.

По мысли авторов словарей сфера использования перечисленных аффиксов должна быть ограничена научными текстами. Вместе с тем ряд из них очень широко раздвигает эти рамки.

Особого рассмотрения требует суфф. *-i-*. Пришедший первоначально как двойник для фундаментального суфф. *-uj-*, предназначенного для образования названия страны от лица данной национальности (*ruso* → *Rusujo*, *franco* → *Francujo*) и несколько раз отвергнутый для этой функции Академией, он все равно нашел широкое применение. Более того, этот суффикс оказался необычайно продуктивным. В словаре И. Сарафова и др. указываются четыре

функции, выполняемые этим суффиксом, при помощи которого образуются: 1) названия стран; 2) названия наук от обозначения ученых (filozofa → filozofio); 3) слова, обозначающие систему или корпорацию (demokrato → demokratio, burokrato → burokratio); 4) технические термины, особенно метрологические (termometro → termometrio, spektroskopo → spektroskopio). Укажем на еще одно употребление этого суффикса, а именно — для образования названия учреждений (ministro → ministerio, komisaro → komisarioro, vojevodo → vojevodio и др.). В конце концов широкое распространение этого суффикса побудило Академию включить его в число официальных (1974 г.), хотя этим и нарушается нормативный принцип, данный еще Заменгофом — один элемент должен выполнять лишь одну функцию (суфф. -i- служит окончанием инфинитива).

Суффиксы и префиксы в роли корней в их морфем. С течением времени не только пополняется состав словообразовательных элементов эсперанто, но и расширяется круг присущих им функций: суффиксы и префиксы начинают употребляться в качестве самостоятельных корней.

Хотя Заменгоф приравнивал аффиксы корням, придав им одинаковый морфологический статус, тем не менее широкое использование их для словообразовательных целей в качестве корней приходится лишь на четвертый и шестой периоды. Появились такие слова как diso 'существование порознь', malo 'нечто прямопротивоположное', eki 'затеять', 'вспыхнуть', miso 'превратность', 'недоразумение', aĉa 'гадкий', 'отвратительный', aĵo 'предмет', 'вещь', ano 'член (общества, ассоциации)', 'приверженец', 'последователь', arĝo 'собрание', 'группа', eso 'свойство', 'качество', ega 'чрезмерный', 'громадный', 'сильный', 'интенсивный', 'огромный', ejo 'помещение', emo 'склонность', inda 'достойный', iĝi 'стать', 'сделаться', 'становиться' и т. п.

Известную словообразовательную силу приобрели в качестве корней даже и окончания -a, -o, -e, -i: a-vorto 'имя прилагательное', o-vorto 'имя существительное', e-vorto 'нарекание', i-vorto 'глагол' (как синонимы слов adiektivo, substantivo, adverbo, verbo).

К о н в е р с и я также становится одним из наиболее продуктивных способов словообразования. Период после

1945 г. характеризуется большим распространением глаголов, произведенных от существительных и прилагательных простым изменением парадигмы. Так получились слова: *blankas* 'белеет', *grandas* 'величествует', 'виднеется большим', *altas* 'возвышается', 'высится', *studentas* 'пребывает студентом', *profesoras* 'профессорствует', *kernas* 'находится в центре, ядре, сердцевине'. В таких словах сплошь и рядом сливаются даже несколько корней совместно с префиксами и суффиксами, например, *nazkataras* 'болеи пасморком', *vastdimensias* и *vastskalas* 'принимает широкие размеры или масштабы', *framboruĝas* 'краснеет малиновым цветом', *ellitigas* 'встает с кровати', *vespermanĝas* 'ужинает', *apuddomas* 'находится, проводит время возле дома', *subplankas* 'находится в подполе', *kvaŝajknabas* 'поступает или имеет вид, подобно мальчишке, мальчику' и т. п.

Другим распространенным случаем конверсии является производство изменяемых частей речи из наречий и предлогов. Существительные и прилагательные, образованные этим способом, были характерны уже для первых периодов развития языка. Таким образом образовывались слова типа *ela* 'выходящий', 'выступающий из', *fogo* 'даль', *kuno* 'совокупность', 'совместное пребывание', *ĵuso* 'нечто, только что происшедшее, совершившееся'. В течение шестого периода широкое употребление нашли также глаголы, образованные от предлогов и наречий. Получился как бы прорыв в новую зону словопроизводства, которая была до того скрыта традициями национальных языков, а потом внезапно открылась в силу логического принципа построения языка. Появились такие формы как *ĝisi* 'добраться', 'подступиться к чему-л.', *ĝiso* 'доступ', 'возможность подойти', *kialo* 'причина', хотя слово *kaŭzo* 'причина' из интернациональной лексики существует параллельно как синоним; *ali* 'поровить', 'стремиться к сближению или приближению', *eni* 'находиться в чем-л., в середине чего-л.', *eli* 'выходить', 'вдвигаться', 'высовываться', 'выступать из чего-л.', *subi* 'находиться под чем-л. или в подчинении (в подчиненном положении)', *preteri* 'проходить', 'проезжать', 'пролетать мимо', 'миновать', *superi* 'превосходить', 'находиться вверху', *transi* 'переходить', 'перебегать', 'переезжать', 'перелетать', 'переплывать через', *traŝi* 'протискиваться', 'проходить', 'пролетать

сквозь', *ĉei* 'быть', 'находиться', 'состоять при', *arudi* 'быть возле чего, кого-л.' и т. д.

Новые местоимения и наречия. Близок конверсии и стихийно возникший способ производства некоторых местоимений и наречий. Таблица коррелятивных слов, составленная Заменгофом по образцу аналогичных (правда, не столь полных и не столь регламентированных) таблиц русского, литовского и других языков, оказалась настолько продуктивной, что в нее наравне с начальными элементами (ноль для неопределенных, *k-* — для вопросительных и относительных, *ĉ-* — для обобщительных, *i-* — для указательных, *nen-* — для отрицательных местоимений и наречий) были втянуты новые корневые морфемы: *ali-* 'другой', *kelk-* 'несколько', *sam-* 'тот же самый'. Аналогичную тенденцию обнаруживает частица *aĵn* 'бы ни' ('кто бы ни', 'где бы ни' и т. д.).

Так образовались местоимения и наречия *alio* 'другое', *aliu* 'другой' (одуш.), *aliel* 'иначе', *aliam* 'в иное время' и аналогичные им *kelkiuj* 'некоторые', *samiam* 'в то же время' и т. д.

Некоторые грамматические нововведения. В произведениях Ш. Сатмари⁵ (Венгрия) мы встретились с новой формой условного наклонения: вместо *Mi estus vidinta* 'Я видел бы/Я увидел бы' употребляется *Mi vidintus*. Она довольно часто встречается и в переводах молодых эсперантистов, на что указывал в своих статьях И. Сердахейи (Венгрия). Раз данная форма вошла в литературу, то это означает, что она прошла уже значительный путь внедрения в устную речь. На это указывает и тот факт, что ее употреблял в разговорах В. Г. Сутковой уже в 20-е годы, причем не только применительно к условному наклонению, но ко всем сложным формам изъявительного наклонения. Правда, он делал это в шутку. В серьезных разговорах, спорах, сообщениях он ее не употреблял. В этих случаях он пользовался фундаментальной формой *Mi estus vidinta*, *Mi estas vidanta*.

Вторичное появление формы *vidintus* в речи венгерских и других эсперантистов показывает некоторое

⁵ S. Szathmari. Tria prego de Pigmaliono. «Hungara Vivo», Budapest, 1969, № 2.

единство в развитии международного языка в разных странах.

Из прочих грамматических нововведений интерес представляет расширение категории сложных предлогов, посредством которых преодолевается полисемантизм простых предлогов, первоначально представленных в эсперанто. В особенности это относится к такому предлогу как *de*, который имеет несколько накладывающихся функций (атрибутивность, принадлежность, действующее лицо страдательного залога, направление от чего-л., временная функция: «от какого-то момента» и др.). Сложные предлоги принимают на себя некоторые из названных функций: *fare de* (и его сокращенная форма *far*), а также *flanke de* обозначают действующее лицо страдательного залога, *ekde* специализируется во временной функции («начиная с некоторого момента»), пространственные значения уточняются предлогами *de-sub*, *de-inter*, *de-post*, *de-sur* и др. Такие же уточнения происходят и с предлогом *el* (*el-post*, *el-sur*, *el-sub* и т. п.), предлогом *al* (*al-sub*, *al-super*, *al-post*) и т. д.

Выше речь шла о процессах рационализации и обогащения знаковой системы эсперанто, при которых не нарушается принцип однозначности: «один знак = одно значение». Однако в эсперанто представлены и иные процессы, в результате которых в язык проникают несвойственные ему ранее явления синонимии и полисемии.

Синонимия чаще всего возникает как результат отмеченного выше процесса замены производных слов неологизмами с более простой морфологической структурой. Если этот процесс не приводит к полному вытеснению ранее функционировавшего слова, обе формы сохраняются в языке в качестве синонимической пары: *ŝiparo* 'флот' — *floto*, 'strumpeto' 'носок' — *soko*, *minejo* 'шахта' — *ŝakto*, *bravegubo* 'молодец' — *prodo*, *memmortigo* 'самоубийство' — *suicido*, *estonteco* 'будущее' — *futuro*, *mio* 'я' — *ego*, *klarigi* 'объяснять' — *ekspliki*.

Особый интерес представляют неологизмы, конкурирующие с прежними производными на *mal-* (префиксе противоположности): *mallonga* 'короткий' — *kurta*, *malfrua* 'поздний' — *tarda*, *malluma* 'темный' — *obskura*, *maljuna* 'старый' — *olda*, *malpacigi* 'ссориться' — *kvereli*, *malkonfirmi* 'отклонить', 'не утвердить' — *dementi*.

Характерно, что между появляющимися синонимами сразу же возникают вторичные стилистические различия; прежние аффиксованные слова создают все тот же ограниченный «повседневный» минимум, тогда как неологизмы позволяют достичь большего разнообразия, изящества и благозвучия в «квалифицированном» тексте (особенно в поэзии). В то же время аффиксованные слова дают возможность передачи стилистической архаики.

Другим источником синонимии может явиться одновременное заимствование нескольких слов с одинаковым значением, например: *mutuala* 'взаимный' — *reciproka*, *leĝera* 'легкий' — *lacila*, *pirato* 'пират' — *korsaro*, *stovo* 'печь' — *lorĉo*, *ekzakta* 'точный' — *preciza*, *satelito* 'спутник' — *sputniko*, *tendra* 'нежный' — *tenera*, *liedolido* — *kaŭto* 'песня' — *kanzono*, *plago* 'пляж' — *strando*, *primavero* 'весна' — *printempo*, *imortelo* 'бессмертник' — *helikrizo* и др.

П о л и с е м и я является следствием процесса переосмысления слов. Некоторые слова в ходе развития по различным причинам, главным образом под влиянием стремления к стройности всей системы языка, теряют одно значение и приобретают другое. В результате, до тех пор, пока одно из значений не будет отвергнуто общественной практикой, слово становится многозначным. Приведем примеры.

Alie первоначально означало 'иначе', но после того, как корень *ali-* вошел в таблицу местоимений и наречий, *alie* означает 'в другом месте', а в значении 'иначе' употребляется *aliel*.

С появлением слова *ambasado*, бытовавшее до того с тем же значением *ambasadorejo* переосмысливается как 'кабинет посла' или 'резиденция посла'.

Слово *dello*, означавшее 'устье реки', в дальнейшем вернуло себе и свой исходный, первоначальный смысл — название греческой буквы «дельта».

Padelo имело значение 'плоская часть весла', но в современном эсперанто *padelo* 'лопатка', 'лопасть' (главная часть паровых, водяных, газовых турбин, центробежных насосов, вообще лопаточных машин).

Слово *prezidanto* первоначально имело два смысла: 'председатель' и 'президент'. В дальнейшем за ним осталось лишь значение 'председатель', а для слова 'президент' появилось *prezidito*.

Vagonaro ранее означало 'поезд', но с появлением слова trajno (локомотив + состав вагонов) слово vagonaro стало означать именно 'состав вагонов'.

Как уже говорилось, развитие эсперанто не происходит строго прямолинейно, оно осложнено различными отклонениями. Так, в четвертом периоде возникло сильное стремление к унификации наречных окончаний; особенные нарекания вызывали слова, оканчивающиеся на -aŭ. По аналогии с другими (производными) наречиями сторонники нововведений требовали замены aŭ и других необычных окончаний на традиционное e — общепринятое для производных наречий. И в газете «Sennaciulo», и со стороны Э. Ланти это нововведение получает все права гражданства. Вводятся kvaze 'как будто' вм. kvazaŭ, morgo 'завтра' вм. morgaŭ, preske 'почти' вм. preskaŭ, malgre 'вопреки', 'несмотря на...' вм. malgraŭ, morgo 'завтра' вм. morgaŭ, adie 'прощай' вм. adiaŭ, anstate 'вместо' вм. anstataŭ, ankore 'еще' вм. ankoraŭ, ante 'вперед', 'раньше', 'заранее' вм. antaŭe, hiero 'вчера' вм. hieraŭ, kvanke 'хотя' вм. kvankam. Это течение нашло свое отражение в словаре В. Г. Сутковского, где наряду с фундаментальными формами помещены и эти нововведения. В СССР эта форма была принята в свое время в эсперантском приложении «Vojo de Kleinigo» к украинскому педагогическому журналу «Шлях Освіти». Редактор этого приложения и член редколлегии указанного журнала — И. И. Зильберфарб (известный как переводчик партийного гимна «Интернационал» на эсперанто, а также как автор капитального труда о Ф. Фурье), применял эту форму. Однако сейчас эта форма не используется в языке, утвердились классические (прежние) окончания наречий.

Э. Ланти выступил в 1926 г. в журнале «Sennaciulo» с идеей изгнать прописные буквы из текста по примеру некоторых восточных языков. Редактируемые им издания выходят с рядом статей в этом оформлении. Однако эта попытка не имела никаких последствий.

Приведенные примеры показывают, как сильна традиция, препятствующая введению новых форм, непривычных для говорящих, даже в тех случаях, когда они были бы вполне оправданы с точки зрения здравого смысла. Нет сомнений, что упоминавшееся окончание aŭ очень усложняет речь. В самом деле, любая слово-

образовательная операция наталкивается на малоудобоваримые формы, в которых скапливаются гласные и дифтонги: *baldaŭa, hieraŭa, kvaзаŭeso, hodiaŭa* и т. п. Намного проще было бы сказать: *baldo, hiera, hiero, kvaзесо, hodia, hodio* и т. п. Тем не менее традиция этого не допускает и пока предпочтение отдается неудобным привычным формам перед удобными, но непривычными. Однако возможно, что в будущем создадутся сперва двойные формы, а затем одна синонимическая форма станет действующей, а другая — архаикой для придания смыслу соответствующего оттенка (по типу англ. *with* и *withal*).

Данная особенность развития языка еще рельефнее выступает при знакомстве со словарем Ф. Азорина, изданного в Мексике⁶. Ф. Азорин предложил легализовать ряд суффиксов, которые до того существовали в эсперанто лишь в качестве невыделяемых компонентов корня. Легализация этих суффиксов привела бы к тому, что прежние корневые слова стали бы производными, а сам суффикс получил бы возможность сочетаться и с другими корнями. Приведем пример. Ф. Азорин предложил существующий во многих эсперантских словах конечный элемент *-og-* включить в состав действующих суффиксов. В результате этого многие корневые слова эсперанто (*direktoro, inspektoro, konduktoro, redaktoro, prokuroro* и др.) стали бы производными от соответствующего глагольного корня, имеющегося в языке: *direkt-, inspekt-, redakt-* и др.

Естественно, введение такого суффикса обогатило бы язык, потому что имеющиеся суффиксы — *-ist* — для названия профессии, *-ul* — характера, *-an* — приверженца или члена какой-л. корпорации, — не дают такого обозначения человека, которое присваивается в результате общественной оценки. Так, например, получилось бы чрезвычайно убедительное слово *gvidoro* ‘вождь’, *ekspluatoro* ‘эксплуататор’, *turmentoro* ‘мучитель’, *timigoro* ‘пугало’ (применительно к человеку), *dominoro* ‘властелин’, *ludoro* ‘игрок’ и т. п. Применяемый же в настоящее время для подобных целей суффикс существительного — причастия *-anto* дает лишь нейтральную лексику — временное занятие данным делом, но не занятие по общественному признанию или оценке.

⁶ *F. Azorin. Ilustrita vortaro de Esperanto. Unua Volumo. A-K. Editorial stylo. Mexico, 1955.*

В этом словаре, богато иллюстрированном, было заложено много вольнодумных идей. Но эсперантской общественностью эта инициатива была осуждена и отвергнута со всей решительностью. Академия подтвердила неприемлемость такого, ничем не оправданного злоупотребления нововведениями, массированно вводимыми в язык одним человеком по своей личной прихоти. Словарь Ф. Азорины остался незавершенным, свет увидела лишь его первая часть.

Мы проследили некоторые этапы развития международного языка эсперанто, показав, каким образом воздействуют на его эволюцию внешние и внутренние факторы, как меняется в языке соотношение национального и интернационального и к каким результатам приводит тенденция к совершенствованию языка, повышению его информационной эффективности.

Принцип легкости овладения языком, служивший главным способом привлечения адептов на первом этапе существования эсперанто, с течением времени несколько утратил свою актуальность, ибо для языка, претендующего на то, чтобы быть столь же информативным, как и развитые национальные языки, применение этого принципа в полном объеме оказывается порочным. Дело в том, что для поддержания тезиса «легкости» приходится сильно ограничивать запас корневых слов. А это в свою очередь ведет к построению чрезвычайно громоздких словесных конструкций, как только изложение выходит за рамки «обиходных» тем. И тогда язык, исправно обслуживающий повседневное общение, оказывается неподходящим для создания серьезной научной и технической литературы.

Вместе с тем сказанное не означает, что эсперанто вообще отказывается от принципа легкости. По-видимому, соотношение между максимумом легкости и максимумом информационной эффективности является категорией, находящейся в непрерывном перемещении; в каждый данный момент она занимает оптимальное положение в зависимости от сферы применения языка: приобретение языком новых функций, экспансия его в научно-техническую область повышает информационную эффективность, одновременно изменяя соотношение между этой последней и легкостью языка.

ИНТЕРЛИНГВИСТИКА И ЛИНГВОПРОЕКТИРОВАНИЕ В РОССИИ

А. Д. Дуличенко

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕРЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В РОССИИ

Идея создания языка, который служил бы средством общения для народов различных стран, зародилась в России давно; по крайней мере, от первых предложений и проектов такого языка прошло уже несколько веков. Тем не менее эта поучительная и интересная страница в истории отечественной лингвистики и интерлингвистики до настоящего времени не нашла должного отражения.

Впервые попытки создания международных искусственных языков (МИЯ) в России и в СССР представил в 1926—1927 гг. в схематическом наброске (так и оставшемся «заметками для блокнота») известный деятель эсперантского движения 20—30-х годов в нашей стране, интерлингвист Э. К. Дрезен¹. В дальнейшем эти сведения о до- и послереволюционных проектах МИЯ вошли в его известную книгу «За всеобщим языком»². Материалы Э. К. Дрезена охватывают преимущественно проекты МИЯ, а также вопросы практического движения за МИЯ в дореволюционной России и в СССР в 20—30-е годы. Теоретические рассуждения этого автора относительно общих проблем, связанных с МИЯ, в настоящее время в известной степени устарели. Это и понятно, если учесть, что тогда, когда работал Э. К. Дрезен, марксистское языкознание у нас только зарождалось. Дрезен не был языковедом по образованию (хотя и написал свыше де-

¹ См.: Э. Дрезен. Российские попытки создания международных искусственных языков. (Заметки на блокноте). «Изв. ЦК СЭСР». М., 1926—1927, № 8; продолжение в этом же журнале за 1926—1927 гг., № 9—12. Фрагменты этой работы Э. Дрезена были опубликованы в журнале «Sennacieca Revuo», 1927, V, № 8 (44) под названием «El la historio de la lingvo internacia en Rusio».

² Э. Дрезен. За всеобщим языком. (Три века исканий). М. — Л., 1928.

сятка книг по интерлингвистическим вопросам), и это сказалось на некоторых лингвистических суждениях, особенно когда речь шла об оценке достоинств или недостатков других (не эсперанто) проектов МИЯ, а также когда он касался некоторых общелингвистических проблем (упрощенно толковал ряд вопросов языковой эволюции мира и т. д.).

После Дрездена исторический аспект проблемы МИЯ в нашей стране лишь попутно затрагивался в общеинтерлингвистических работах Е. А. Бокарева и В. П. Григорьева. Специально этому вопросу посвящена наша небольшая статья, в которой представлен фактический и библиографический материал по 16 проектам МИЯ, появившимся в нашей стране после 1917 г.³ В настоящей статье ставится задача осветить основные пути развития отечественных интерлингвистических традиций, начиная с момента их зарождения, для чего необходимо представить толкование (ввиду нераспространенности и малоизвестности среди широкого круга лингвистов) нескольких, наиболее часто используемых здесь, интерлингвистических терминов:

1. *Апостериорный язык (проект, система)* — построенный на элементах реальной языковой действительности, т. е. с использованием грамматических и иных элементов нескольких национальных языков.

2. *Априорный язык (проект, система)* — построенный на предельно рационализированной словообразовательной и т. д. основе; черты живых национальных языков отражаются здесь в наиболее общей форме.

3. *Лингвопроект* — проект искусственного языка, предложенный для целей международного научного, торгового и иного общения; произв. форма: *лингвопроектирование*.

4. *Пазиграфия* — письменная языковая система, построенная на логической и классификационной основах понятий действительности и выражающая эти понятия с помощью комбинаций особого начертания знаков, а также цифр (римских, арабских) и пр. Термин введен впервые в 1797 г. сторонником идеи всеобщего языка И. де Мемье.

³ См.: А. Д. Dulichenko. Interlinguistics in the USSR. «Eco-logos». Denver, 1971, v. XVII, № 61.

5. *Система микст (смешанный язык, проект)* — язык, созданный на основе различных исходных принципов, например, априорных и апостериорных и т. д.

6. *Универсальный алфавит (всеобщий алфавит, письмо)* — проект алфавита, предназначенный для «всех» языков, в том числе и для международного языка (МЯ) и будущего всемирного языка.

7. *Упрощенный язык (проект)* — созданный на основе унификации и упрощения грамматических и иных категорий какого-либо национального языка.

8. *Философский, или логический, язык (проект, система)* — созданный на строгой логической основе классификации понятий.

Идея общего языка возникла в России в XVII в., интерес к ней поддерживался и в XVIII в.⁴ Однако и в том, и в другом случае посетителями этой идеи были, как правило, иностранцы. Появление первого проекта общего (искусственного) языка, известного в России, было связано с волновавшей умы передовых людей тех времен идеей славянского единства. Особенно популярной эта идея была среди южнославянских народов, в течение длительного времени неоднократно подвергавшихся нападению и захвату с юга и севера.

Во второй половине XVII в. хорватский католический священник Ю. Крижанич (1618—1683) направляется в Россию, чтобы убедить русского царя в необходимости политического и религиозного объединения всех славян под водительством России. Достигнуть этой цели, по мнению Ю. Крижанича, поможет язык, общий для всех славянских народов⁵. К разработке грамматики все-

⁴ Все данные о проектах и предложениях МИЯ подаются в соответствии с материалами картотеки «Лингвопроекты в России и СССР», являющейся частью составленной автором настоящего исследования общей картотеки (библиографии) проектов и предложений МИЯ; и в том, и в другом случае в картотеках всесторонне отражены библиографические данные и необходимые сведения о более чем 900 проектах и предложениях МИЯ, появившихся в различное время в разных странах мира.

⁵ Существует точка зрения, согласно которой само появление проекта всеславянского языка Ю. Крижанича (как, впрочем, и других подобных проектов позднейших авторов) отразило «кризисные моменты в истории единого книжнославянского или церковнославянского языка, а также и отдельных славянских языков», — как пишется в передовой статье «Вопросы славянского языко-

славянского языка, который условно можно было бы назвать как *ruski jezik* (в интерлингвистических изданиях название этого проекта несколько искажено — *ruski jezyk*⁶), Ю. Крижанич приступил еще до своего путешествия в Россию. Так, уже в 1652 г. он написал несколько стихотворений, представляющих собой, по сути, смесь сербскохорватского языка с церковнославянскими и восточнославянскими элементами. О «русском ези́ке» можно, пожалуй, говорить уже начиная с его сочинения «Путно описание от Лёвова до Москви» (1659 г.). Вопросы морфологии всеславянского языка Ю. Крижанич изложил в языковедческом сочинении «Грамати́чно изказање об руском језику» (1665 г.). На своем языке Ю. Крижанич написал также языковедческое сочинение «Објасњење виводно о писмѣ словѣнском (1659—1661 гг.)», знаменитый политический трактат, условно названный исследователями «Политика» (1663—1666 гг.), и некоторые другие. «Политика» издавалась в России дважды — в 1859 г. и, более полно, — в 1859—1860 гг.; третье издание, наиболее полное и всесторонне документированное, появилось в 1965 г. параллельно на всеславянском и на современном русском языке⁷.

С лингвистической точки зрения всеславянский язык Ю. Крижанича можно квалифицировать как смесь грамматических и лексических элементов различных славянских языков. Грамматически наиболее всего ощутимы в этом языке элементы русского и церковнославянского

знания на IV Международном съезде славистов» (ВЯ, 1959, № 1, стр. 6). Эту же точку зрения развивал известный советский славист Н. И. Толстой в докладе «Опыты создания общеславянского литературного языка как попытка воплощения программы славянской взаимности» на проходившей 26–30 июня 1972 г. в Москве научной сессии Международной комиссии по истории славяноведения, организованной Советским комитетом славистов совместно с Институтом славяноведения и балканистики АН СССР. (См.: *Н. Прокофьева*. Научная сессия Международной комиссии по истории славяноведения. «Советское славяноведение», 1972, № 6, стр. 120.) В. П. Григорьев придерживается иного мнения, см.: *В. П. Григорьев*. И. А. Бодуэн де Куртенэ и интерлингвистика. — В кн.: «И. А. Бодуэн де Куртенэ. (К 30-летию со дня смерти)». М., 1960, стр. 58.

⁶ См., например: *Э. Дрезен*. За всеобщим языком, стр. 218.

⁷ Подробные библиографические и фактические (образцы текстов и т. д.) данные о проектах МИЯ, появлявшихся, начиная с XVII в. в России, см. в Приложении к настоящей статье.

языков; отмечаются в нем и особенности сербскохорватского языка, по преимуществу — родного Ю. Крижаничу чакавского диалекта (в его икавском варианте)⁸. Согласно данным голландского слависта Т. Экмана⁹, проделавшего выборочный статистический анализ слов в «Политике», общими для всех славянских языков оказываются около 59% слов, русских и церковнославянских слов — около 10%, сербскохорватских — около 9%, польских — 2,5%; имеются также и украинские слова. Многие слова, которые невозможно идентифицировать со словами других славянских языков, Ю. Крижанич создал сам.

До настоящего времени вопросы лексики, фонетики и грамматики всеславянского языка Ю. Крижанича привлекают к себе внимание славистов различных стран.

В XVIII в. идея всеобщего языка захватывает большой круг ученых. Так, если до XVIII в. в разных странах было сделано предложений и разработано немногим более 50 лингвопроектов, то только за один XVIII в. преимущественно во Франции, Германии, Англии, а также в Италии было создано почти столько же проектов МИЯ. Эти идеи проникали также в Россию и занимали умы образованных людей. В «Лекциях по языкознанию» М. Мюллер¹⁰, а вслед за ним и Э. К. Дрезен¹¹ склонны были считать, что созданная при Российской академии наук по приказу Екатерины II комиссия по составлению словарей «всех языков и наречий», а также результат работы этой комиссии «*Glossarium comparativum totius orbis*» (Petersburg, 1787) как раз и отражают попытки и слабо осознаваемый путь решения проблемы всеобщего языка. Об интересе в этот период к рассматриваемой проблеме говорит и факт перевода на немецкий язык и издания в Риге в 1785 г. книги лорда Монбоддо, в которой

⁸ См.: *M. Hraste. Prinosi poznavanju hrvatskosrpskog jezika Jurja Križanića. «Radovi Zavoda za slavensku filologiju», t. 5. Zagreb, 1963.*

⁹ *Т. Экман. Грамматический и лексический строй языка Ю. Крижанича. «Dutch contributions to the Fifth International Congress of slavistics». Hague, 1963, стр. 164.* Т. Экман справедливо отмечает, что Ю. Крижанич часто заменял или видоизменял слово и его форму.

¹⁰ *M. Müller. Vorlesungen über die Wissenschaft der Sprache. Leipzig, 1863, стр. 117—118.*

¹¹ *Э. Дрезен. Российские попытки..., стр. 247.*

высказываются некоторые соображения относительно всеобщего языка и анализируется известная философская языковая система Дж. Вилкинса¹².

Конкретно идея всеобщего языка в России XVIII в. воплотилась в двух малоразработанных проектах, авторы которых были, как и в XVII в., иностранцы. В 1788 г. в Петербурге была издана книга швейцарца Ж. П. де Риа, предлагавшего систему фонетической транскрипции для «всех языков» (текст самой книги дан параллельно на французском языке действующей орфографией и предлагавшейся автором фонетической записью). Транскрипция де Риа состоит из 64 знаков (латинские обозначения гласных и согласных с некоторыми добавлениями, цифры до 8, нотные и особого начертания знаки), с помощью комбинации которых можно выразить «все элементы... во всех их взаимоотношениях»: ab, ad, af, ag...; ba, da, fa...; abd... и т. д. Состав возможных комбинаций составляет универсальный словарь будущего всеобщего языка. Правда, де Риа сам ограничился приведением комбинаций только с гласным *a*, да к тому же и не придал этим сочетаниям значений. Совершенно очевидно, что здесь мы имеем дело с попыткой логического расчленения реалий мира и обозначения этих реалий и взаимоотношений между ними с помощью однозначимых звуковых сочетаний. Эта недоработанная философская языковая система с элементами пазиграфии находится в полном соответствии с духом своего времени, если учесть, что подобные проекты появлялись неоднократно в различных странах Европы и до XVIII в., и на протяжении всего XVIII в.

Еще более беспомощную попытку решить проблему всеобщего языка представляет собой так называемая ц и ф р о в а я п а з и г р а ф и я языковеда Х. Вольке, жившего в XVIII в. в России и являвшегося членом екатерининской языковой комиссии при Российской академии наук, а также профессором Петербургского университета. В изданной в 1797 г. в Германии книге Х. Вольке предлагал, по сути, не пазиграфию, а довольно примитивную и практически неосуществимую технику общения между разноязычными лицами с помощью словарей и закрепленных в них цифровым порядком слов с граммати-

¹² Lord Monboddo. Werk von dem Ursprunge und Fortgange der Sprache. Übersetzt und abgekürzt von C. H. Schmidt. Riga, 1785.

ческими формами. Общающийся должен был с помощью присвоенного слову родного языка цифрового обозначения искать соответствующее цифровое обозначение и следующее за ним слово в словаре языка своего собеседника и т. д.

С XIX в., особенно с его второй половины, к проблеме всеобщего языка в России обращаются уже не единицы энтузиастов, как это было в прошлом. Проблема эта интересует многих ученых, не только филологов. Значительно расширяется круг затрагиваемой интерлингвистической проблематики: помимо предложенных проектов и высказанных конкретных предложений, появляются статьи общего характера с целью осмыслить теоретический и практический аспекты проблемы МИЯ; ряд сторонников идеи МИЯ практически участвует в движении за МЯ. Именно в русле этих трех направлений формируется и развивается интерлингвистическая мысль в России XIX в.

Попытки осмыслить общетеоретические вопросы, связанные с МЯ, предпринимают прежде всего авторы проектов и предложений МИЯ. Правда, большинство этих авторов полагает, что достаточно разработать более или менее последовательную языковую систему и опубликовать ее, чтобы мир понял и воспринял предлагаемый ими путь решения проблемы всеобщего языка. Более трезвый подход к делу проявил автор одного из проектов МИЯ, ставший впоследствии активным пропагандистом волапюка, — Д. Н. Чернушенко, который считал, что «всемирный язык должен быть искусственным», чтобы он «не мог задевать национальные чувства ни одного из народов»¹³.

Наиболее ценной в этот период является работа русского дипломата А. Ф. Гримма, представляющая собой программу разработки принципов всеобщего языка («Programme pour la formation d'une langue universelle»)¹⁴. Эта программа (1860 г.) была достаточно хорошо известна сторонникам МИЯ на Западе, о чем свидетельствует ее неоднократная перепечатка в ряде изданий на немец-

¹³ См.: Д. Чернушенко. Лекции всемирного языка Volapüka. (Стремление к миру. Примирение враждующих, соединение противоположностей и разделений.) [Изд. 2]. М., 1891, стр. 7.

¹⁴ L. Couturat et L. Leau. Histoire de la langue universelle. 2. éd. Paris, 1907.

ком и французском языках. Согласно принципам, сформулированным А. Ф. Гриммом, всеобщим языком может стать искусственно созданный по образцу национальных язык, однако с более высокой степенью априорности в грамматике (строгая логичность выражения грамматических категорий, система словообразования, одно слово непременно должно обладать только одним значением и т. д.). Предложение А. Ф. Гримма получило известность под названием «априорно-апостериорная система». И хотя идеи А. Ф. Гримма не оказали прямого влияния на последующие поиски решения вопроса о всеобщем языке именно таким путем (предложение, о котором идет речь, попало в печать спустя более 20 лет), все же в них отразился общий прогресс в понимании более рационального и жизнеспособного, чем философские языковые системы и пазиграфии, всеобщего языка. И, действительно, впоследствии по такому же принципу был создан волапюк, заставивший мир поверить в возможность функционирования МИЯ.

Во второй половине XIX в. в России достаточно хорошо знали и о более ранних (преимущественно западных) попытках философского и лингвистического осмысления проблемы всеобщего языка, о чем свидетельствуют время от времени появлявшиеся в различных периодических изданиях заметки и статьи о всеобщем языке. Так, в статье «О попытках к установлению искусственного всемирного языка» (1886 г.) Р. Минцлов рассматривает взгляды Р. Декарта, Г. Лейбница, Дж. Вилкинса и др. Автор считает в принципе возможным и даже необходимым введение всемирного языка, однако его создание зависит не от индивидов, а от «совокупности усилий всего человечества», что было бы достижимо, если бы «человечество соединилось в единое целое»¹⁵. Интерлингвистические понятия «всемирный язык», «международный язык» и некоторые другие стали включать в энциклопедические издания XIX в.¹⁶ Расширяющееся во второй половине XIX в. движение за МЯ не могло не обратить на себя

¹⁵ Р. Минцлов. О попытках к установлению искусственного всемирного языка. «Русские ведомости», 30 марта 1886 г.

¹⁶ См., например: С. Булич. Всемирный или международный язык. «Энциклопедический словарь», т. 13. Изд. Брокгауза и Ефрона. СПб., 1892.

внимания выдающегося лингвиста И. А. Бодуэна де Куртенэ. К таким важнейшим интерлингвистическим проблемам, как «стихийное» и «сознательное» в развитии языка, «искусственное» и «естественное» в языке и др., он обращается уже в 80-х годах, в частности, в работах «Некоторые общие замечания о языкознании и языке» (1871 г.) в рецензии на журнал «Internationale Zeitschrift für allgemeine Sprachwissenschaft» (1884 г.), в статье «О задачах языковедения» (1888 г.), в лекции «O zadaniach językoznawstwa» (1889 г.) и др.¹⁷ По свидетельству Н. И. Толстого и В. П. Григорьева¹⁸, И. А. Бодуэн де Куртенэ в этот период проявлял интерес к проблеме всеславянского языка: в архиве АН СССР сохранилось адресованное ему письмо автора проекта межславянского языка М. Маяра от 1874 г. Бодуэн де Куртенэ предложил включить в повестку дня I съезда славянских филологов и историков, проходившего в Петербурге в 1904 г., рассмотрение проектов межславянских языков (в частности, проектов М. Маяра и О. Цафа)¹⁹. Позднее он высказал мысль о том, что славяне могли бы иметь один общий язык, однако история распорядилась по-своему; и если уж возникли литературные славянские языки, которыми каждый славянский народ «дорожит как чем-то своим и неотъемлемым», то для их развития необходимо предоставить все условия²⁰.

В XIX в. было создано примерно десять российских проектов и предложений МЯ. Преимущественно это: а) философские языковые системы и пазиграфии, б) проекты упрощенного национального («живого») языка и в) апостериорные международные системы.

Философские языковые системы и пазиграфии, особенно популярные в XVII—XVIII вв., продолжают занимать умы некоторых сторонников МИЯ и в XIX в.

¹⁷ Подробнее об этом см.: В. П. Григорьев. И. А. Бодуэн де Куртенэ и интерлингвистика.

¹⁸ См.: Н. И. Толстой. О работах И. А. Бодуэна де Куртенэ по словенскому языку. «И. А. Бодуэн де Куртенэ (к 30-летию со дня смерти)»; В. П. Григорьев. И. А. Бодуэн де Куртенэ и интерлингвистика.

¹⁹ См.: «I съезд славянских филологов и историков. I. Материалы по организации съезда...». СПб., 1904, стр. 14.

²⁰ И. А. Бодуэн де Куртенэ. Украинский вопрос с вненациональной точки зрения. «Украинская жизнь», 1913, № 7—8.

Попыткой решить проблему всеобщего языка именно таким путем является первый русский печатный проект «Всемирно-научный язык» (1880 г.) М. Н. Глубоковского. «Идея комбинированной философской пазиграфии и звукового философского научного языка» (Э. К. Дрезен) самим М. Н. Глубоковским до конца практически не была реализована. Однако автор представил в своей книге образец классификации биологических реалий и понятий, по аналогии с которым в будущем предстояло классифицировать все «земные элементы» и существующие между ними отношения. Так, М. Н. Глубоковский символом А обозначает класс позвоночных, В — беспозвоночных, А¹ — млекопитающих, А² — птиц и т. д. Придание пазиграфическим знакам звукового значения позволяет использовать «всемирно-научный язык» М. Н. Глубоковского как разговорный: А² — *ам* 'птица', А⁴ — *ан* 'рыба' и т. д. В отличие от некоторых других авторов философских и пазиграфических систем, М. Н. Глубоковский предназначал свою языковую систему не для «всего мира», а прежде всего для использования в науке. Этот проект можно считать первым российским проектом МИЯ для науки.

Автором другого российского проекта научного языка — и д е о г р а ф и и — был профессор кафедры русского языка и литературы Университета в Хельсинки С. И. Барановский. Работая в Финляндии, С. И. Барановский заинтересовался проблемой всеобщего языка (о чем он писал в 1853 г. в газете «Finlands allmänna tidning»). В изданном в 1884 г. проекте С. И. Барановский предлагает 40 знаков особого начертания, комбинации которых (в каждом случае не более шести знаков) дали бы возможность обозначить более 4 млн. понятий; для выражения грамматических значений предлагались также знаки (не более трех), располагающиеся после начальных шести. Перевод идеографического текста в разговорный язык должен был осуществляться приданием знакам соответствующих звуковых значений и т. д.

Е. Г. Гурину (псевдоним «Д-р Н. Новодум») принадлежал проект философско-пазиграфического типа под названием «Прометей-Просветитель» (1896 г.). Стремясь удовлетворить требованиям легкости и быстроты изучения языка, автор уверял, что грамматика его языка «может быть изучена в течение 5—10 минут». Пред-

лагались такие построения, как: *па-й* 'отец', *па-я* 'мать',
 $\frac{1}{2}$ *п-ай* 'сын' и т. д.

Несмотря на то что авторы философско-пазиграфических систем стремились к логическому отображению в знаках всех реальных и отношений между ними, эти проекты из-за громоздкости не получили дальнейшего развития, их практическая неосуществимость была очевидна.

Часть сторонников идеи МИЯ в России пыталась иначе решить рассматриваемую проблему. В 1889 г. А. Ф. Старчевский предложил *настоящий (живой) всемирный язык*, представляющий собой проект упрощенного английского языка. Введя несколько дополнительных букв с диакритическими знаками, он упростил английскую орфографию, а затем ввел незначительные грамматические изменения. Однако А. Ф. Старчевский не был последовательным до конца: в написании многих слов он использовал две буквы для передачи одного согласного, сохранил сочетания двух букв (например, *th*) для обозначения одной фонемы и пр. То же можно сказать и о проекте упрощенного французского языка *франсэзин* (1893 г.) А. Лякидэ. Можно согласиться с высказыванием Э. К. Дрезена о том, что унификация и упрощение грамматических и орфографических норм «естественного» языка вряд ли может решить проблему: такой язык становится непонятным даже тем, для кого он в «естественной форме» был родным²¹. Поэтому совершенно естественно было обращение ряда авторов к разработке таких проектов, в которых в равной степени отразились бы грамматические черты и лексические элементы многих (преимущественно, европейских) языков, т. е. речь идет о создании проектов апостериорного типа. В России такие проекты привлекают к себе внимание энтузиастов в самом конце XIX в. Э. К. Дрезен упоминает, в частности, анонимный рукописный *Projecto de una gramatica de la lingua internacional* (1893 г.), хранящийся в архиве Петербургского эсперантского общества «Эсперо»²² и проект известного деятеля движения за МЯ в России В. К. Розенбергера под названием *Lingu Internasionik* (1895 г.)²³. Относительно последнего, прав-

²¹ Э. Дрезен. Российские попытки..., стр. 319—320.

²² Э. Дрезен. За всеобщим языком, стр. 163.

²³ Там же, стр. 172—173, 257.

да, не совсем ясно, каково отношение этого проекта к разрабатывавшемуся В. К. Розенбергером (и Волапюкской академией) в течение ряда лет проекту языка и д и о м - н е у т р а л ь (Idiom Neutral). Дрезен никаких разъяснений по этому поводу не дает. Можно, однако, предположить, что речь идет об одном и том же проекте, возможно, правда, на разной ступени его разработки.

В 60-х годах XIX в. принципы проекта на ономато-пеической основе разрабатывал Д. Н. Чернушенко. Основные положения своего проекта он изложил в первом издании своей брошюры в 1890 г.: так как живые существа произносят звуки одинаково, эти звуки следует обозначать начертаниями этих существ (например, овца произносит *бе*, следовательно звук [б] надо изображать наподобие овцы и пр.). Профессор Новороссийского (Одесского) университета В. Г. Шерцль считает, что всемирным языком может стать только язык жестов; автор не учел, что один и тот же жест у разных народов может выражать противоположные значения (ср. движение головой из стороны в сторону как знак несогласия у русских и ряда других европейских народов и как знак согласия — у болгар) ²⁴. Принципы этого кинетического проекта В. Г. Шерцль изложил в своих лекциях в университете в 1886 г., а годом позже издал эти лекции отдельной брошюрой. Понимая весьма ограниченные возможности общения таким путем, В. Г. Шерцль признает необходимость разговорного (т. е. звукового) языка, который мыслится ему, как и Д. Н. Чернушенко, созданным на ономатопеической основе.

Среди российских проектов МИЯ XIX в. были и предложения, выдвигающие на роль МЯ национальный язык. В рассматриваемую эпоху это — преимущественно предложения о принятии русского языка общим языком всех славян. Нетрудно заметить, что эта мысль переплетается с имевшей давние традиции и являвшейся для своего времени прогрессивной идеей славянского единства (ср. деятельность Ю. Крижанича). Однако в XIX в. эта идея, в частности, в России, под пером некоторых

²⁴ См.: Р. О. Якобсон. «Да» и «нет» в мимике. «Язык и человек. Сб. статей памяти проф. П. С. Кузнецова (1899—1968)». М., 1970.

исследователей обросла грузом шовинизма и гегемонизма. Так, предлагая русский язык в качестве «общего литературного языка для всех славян»²⁵, В. И. Ламанский писал, в частности, о языковой судьбе южных славян так: «Если бог благословит их образовать федерацию, то общим органом высшей образованности может быть у них только русский язык»²⁶. Русский язык, считал В. И. Ламанский, является единственным средством освободить южных славян от итальянского, немецкого и венгерского духовного влияния; в то же время роль южнославянских языков (в его терминологии — «наречий») он сводил к «местным потребностям»²⁷. Мысль об искусственном создании общего языка из элементов всех славянских языков В. И. Ламанский отвергал.

На роль общелитературного языка всех славян предлагал принять русский язык и А. С. Будилович²⁸, а вслед за ним А. Степович²⁹ и некоторые другие.

Распространению в XIX в. в России идеи МЯ в значительной мере способствовало движение сторонников созданного М. Шлейером в 1879 г. языка волапюк. Именно с волапюка можно говорить о массовом движении за МЯ не только в Европе, но и в России. Волапюк был первым проектом, на примере которого впервые была доказана возможность общения на искусственном языке. Первые листовочного вида пособия по волапюку были изданы для русских в 1884 и 1886 гг. в Австрии и Германии. В России первый учебник этого языка вышел в 1886 г.³⁰, а через год в Москве было организовано первое в России волапюкистское общество (к этому времени волапюкистов в России насчитывалось около 200 чел.). В 1893 г. Волапюкская академия переезжает из Парижа в Петербург; ее президентом становится известный российский интерлингвист В. К. Розенбергер. С 1893 по 1898 г. В. К. Розенбергер выпускал периодическое издание на языке вола-

²⁵ В. Ламанский. Сербия и южнославянские провинции Австрии. (Из записок о славянских землях). СПб., 1864, стр. 41.

²⁶ Там же, стр. 33.

²⁷ Там же, стр. 35.

²⁸ А. С. Будилович. Общеславянский язык, т. II. Варшава, 1892.

²⁹ А. Степович. Вопрос об общеславянском языке в решении А. С. Будиловича. Киев, 1895, стр. 16.

³⁰ И. Холин. Volapük. Всемирный язык Шлейера. Изложение вопроса, грамматика с приложением словаря. СПб., 1886.

пюк — циркуляр академии «Kadem Bevünetik Volapüka» (вышло 45 номеров). Несмотря на чинимые царским самодержавием препятствия к распространению волапюка и преследование сторонников этого языка³¹, к началу XX в. в России было издано свыше полутора десятков учебников волапюка.

Об участии ряда сторонников МИЯ в практическом движении говорит ряд других фактов. Так, в 1884 г. С. И. Барановский едет во Фридрихсхафен на первый всеобщий съезд волапюкистов, где выступает со своим проектом «Идеография». В издававшемся в 1896—1897 гг. в Германии (Гапшвер) журнале «Linguist» деятельное участие принимал В. К. Розенбергер. Журнал ставил своей целью обсуждение проблемы МИЯ и выработку ее окончательного решения.

В последнем десятилетии XIX в. в России организовалось, а затем активизировалось еще молодое, только начавшее набирать силы, движение сторонников языка эсперанто, самый первый учебник которого появился на русском языке в Варшаве в 1887 г. Когда наиболее горячие поклонники этого языка обратились к Л. Н. Толстому с просьбой высказать мнение относительно проблемы МИЯ и эсперанто в частности, великий русский писатель ответил, что путь искусственного создания МИЯ представляется ему «самым разумным и, главное, скорее всего, осуществимым»; эсперанто является «очень легким» для европейцев, для восточных народов, по мнению писателя, потребуется, вероятно, иной язык³².

П Р И Л О Ж Е Н И Е

СВЕДЕНИЯ О ПРОЕКТАХ И ПРЕДЛОЖЕНИЯХ МИЯ, СОЗДАННЫХ В РОССИИ С XVII ДО XX В.

Представленные здесь сведения о проектах и предложениях МИЯ подаются хронологически (в скобках дается условное название проекта), после чего следуют автор (создатель проекта), место создания или издания, иногда — образец текста, библиографические сведения о данном языке.

³¹ Э. Дрезен. За всеобщим языком, стр. 124.

³² Подробнее об этом см.: Л. Н. Толстой. О международном языке. М., 1894.

1. Ruski jezik Ю. Крижанич, Россия, Сибирь.

Образец текста:

Iazika sowerszenóst iest sâmo potřebno orûdie k'mudrósti, i iedwâ né stanowito ice známe. Czím kîy naród îmaet izradnéyiazik, tím prigodnéé i witwornée razprawlyâet remestwâ i wsâkije umítelyi, i promisli. Obîlie besédi, i legotâ izgówora, mnógo pomagâet na mudrich sowétow izobreténie, i na wsâkich mîrnich i rátnich dël lezuée obwerszénie.

Библ.: О. Бодянский. Предисловие к изд. «Грамматично изказание об русском езику попа Йурко Крижанища». М., 1859; Ю. Крижанич. Политика. М., 1965 (Текст на всеславянском языке, стр. 9—368; перевод, стр. 369—692); Gj. Daničić. Gramatika Gjurgja Križanića. «Rad JAZU», t. XVI. Zagreb, 1871; V. Jagić. Život i rad J. Križanića. Zagreb, 1917.

XVIII в.

1788 г.

2. [Философская языковая система с элементами пазиграфии], Ж. П. де Риа, Петербург.

Библ.: J. P. de Ria. Palais de soixante quatre fenêtres, ces fenêtres éclairent au Dictionnaire universel, qui est a la suite de ce magnifique Palais on l'Art d'écrire toutes les langues du monde comme on les parle. Petersburg, 1788.

3. [«Цифровая пазиграфия»] 1797 г. Х. Вольке, Дессау, Германия. Библ.: Ch. H. Wolke. Erklärung wie die wechselseitige Gedanken Mittheilung allen kultivierten Völkern der Erdkreises oder die Pasigraphie möglich und ausüblich sei. Dessau, 1797.

XIX в.

1860 г.

4. [Апостериорно-априорное (микст) предложение], А. Ф. Гримм, Константинополь.

Библ.: N. Eichhorn. Die Weltsprache. Ein neuer Versuch, eine Universal-Sprache mit Zugrundelegung des lateinischen Wort-Stammes zu bilden. Bamberg, 1887, S. 8—15; H. Moser. Grundriss einer Geschichte der Weltsprache. Berlin — Neuwied, 1888, S. 20—24; L. Couturat et L. Leau. Histoire de la langue universelle. 2 éd. Paris, 1907.

1861—1864 гг.

5. [Принципы проекта на ономотонической основе], Д. Н. Чернушенко, Харьков.

Библ.: Д. Чернушенко. Лекции для всемирного языка Волапука. (Стремление к миру, примирение враждующих и соединение противоположностей). Харьков, 1890; второе издание этой брошюры несколько изменено: Лекции всемирного языка Volapüka. (Стремление к миру. Примирение враждующих, соединение противоположностей и разделений.) М., 1891, стр. 12, 41.

1880 г.

6. Всемирно-научный язык, М. Н. Глубоковский, Москва.

Библ.: М. Н. Глубоковский. Всемирно-научный язык, возможность и метод его создания. М., 1880.

1884 г.

7. Идеография, С. И. Барановский, Харьков.
Библи.: *С. Барановский*. Идеография. Общий язык для всех народов. Харьков, 1884; эта же брошюра издана на французском языке.

1886—1887 гг.

8. [Принципы проекта на кинетическо-ономатопеической основе], В. Г. Шерцль, Москва.
Библи.: *В. Шерцль*. Всемирный язык и жестикуляция. М., 1887.

1889 г.

9. Настоящий (живой) всемирный язык, А. Ф. Старчевский, Петербург. Образец текста: Goldsmith's father woz no daut the gud. Doctor Primroz, hum wi oll of os now Swift woz iet aliv, wen thi littl Oliver woz born at Pallas, or Pallas mer, in thi caunti of Longford in Irland.
Библи.: *А. Ф. Старчевский*. Настоящий (живой) всемирный язык. СПб., 1889; *A. Startschewsky*. Die wahre (lebende) Welt-sprache. Autorisierte Übersetzung von Mieskowski. St.- Petersburg, 1890.

1893 г.

10. Франсэзин, А. Лякидэ, С. -Петербург.
Образец текста: Antand tuz, q'on frape?.. Ale var, qi s'et...— Se je, mes! Je sũite a tuz bon jũr! — Ah, mes N! J'et bien ez var tiz! Si asar, je prie tiz! — Mersi, mes, je n'et tro fatige, qaq je bas fer bon promenad.
Библи.: *А. Лякидэ*. Новый всеобщий язык Франсэзин. СПб., 1893.
11. Lingua internacional, автор неизвестен; проект рукописный, Петербург.
О проекте см.: *Э. Дрезен*. За всеобщим языком. (Три века исканий). М.— Л., 1928, стр. 163.

1893—1902 гг.

12. Idiom Neutral, Волапукская академия (и В. К. Розенбергер), Петербург.
Образец текста: In komens Deo kreav siel e ter; e ter esav desert e vaku; e it esav obskur su ter; e spirit de Deo ekstendav se superioru akua; e Deo dikav: Ke lum deveni! E lum deveniav.
Библи.: *Kadem Bevünetik Volapüka*, St. Petersburg, 1893—1898, № 1—45; *W. Rosenberger*. Wörterbuch der Neutralsprache (Idiom Neutral). Neutral-Deutsch und Deutsch-Neutral mit einer vollständigen Grammatik. Leipzig, 1902, 313 стр.; см. полный список изданий на этом языке в кн.: *H. Steiner*. Katalogo pri la kolektoj de Internacia Esperanto Muzeo en Wien. Parto II. Ne-Esperanto-artefaritaj lingvoj... Wien, 1958, стр. 89; *E. Drezén*. Historio de la mondlingvo. (Tri jarcentoj da serĉado). 3-a eld. Oosaka, 1967, стр. 164; *R. Berger*. La question d'une langue universelle. Chapelle — Paris, 1946, стр. 11; *M. Monnerot-Dumaine*. Précis d'interlinguistique générale et

spéciale. Paris, 1960, стр. 173—174; Э. Дрезен. За всеобщим языком. (Три века исканий). М.—Л., 1928, стр. 171—173.

1895 г.

13. Lingu internasionik. В. К. Розенбергер, Петербург; не ясно отношение к проекту под № 12. О проекте см.: Э. Дрезен. За всеобщим языком. (Три века исканий). М.—Л., 1928, стр. 172—173, 257; E. Drezen. Historio de la mondolingvo (Tri jarcentoj da sercado) 3 a eld. Oosaka, 1967, стр. 165.

1896 г.

14. Прометей-Просветитель, Е. Г. Гурия (псевд. «Д-р Н. Новодум»), Киев. Библ.: Д-р Н. Новодум. Новый международный язык «Прометей-Просветитель», вып. 1. Киев, 1896.

НЕИЗВЕСТНАЯ СТРАНИЦА В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИНТЕРЛИНГВИСТИКИ — ЯЗЫК UNIVERSAL (1925 г.)

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

В книге Э. Дрезена по истории мирового языка, на стр. 197 упоминается рукописный проект языка Universal, сообщаются дата и место разработки проекта (1925 г., Харьков — Берлин) и авторство, зашифрованное псевдонимом (Herlen Vamu)¹. Характеристика самого языка исчерпывается словами: «этимологически реформированный эсперанто»².

Никаких других сведений об этом проекте в литературе по интерлингвистике нет. Насколько мне известно, никто иной такими сведениями не располагает. Между тем, проект отличается рядом особенностей и представляет определенный интерес для интерлингвистики.

Авторами этого проекта были известный эсперантист (в 30-х годах — активный деятель SAT) физик Герберт Ильич Муравкин, живший с 1921 по 1933 г. в Берлине, где он сперва учился в университете, а затем работал в исследовательском институте (сохраняя советское гражданство), и автор настоящей статьи, живший в тот период в Харькове.

Проект языка Universal разрабатывался в процессе переписки, с 1923 по 1928 г. (дата 1925 г. — условна). Проект не получил определенного названия и обозначался

¹ В этом издании (*E. Drezén. Historio de la mondlingvo. Tri jarcentoj de serĉado. Leipzig, 1931*) в результате описки или опечатки две буквы псевдонима искажены и введен дефис: «Harleu-Vamu». В том же абзаце имеются и другие опечатки.

² Слово «этимологически» приведено здесь в привычном для людей старшего поколения значении, ныне вышедшем из употребления. В грамматиках того времени «этимологией» назывался раздел, посвященный морфологии и фонетике. Приведенное выражение следует понимать как «морфологически реформированный эсперанто».

в письмах обоих авторов буквами ML (эсп. *mondolingvo*); для него предлагались разные названия. Окончательный выбор названия *Universal* был произведен Г. И. Муравкиным, когда он сообщил Э. Дрезену для его книги данные об этом проекте (вместе с многочисленными справками о других искусственных языках из своей обширной картотеки).

При этом Г. И. Муравкин придумал псевдоним, составленный из начальных слогов имен и фамилий обоих авторов. Об этом он сообщил мне в личной беседе в 1935 г., в Москве.

За основу словаря *Universal* был принят фонд корней эсперанто. Изменения, постепенно вносимые в процессе работы над проектом, охватили значительный круг слов. Однако полный словарь *Universal* не был составлен. Напротив, грамматика этого языка была разработана целиком заново.

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ ЯЗЫКА UNIVERSAL

Как и эсперанто, *Universal* язык апостериорный, но априорные элементы в нем представлены значительно сильнее, чем в эсперанто.

Грамматические формы и способы словообразования строго логичны, однако с непременным соблюдением принципов факультативности всех грамматических средств, функционализма и прагматизма.

В отличие от эсперанто и большинства других искусственных языков, *Universal* — язык не чисто агглютинативный: для словоизменения и словообразования в нем используются не только аффиксы, но и ряд других грамматических средств, как встречающихся в естественных языках, так и совершенно новых (внутрикорневая инверсия).

В *Universal* нет принципиального различия между словообразованием (образованием основ от корней) и словоизменением. Все грамматические средства равноправны. Значительное место занимают также «неправильные», непродуктивные способы словообразования (подобные системе местоимений и наречий в эсперанто с регулярно повторяющимися соответствиями звуков); они полезны только мнемонически: получаемые основы в *Uni-*

versal (как и в эсперанто) рассматриваются как самостоятельные корни.

Алфавит Universal построен на основе МФА, но в отличие от МФА применяются и заглавные буквы. Из МФА взяты все используемые в нем латинские буквы и дополнительно еще пять букв: две для гласных (ǝ, ə) и три для согласных (ǵ, ʒ, ɳ). Беглый гласный ə вставляется для облегчения произношения, когда инверсия или аффиксация приводят к труднопроизносимому сочетанию согласных. Аффрикаты, как и в МФА, изображаются сочетаниями (ts, tʃ, dz, dʒ). Используются диакритические знаки: тильда, как в МФА и португальском языке, — для обозначения носовых гласных (ã, õ и т. д.); знак долготы гласных (â, ê и др.); знак палатализации согласных, как в чешском языке (ň, š и др.).

Общее правило постановки ударения (силового) примерно такое же, как в идо: ударение стоит на гласном (исключая ə), предшествующем последнему согласному. Однако в Universal допускается и сдвинутое ударение, обозначаемое на письме (как в испанском языке). Сдвиг ударения используется, в частности, как грамматический прием.

Все грамматические средства (аффиксы, флексия и др.) факультативны, т. е. могут свободно опускаться. Например: форму мн. числа можно не применять (как в тюркских языках), когда числительное или другое определение указывает на множественность, а также когда множественность ясна из общего контекста, либо не существенна; глагол рекомендуется ставить в безвременной форме, когда время указано наречием, когда оно ясно из контекста (например, в повествовании), либо не имеет значения (ср. естественные языки, в которых формы времени вообще отсутствуют, либо мало употребительны, например, тибето-бирманские).

Все грамматические средства универсальны. В отличие от других языков, спрягать по временам, наклонениям и залогам можно не только глаголы (и прилагательные, как в некоторых естественных языках), но и существительные³. Примеры: ebela 'бывший некогда кра-

³ Идея обогатить язык, спрягая существительное по временам, была высказана А. А. Богдановым в 1908 г.; в своем научно-фан-

сивым', *sanĉa bamba* 'младенец, который будет здоровым', *eĵejo* 'бывший начальник', *urbeo* 'будущий город', *zadonu* 'дай', *zeluso* 'да будет свет'. Образуют формы рода и числа не только существительные и местоимения, но и глаголы и прилагательные — не в порядке согласования с родом и числом существительного, а с особым семантическим оттенком: например, форма мн. числа от основы глагола указывает на многократность действия, а не на множественность действующих лиц (*marmarĵi* 'хаживать'), от основы прилагательного — на множественность признака (*klokloga* 'многоцветный', 'пестрый' от *kloga* 'цветной').

Форма жен. рода (пола) от основы прилагательного или глагола модифицирует значение этой основы, придавая признаку или действию оттенок «женственности». Ср. неупотребительные ныне в эсперанто, но теоретически возможные формы типа *belina* = *ine bela* 'женственно красивый', *plorinas* = *ploras kiel virino* 'плачет как женщина'. Аналогично формы муж. рода от прилагательных и глаголов модифицируют значение основ, придавая признаку или действию оттенок «мужественности».

В *Universal* не предусмотрено никакого согласования по числам и родам (прилагательного с существительным, глагола с существительным-подлежащим и т. д.).

Способы словообразования отвечают следующим принципам: а) замена самостоятельных корней производными словами везде, где это возможно без утраты оттенков значения; б) предпочтение «экономных» способов словообразования, сохраняющих краткость слова.

Именно такую роль играет инверсия корня для получения антонимов (не только строго логических, но и имеющих мнемоническое значение), например: *mega* 'большой' — *gema* 'маленький', *tela* 'далекий' — *leta* 'близкий', *bona* 'хороший' — *noba* 'плохой', *bela* 'красивый' — *leba* 'уродливый' и т. п. В сложных словах

тастическом романе «Красная звезда» он приписал эту особенность «языку марсиан». Как некоторый суррогат времен существительного (в которых явно ощущается потребность) можно рассматривать такие префиксы, как *ex* (во многих европейских языках) и *eks* в эсперанто (для семантически ограниченной категории слов) и такие английские инфинитивы, добавляемые после существительного, как *-to-be*, *-to-come*, которые по существу уже находятся в процессе грамматикализации.

возможна инверсия одного из компонентов: аффикса или одного из корней (simpatu 'сочувствовать' — mispatu 'относиться недоброжелательно'). Вводя инверсию, авторы надеялись устранить существенные недостатки, присущие образованию антонимов с помощью аффиксов (как, например, префиксом mal в эсперанто): удлинение слов, нарушающее правильное соотношение между частотой употребления слов и их длиной (закон всех естественных языков); неравноправность членов пары антонимов; сходность звучания противоположных по значению слов.

Инверсия применяется в языке Universal значительно шире, чем префикс mal в эсперанто⁴. Примеры: deno 'день' — neno 'ночь', fino 'конец' — nino 'начало', kozo 'причина' — zoko 'следствие', medo 'средство' — demo 'цель', masa 'массовый' — sama 'единичный', meza 'средний' — zema 'крайний', nera 'черный' — rena 'белый', donu 'давать' — nodu 'получать', poru 'класть' — poru 'брать', lisu 'говорить' — silu 'молчать', ploru 'плакать' — rolru 'смеяться', grafu 'писать' — faigu 'читать', merku 'продавать' — kremu 'покупать', produ 'производить' — dorpu 'потреблять', stroju 'строить' — joitsu 'разрушать', zea 'этот' — eza 'тот', zena 'тот же' — neza 'другой', za — определенный артикль — az — неопределенный артикль, jen 'да' — nej 'нет'⁵, se 'если' — es 'безусловно', kon 'с' — nok 'без', do 'к' — od 'от', kaj 'также' — jak 'напротив', 'но', al — префикс мужского, la — префикс женского пола и т. д.

Ради экономии самостоятельных корней широко применяются производные сложные слова. В них допускаются стяжения и сокращения (по образцу англ. bicycle → bike и т. п.), например: dennedo → dendo 'сутки', evnedo → evno 'вечер', evdeno → evdo 'утро', evzaro → evzo 'весна', evrazo → evro 'осень' и т. п. В эсперанто только одно из этих понятий выражается сложным словом (tagnokto 'сутки').

⁴ Один из авторов Universal полужутливо предложил для этого языка название «Инверсаль», подчеркивающее большую роль инверсии в его грамматической структуре.

⁵ В Universal в отличие от эсперанто слова «нет» и «не» различаются (как в идо и большинстве естественных языков).

В языке Universal широко представлено непродуктивное словопроизводство при помощи внутренней флексии. Например, *lina* 'длинный', *lana* 'широкий', *lona* 'высокий'; *valdo* 'лес'; *veldo* 'саванна', *vildo* 'степь' и т. д.

Имеется четыре рода: средний, общий, мужской и женский. Средний и общий род существительных (а также прилагательных и глаголов) морфологически не оформляются и различаются лишь лексико-синтаксически. Мужской и женский род всегда обозначает пол, реальный или метафорический.

В системе местоимений (в частности личных) представлены все четыре рода. Например, в 3 л. ед. ч.: *lo* 'оно' (ср. р.), *li* 'он—она' (общ. р.), *al(i)* 'он', *la(i)* 'она'. В 1 л.: *mi*, *am(i)*, *ma(i)* 'я'; во 2 л.: *ti*, *at(i)*, *ta(i)* (фамильярная форма — 'ты') и *vi*, *avi*, *vai* (вежливая форма — 'Вы') общего, мужского и женского рода.

Для образования форм муж. и жен. рода от слов общ. рода (включая фамилии) применяются преф. *al* и *la* (*al-tigro* 'тигр-самец', *latigro* 'тигрица', *al-Dzonson*, *la-Dzonson*) или, альтернативно (для краткости, в ограниченном круге употребительных слов) — инфиксы: *a* перед последним согласным для муж. рода и ударное *á* после него — для женского. Например: *tigro*, *tigar(o)*, *tig-rá(o)* (конечный *o* можно опускать). Очевидно, преф. *al* и *la* образованы тем же способом.

В тех редких случаях, когда необходимо выразить мн. число особой формой, оно обозначается полной или частичной редупликацией (как в японском, австронезийских и др.). Например: *tablo-tablo* → *tatablo* 'столы', *de(n)deno* 'дни' и т. д. Возможно также использование преф. *ni* 'несколько', образованного инверсией числительного *un* 'один'.

Личные местоимения образуют форму мн. числа также редупликацией, либо сложением: *imi* 'мы' (общая форма), *mimi* (экскл. форма), *timi*, *vimi* (инкл. формы фамильярная и вежливая — 'мы с тобой', 'мы с Вами'); *iti*, *ivi* 'вы' (фамильярная и вежливая формы); *ili* 'они' (общ. р.), *alali* (м. р.), *lalai* (ж. р.) и т. д.

Притяжательные местоимения образуются с помощью суфф. *-j-*: *mija*, *tija*, *vija*, *lija*, *alja*, *laja*, *loja* и т. д.

Тот же суффикс используется для образования прилагательных со значением 'принадлежащий', 'относящийся к' и т. п. от существительных, например, *denja* 'дневной'.

Его можно заменить предлогом а: *luso a deno* = *denja luso* 'свет дня = дневной свет'.

В отличие от эсперанто в языке Universal прилагательное, используемое в качестве сказуемого, принимает форму глагола и не требует связки. Напротив, отглагольное определение (причастие эсперанто и многих естественных языков) тождественно по форме прилагательному, используемому в качестве определения.

Таким образом, строго говоря, в языке Universal нет прилагательного и глагола, как отдельных частей речи (хотя они остаются разными семантическими категориями), а имеются две иные части речи — атрибутив и предикатив, образуемые как от основ прилагательных, так и от глагольных основ. Формальные признаки этих частей речи (флексии а и и) одновременно указывают на их различную роль в качестве членов предложения. Примеры: *mega urbo* (= *urbo mega*) 'большой город', *urbo megu* (= *megu urbo*) 'город — большой'; *lampro pendu* 'лампа висит', *penda lampro* 'висящая лампа'; *megéa urbo* 'город, который будет большим', *urbo megéu* 'город будет большим', *urbo emegu* 'город был большим' и т. д.

Предикатив, как особая часть речи, имеется и в некоторых естественных языках, например малайских. В некоторых других языках прилагательное в сказуемом принимает особую (предикативную) форму (например, в немецком и русском — краткая форма прилагательного). В немецком языке эта предикативная форма прилагательного не только обязательна (в отличие от русского), но и отличается от его атрибутивной формы отсутствием категорий рода и числа.

В некоторой степени вербализация предикативного прилагательного возможна и в эсперанто. Например, *li estas malsana* = *li malsanas* 'он болен'; но в аналогичном предложении *li estas sana* 'он здоров' она не принята. И уж совершенно не допускаются в эсперанто выражения типа *la libro bonas* вместо *la libro estas bona* 'книга хороша'.

Поскольку сложное сказуемое с прилагательным в Universal заменяется простым с предикативом, необходимость в связке отпадает. Однако сохраняется сложное сказуемое с существительным. Связкой при этом служит морфема *u*, совпадающая с отличительной концевой флексией предикатива. Пример: *formiko u insekto* 'муравей — насекомое'.

Концевые морфемы атрибутива (а) и существительного (о) также применяются в языке Universal в качестве самостоятельных служебных слов. При этом а служит предлогом, придающим атрибутивное значение существительному (podo a tablo 'ножка стола'). Напротив, о служит вспомогательной частицей, субстантивизирующей предикатив (глагол), т. е. придающей ему значение инфинитива (как частица to в английском языке) или герундия (инфинитив и герундий в Universal не различаются). Например: al gelinu o fargu kaj egnifu o grafu 'он кончил читать и начинает писать'.

Дополнение — существительное и определяющие его атрибутивы (прилагательные) выделяются постановкой тильды (знака назализации гласной) над конечными гласными — флексиями о и а: zedonu zeā librō 'дай эту книгу'. В отличие от концевой флексии п, применяемой в эсперанто и идо, эта форма в Universal выделяет не только прямое, но и косвенное дополнение. Однако подобно концевому п в идо, концевая тильда в Universal является факультативной и может пропускаться везде, где ее отсутствие не приводит к неясности. Например, при «прямом» порядке слов в предложении (подлежащее — сказуемое — дополнение) тильда над конечным о прямого дополнения не обязательна, так как не нужна для понимания: katso vidu birdō = katso vidu birdo 'кошка видит птицу'. Но при обратном расположении слов в предложении, разрешаемом в Universal (как и в эсперанто и в идо), тильда необходима: birdō vidu katso 'птицу видит кошка'.

Частица о, стоящая перед глаголом (предикативом) для его субстантивизации, может принимать тильду для выделения дополнения: zenifu ō grafu 'начни писать'.

Функционализм проекта Universal определяет подчинение морфологии синтаксису и семантике. Прагматизм требует учета принципов экономии и легкой запоминаемости слов и грамматических форм даже в ущерб строгой логичности.

ВАРИАНТ ВСПОМОГАТЕЛЬНОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ЯЗЫКА

(аксиом-вариант)

Аксиом-вариант является проектом международного вспомогательного языка, потребность в котором возрастает с каждым днем по мере бурного роста международных связей.

В отличие от авторов других проектов, мы полагаем, что нет необходимости изобретать особый международный язык, так как его зародыш подсказывается самой жизнью, стихийно развиваясь в язык, понятный всем народам. Интернациональная терминология входит в большинство языков мира, и требует лишь о ф о р м л е н и я в качестве международного вспомогательного языка. Считая это положение аксиомой современной интерлингвистики, мы и именуем наш проект а к с и о м - в а р и а н т о м вспомогательного международного языка.

Помимо интернациональной лексики международный язык может пользоваться следующими средствами пополнения своего корнеслова:

а) заимствования из различных национальных языков слов, получивших международное значение. Наибольший материал дают языки: французский, английский, немецкий, итальянский и «мертвые» языки — латинский и древнегреческий, например: *restoran, otel, portfel, revolver, start, box, feyerverk, zeitnot, forte, piano, lampa, luna*;

б) употребление аффиксов для образования многочисленных производных слов, например: *demontaj, reorganizacia, export, antipatia, transformator, kontrataka, internacional*;

в) идентичная конструктивная система, присущая грамматикам большинства национальных языков, создает благодатную почву и предоставляет широкие возможности для образования условно-фиксированных грамматических окончаний для частей речи: существительных, при-

лагательных, глагольных форм, местоимений, числительных, наречий;

г) образование составных и сложных слов по семантическому принципу, например, от слова *dia* 'день' — дни недели: *primdia*, *sekunddia*, *tercdia*, *kvartdia*, *kvintdia*, *sektstdia*, *septdia*; от слова *vaza* 'сосуд' — *fruktvaza*, *florvaza*, *glasvaza*. Широкое использование таких слов составляет характерную особенность аксиом-варианта.

Грамматические основы проекта аксиом-варианта основаны на следующих принципах: а) предельно упрощенная грамматика; б) логически последовательное словообразование.

Алфавит, предусмотренный аксиом-вариантом, состоит из 27 букв латинского алфавита, хорошо знакомого огромному большинству людей различных национальностей. Каждая из этих букв имеет одно звуковое значение, соответствующее русскому произношению: A a [a], B b [б], C c [ц], D d [д], E e [e], [э], F f [Ф], G g [г], H h [х], I i [и], J j [ж], K k [к], L l [л], M m [м], N n [н], O o [о], P p [п], R r [р], S s [с], T t [т], U u [у], V v [в], Y y [й], Z z [з].

Четыре буквы имеют надстрочные обозначения: Ĉ [ч], Š [ш], Ĥ [г с придыханием], Ў [ы].

L, l перед гласными — мягкие. Y в сочетании с гласными a, o, u образует йотированные звуки: *yahta*, *yurist*.

Черточка над согласным служит знаком мягкости: *šampanĥ* 'шампань'. Двойные согласные не употребляются: *komunizm*, *komisar*.

Ударение в двухсложных словах, как правило, падает на первый слог (*ákva*, *téra*, *lámpa*, *lúna*, *váza*), в многосложных словах ударение не фиксированное.

МОРФОЛОГИЯ

I. Имя существительное (Substantiv)

Как правило, существительное сохраняет звуковую форму того языка, из которого оно заимствовано, и может оканчиваться как на гласный, так и на согласный, например: *akva*, *natura*, *aplomb*, *plac*, *rekord*, *pensne*, *topograf*, *demagog*, *krah*, *alibi*, *sabotaj*, *medik*, *jurual*, *egoizm*, *odekolon*, *kakao*, *galop*, *litr*, *relleks*, *trolleybus*, *prospekt*, *landšalt*, *kenguru*, *motiv*, *boy*, *sintez*, *matč*, *revanš*.

В ряде случаев для обозначения специальности или профессии используются элементы -or и -er: doktor, lektor, konduktor, injener, parikmaher, bubhalter.

К наиболее употребительным суффиксам существительных относятся:

а) -izm и -ist: socializm, patriotizm, altruizm, antagonizm, liberalism, artist, turist, violončelist, lingvist, pesimist и т. д.;

б) -ia и -acia: energia, simpatia, demokratia, operacia, diferenciacia, asociacia, formacia, konfiskacia;

в) -iada: olimpiada, spartakiada;

г) -ant: komersant, orkestrant, oliciant.

Для слов, не имеющих ясно выраженного окончания, целесообразно применять условное окончание -a: lingva, fortuna, dekada, vita, ekonomika, fizika, etika.

Для образования мн. числа употребляется -s для существительных, оканчивающихся на гласный: lingvas, boys, randevus, и -es для существительных, оканчивающихся на согласный: domes, teatres, prospektes, pasajes.

Изменение по шести падежам происходит при помощи предлогов, стоящих перед существительными:

Nominativ — dom

Genetiv — de dom

Dativ — a dom

Akuzativ — la dom

Ablativ — per dom
kon plezir

Prepozitiv — ab dom

Предлог la не употребляется перед местоимениями и числительными.

Для определения пола и родственных отношений целесообразно применять местоимения il 'он' и el 'она'. Например: dog 'собака' — il-dog 'кобель', el-dog 'сука'; kaval 'лошадь' — il-kaval 'жеребец', el-kaval 'кобыла'; mariaj 'брак', 'супружество' — il-mariaj 'муж', el-mariaj 'жена'; pater 'отец' — mater 'мать' — el-mater 'теща'.

Суффикс уменьшительности — -in: dogin 'щенок', kavalin 'жеребенок', prospekt 'улица' — prospektin 'переулок', ambrazura 'отверстие' — ambrazurin 'щель'.

Сложные слова образуются путем слияния двух слов, например:

1) в сочетании со словом *vaza* 'сосуд': *florvaza* 'ваза для цветов', *glasvaza* 'стеклянная ваза', *kuhenvaza* 'кастрюля', *teavaza* 'чайник';

2) в сочетании со словом *sezon* 'сезон': *primsezon* 'весна', *sekundsezon* 'лето', *tercsezon* 'осень', *kvarťsezon* 'зима';

3) в сочетании со словом *eda* 'еда': *matineda* 'завтрак', *diaeda* 'обед', *teaeda* 'чаепитие', *suareda* 'ужин'.

4) в сочетании со словом *tuh* 'платок': *ioztuh* 'носовой платок', *tabltuh* 'скатерть', *dormajťuh* 'простыня', *pedťuh* 'чулок';

5) в сочетании со словом *hronometr* 'часы': *manhronometr* 'наручные часы', *pošhronometr* 'карманные часы', *murhronometr* 'стенные часы' и т. д.;

6) в сочетании со словом *kolie* 'ожерелье': *glaskolie* 'бусы', *dogkolie* 'ошейник', *kavalkolie* 'хомут';

7) в сочетании со словом *štuk* 'штука', 'вещь': *mundštuk* 'мундштук', *pendštuk* 'вешалка' и т. д.

К сложным словам следует также отнести общеизвестные термины, широко употребляемые в языках различных народов: *psihologia*, *fiziologia*, *biologia*, *filologia*, *morfologia*, *zoologia*, *geologia*, *mineralogia*, *gistologia*, *nevrologia*, *geografia*, *fotografia*, *biografia*, *monografia*, *tipografia*, *stenografia*, *biblioteka*, *kartoteka*, *filmoteka*, *filosofia*, *filatelia* и др. С помощью подобных слияний слов можно образовать множество слов. Например, чтобы создать слово для понятия «сено», нужно раскрыть его значение («сухая трава») и образовать составное слово от слов *sekus* 'сухая' и *herb* 'трава' — *sekherb* 'сено'.

II. Имя прилагательное (Adiektiv)

Для имен прилагательных целесообразно установить единое условное окончание *-us* без учета рода и числа: *bonus* 'хороший', *malus* 'плохой', *maksimus* 'большой', *mi imus* 'малый', *plenus* 'полный', *vakuus* 'пустой', *fortus* 'громкий', *piatus* 'тихий', *longus* 'длинный', *brevus* 'короткий', *goldus* 'золотой', *argentus* 'серебряный', *fizikus* 'физический', *intelektus* 'умственный' и т. д.

В предложении прилагательное ставится перед существительным: *bonus ĥomo* 'хороший человек', *bonus ĥomos* 'хорошие люди'; *maksimus dom* 'большой дом', *maksimus domes* 'большие дома' и т. д.

Сравнительная степень (Komparativ) образуется путем употребления перед прилагательными наречий plus или minus: plus bonus 'более хороший', minus bonus 'менее хороший'.

Превосходная степень (Superlativ) образуется путем употребления перед прилагательными наречий maxim или minim: maxim longus 'наиболее длинный', minim longus 'наименее длинный'.

III. Местоимение (Pronom)

Предлагается следующая схема наиболее употребительных местоимений.

Персональные (Personalus): ego 'я', tu 'ты', il 'он', ei 'она', it 'оно', ni 'мы', vi 'вы', ili 'они', iti 'они'.

Притяжательные (Adiektivus): egus 'мой', tuus 'твой', ilus 'его', elus 'ее', itus 'его', nuus 'наш', vuus 'ваш', ilius 'их', itius 'их'.

Вопросительные (Interrogativus) или относительные (Relativus): kvi 'кто', kvod 'что', kvalus 'какой', kvius 'который', kuuyus 'чей', kvantum 'сколько'.

Отрицательные (Negativus): nemo 'никто', nihil 'ничто', nulus 'никакой', nonkuuyus 'ничей', nonkvantum 'нисколько'.

Указательные (Demonstrativus): itus 'этот', itum 'это', talus 'такой', eus 'тот', eum 'то', tantum 'столько'.

Возвратные (Returnalus): se 'себя', suus 'свой'.

Взаимные (Mutualus): unalter 'один-другого', 'друг-друга'.

Неопределенные (Infinitivus): alikvi 'кто-нибудь', alikvod 'что-нибудь', alius 'какой-нибудь', alikuuyus 'чей-нибудь', alikvantum 'сколько-нибудь', obkvi 'кто-то', obkvod 'что-то', obkvalus 'какой-то', obkvius 'некоторый', obkuuyus 'чей-то', obkvantum 'сколько-то', kvi-kvi 'кто бы то ни был', kvod-kvod 'что бы то ни было', kvalus-kvalus 'какой бы то ни был', kuuyus-kuuyus 'чей бы то ни был', kvantum-kvantum 'сколько бы то ни было'.

Определительные (Terminalus): omnius 'каждый', 'всякий', totus 'весь', 'целый', alterus 'другой', 'иной', auto, autus 'сам', 'самый'.

IV. Глагол (Verb)

Как известно, при изучении иностранных языков наибольшую трудность представляет усвоение глагольных форм.

Несмотря на многообразие и сложность глагольных форм, встречающихся в грамматиках различных языков, можно установить наличие единой конструктивной системы основных 15 форм, каковыми являются:

неопределенное наклонение (Infinitiv);

изъявительное наклонение (Indikativ) с тремя временами: настоящее (Prezens), прошедшее (Imperfekt), будущее (Futurum); повелительное наклонение (Imperativ); сослагательное наклонение (Konjunktiv); причастие действительного залога (Particip aktivus) настоящего и прошедшего времени; причастие страдательного залога (Particip pasivus) настоящего и прошедшего времени; деепричастие (Gerundiv) настоящего и прошедшего времени и три особые формы: настоящее неопределенное (Prezens infinitivus); будущее неопределенное (Futurum infinitivus); прошедшее совершенное (Perfekt).

В связи с этим целесообразно для перечисленных форм зафиксировать следующую схему условных окончаний:

Infinitiv	-ere	volere	‘хотеть’
Prezens	-o	volo	‘хочу’
Imperfekt	-i	voli	‘хотел’
Futurum	-u	volu	‘захочу’
Imperativ	-e	vole	‘захоти’
Konjunktiv	ob -i	ob-voli	‘хотел бы’

P a r t i c i p a k t i v u s

prezens	-entus	volentus	‘желающий’
perfekt	-entius	volentius	‘желавший’

P a r t i c i p p a s i v u s

prezens	-emus	volemus	‘желаемый’
perfekt	-emius	volemius	‘желанный’

G e r u n d i v

prezens	-io	volio	‘желая’
perfekt	-ii	volii	‘пожелав’

О с о б ы е ф о р м ы:

Prezens infinitivus habo -ere: ego habo lektēre 'я читаю (вообще)'

Futurum infinitivus esu -ere: ego esu lektēre 'я буду читать'

Perfekt iam: ego iam lekti 'я прочел' или ego lektiam. Ударение не падает на окончание.

Вспомогательные глаголы: habere 'иметь', esere 'быть'. Примеры: ego habo 'я имею', 'у меня есть', tu esi 'ты был', ei esu 'она будет', ni habi 'мы имели', 'у нас было', vi habu 'вы будете иметь', 'у вас будет', ili eso 'они суть', ego habo la biblia 'у меня есть книга', il eso bonus homo 'он хороший человек', omniū homo habo dua pedes 'у каждого человека имеются две ноги', habe 'имей', ese 'будь', vole a ego la sanita 'пожелай мне здоровья', habe ni 'пусть у нас будет', ese luks 'да будет свет', ego ob-parli 'я сказал бы', ni ob-vivi 'мы жили бы'; Homo, viventis in USSR, debeto amurere suns Patria 'Человек, живущий в СССР, должен любить свое отечество'; Volio esere eruditus, ego lekto maksim la diferentus bibliis 'Желая быть образованным, я читаю много различных книг'.

Возвратная форма глаголов образуется с помощью местоимения se и глагола, соединенных дефисом: se-kuŝetere 'ложиться', se-turriere 'вращаться', se-lifetere 'подниматься'.

Безличная форма обозначается путем присоединения через дефис местоимения it к глаголу, стоящему в соответствующем времени: it-parlo 'говорят', it-debeto 'должно', 'надо', it-nol-potento 'невозможно', it-veto 'запрещается'.

Производные глаголы образуются с помощью присоединения предлогов к основному глаголу: ad, de, eks, trans, sub, in, an и др., например, portare 'носить', adportere 'приносить', deportere 'уносить', eksportere 'выносить', transportere 'переносить', subportere 'подносить', i portere 'вносить', anportere 'наносить' и т. д.

Страдательная форма образуется с помощью вспомогательного глагола esere и причастия соответствующего вида: ego eso videmus 'меня видят', tu esi amuremus 'ты был любим', il esu volemus 'он будет желанным'.

V. Числительные (Numeral)

Предлагается следующая схема числительных:

Количественные: *un* 'один', *dua* 'два', *tri* 'три', *kvart* 'четыре', *kvint* 'пять', *sekst* 'шесть', *sept* 'семь', *okt* 'восемь', *nona* 'девять', *decem* 'десять', *decemun* 'одиннадцать', *decemdua* 'двенадцать', *decemtri* 'тринадцать', *decemkvart* 'четырнадцать', *decemkvint* 'пятнадцать', *decemsekst* 'шестнадцать', *decemsept* 'семнадцать', *decemokt* 'восемнадцать', *decemnona* 'девятнадцать', *duadecem* 'двадцать', *tridecem* 'тридцать', *kvartdecem* 'сорок', *kvintdecem* 'пятьдесят', *sekstdecem* 'шестьдесят', *septdecem* 'семьдесят', *oktdecem* 'восемьдесят', *nonadecem* 'девяносто', *cent* 'сто', *duacent* 'двести', *tricent* 'триста', *kvartcent* 'четыреста', *kvintcent* 'пятьсот', *sekstcent* 'шестьсот', *septcent* 'семьсот', *oktcent* 'восемьсот', *nonacent* 'девятьсот', *mil* 'тысяча', *duamil* 'две тысячи', *milion* 'миллион', *miliard* 'миллиард', *bilion* 'биллион' и т. д.

При обозначении сложных числительных употребляется дефис: *duadecem-tri* 'двадцать три', *tridecem-kvart* 'тридцать четыре', *kvintdecem-sekst* 'пятьдесят шесть', *septdecem-okt* 'семьдесят восемь' и т. д.

Составные: *cent kvartdecem-sekst* 'сто сорок шесть', *mil nonacent sekstdecem-okt* 'тысяча девятьсот шестьдесят восемь', *decemkvart mil sekstcent kvintdecem-sept* 'четырнадцать тысяч шестьсот пятьдесят семь' и т. д.

Порядковые: *primus* 'первый', *sekundus* 'второй', *tercius* 'третий', *kvartus* 'четвертый', *kvintus* 'пятый', *sextus* 'шестой', *septus* 'седьмой', *oktus* 'восьмой', *nonaus* 'девятый', *decemus* 'десятый', *decemunus* 'одиннадцатый', *decemduus* 'двенадцатый', *decemtrius* 'тринадцатый' и т. д., *duadecemus* 'двадцатый', *duadecem-primus* 'двадцать первый', *tridecem-sekundus* 'тридцать второй', *centus* 'сотый', *duacentus* 'двухсотый', *milius* 'тысячный', *milionus* 'миллионный' и т. д.

При многозначных числительных порядковым обозначается последнее числительное: *mil nonacent kvintdecem-oktus (ana)* 'тысяча девятьсот пятьдесят восьмой (год)', *kvintmil tricent sekstdecem-kvartus* 'пять тысяч триста шестьдесят четвертый'.

Числительные, обозначающие дробные числа:

duol 'половина', triol 'одна треть', kvartol 'одна четверть', kvintol 'одна пятая', decemunol 'одна одиннадцатая', decemduol 'одна двенадцатая', decemtriol 'одна тринадцатая', duadecemol 'одна двадцатая', centol 'одна сотая', kvartcentol 'одна четырехсотая', miliol 'одна тысячная', milionol 'одна миллионная', tridecem-kvintol 'одна тридцать пятая', cent kvartdecem-sekstol 'одна сто сорок шестая'.

Числительные, обозначающие кратные числа: duobl 'дважды', 'вдвое', triobl 'трижды', 'втрое', kvartobl 'четырежды', 'в четыре раза', kvintobl 'пятью', 'в пять раз', sekstobl 'шестью', 'в шесть раз' и т. д. Примеры: duobl dua eso kvart 'дважды два — четыре', kvintobl kvint eso duadecem-kvint 'пятью пять — двадцать пять', sekstobl sept eso kvantdecem-dua 'шестью семь — сорок два', nonaobl nona eso oktdecem-un 'девятью девять — восемьдесят один'.

С о б и р а т е л ь н ы е: duet 'двое', 'вдвоем', trio (tercet) 'трое', 'втроем', kvartet 'четверо', kvintet 'пятеро', sekstet 'шестеро', septet 'семеро', oktet 'восьмеро', nonet 'девятеро', decemet 'десятеро' и т. д.

Ч и с л и т е л ь н ы е - н а р е ч и я: primum 'во-первых', sekundum 'во-вторых', tercium 'в-третьих', kvartum 'в-четвертых', kvintum 'в-пятых', sekstum 'в-шестых' и т. д.

Nul (zero) 'ноль', 'нуль'.

Для обозначения отделения целого числа от десятичной дроби употребляется слово кома 'запятая': un coma duadecem-kvint 'одна целая двадцать пять сотых', dua coma tri 'две целых три десятых'.

VI. Предлоги (Prepozit)

При оформлении всеобщего языка, естественно, следует использовать наиболее распространенные предлоги из языков: латинского, английского, французского, итальянского, русского, немецкого, испанского и др. Из них предлоги: de, a, la, per, kon, ab употребляются для выражения падежных отношений.

Многие из других предлогов, обычно, используются в качестве приставок к существительным, прилагательным, наречиям, глаголам и другим частям речи.

К наиболее употребительным предлогам следует отнести:

in 'в' («где?»): in teatr 'в театре'
ins 'в', 'на' («куда?»): ins teatr 'в театре', ins koncert
'на концерт'.

an 'на' («на чем?»): an tabl 'на столе'

ans 'над' («над чем?»): ans tabl 'над столом'

am («когда?» для обозначения времени): am suar 'вечером'

ams 'в течение (времени)': ams nokt 'в течение ночи'

ad 'к': ad ego 'ко мне'

da 'от': da nu 'от нас'

eks 'из': eks dom 'из дома'

al 'до': da komans al final 'от начала до конца'

sub 'под': sub tabl 'под столом'

kon 'с': kon kamerad 'с товарищем'

sine 'без': sine finanses 'без денег'

for 'для': for labor 'для работы'

pro 'за': pro sanita 'за здоровье'

ante 'ранее', 'перед': ante eda 'перед едой'

post 'после', 'по': post labor 'после работы', post
final 'по окончании'

bay 'по (причине)': bay pataloga 'по болезни'

super 'по (поверхности)': super tera 'по земле'

avan 'перед', 'впереди': avan ego 'передо мной'

arier 'за', 'сзади': arier vu 'за вами'

pre 'у', 'при', 'около': pre egus frater 'у моего брата', pre tabl 'около стола'

trans 'через': trans prospekt 'через улицу'

inter 'между': inter nu 'между нами'

kontr 'против': kontr agresia 'против агрессии'

ekstra 'вне': ekstra politika 'вне политики'

ultra 'сверх': ultra forses 'сверх сил'

К предлогам, употребляющимся в качестве приставок, следует отнести следующие.

1. Для обозначения обратного действия или явления

de

demontaj 'разборка', degradacia 'понижение', deformacia 'изменение формы', demilitarizacia 'разоружение', dis — перед словами, начинающимися на согласный, dez — перед словами, начинающимися на гласный: disproporcia 'непропорциональность', disharmonia 'негармоничность', diskreditacia 'дискредитация', dezinformacia 'дезинформация', dezorientacia 'дезорientация'

a

anormalia 'ненормальность', amoralus 'аморальность',
apolitikus 'аполитичность', anarhia 'анархия'

sine

sinedomus 'бездомный', sinefinalus 'бесконечный', sine-
laborus 'безработный', sinelegalus 'беззаконный'

re

rekonstrukcia 'перестройка', reorganizacia 'переустрой-
ство', repatriacia 'возврат на родину'

2. Для обозначения совместности

kon

konsonans 'созвучие', konpatriot 'соотечественник', kon-
temporus 'современный', kontakt 'связь'.

3. Для обозначения предварительного действия, по-
нятия или преимущества

pre

preambula 'предисловие', preludia 'введение' prelumi-
narus 'предварительный', prerogativa 'преимущество',
preferans 'предпочтение'.

4. Для обозначения действия, направленного во вне,
а также «бывшего состояния»

eks

eksport 'вынос', 'вывоз', ekstrakt 'вытяжка', ekspresia
'выражение', eksministr 'бывший министр', eksprezi-
dent 'бывший президент'.

5. Для обозначения предметов (и действий), находя-
щихся в положении под другими предметами

sub

subrob 'подкладка', subora 'подушка', subordinacia 'под-
чинение', suportere 'подносить', subskripte 'подпи-
сывать'.

6. Для выражения противоположного понятия

anti

antipatia 'отвращение', antitoksin 'противоядие', anti-
teza 'противопоставление'.

VII. Наречия (Adverb)

При оформлении всеобщего языка наиболее целесообразно заимствование наречий из латинского языка: *kvo* 'где?', *kvando* 'когда?', *kvam* 'как?', *kvantum* 'сколько?', *kvare* 'почему?'.

Перечень наиболее употребительных наречий:

а) места: *kvo* 'где', *adkvo* 'куда', *dakvo* 'откуда', *totkvo* 'везде', *nonkvo* 'нигде', *alikvo* 'где-нибудь', 'где-либо', *obkvo* 'где-то', *kvo-kvo* 'где бы то ни было'; *hik* 'здесь', *hok* 'там', *adhik* 'сюда', *adhok* 'туда', *dahik* 'отсюда', *dahok* 'оттуда';

б) времени: *kvando* 'когда', *tando* 'тогда', *totando* 'всегда', *taumkvando* 'иногда', *nonkvando* 'никогда', *alikvando* 'когда-нибудь', 'когда-либо', *kvando-kvando* 'когда бы то ни было', *obkvando* 'когда-то', 'некогда'; *itdia* 'сегодня', *pastdia* 'вчера', *futurdia* 'завтра', *ithora* 'сейчас', *dum* 'пока', *nun* 'теперь', 'ныне';

в) образа действий: *kvam* 'как', *tam* 'так', *totam* 'всячески', *nonkvam* 'никак', *alikvam* 'как-нибудь', 'как-либо', *kvam-kvam* 'как бы то ни было', *obkvam* 'как-то'; *bonum* 'хорошо', *malum* 'плохо', *viks* 'едва', *viksnon* 'почти'; *andante* 'медленно', *alegro* 'быстро', *vivač* 'живо', *presto* 'быстро', *forte* 'громко', *piano* 'тихо';

г) меры и степени: *maksim* 'много', *minim* 'мало', *maksimum* 'наиболее', *minimum* 'наименее', 'чуть', *magnum* 'очень', *totum* 'совсем', 'всецело', *plenum* 'полностью', 'вполне', *satis* 'достаточно', *rok-a-rok* 'понемногу', *ekvum* 'равно', 'в равной степени', *plus* 'больше', 'более', *minus* 'меньше', 'менее', *ankor* 'еще', *kvantum* 'сколько', *tantum* 'столько', *obkvantum* 'несколько';

д) причины: *kvare* 'почему', *kvia* 'потому-что', *itkazum* 'поэтому', *bay* 'по', 'вследствие'.

Сравнительная степень образуется с помощью наречий *plus* или *minus*.

Превосходная степень — с помощью наречий *maksim* или *minim*, например: *bonum* 'хорошо' — *plus bonum* 'лучше' — *maksim bonum* 'превосходно', 'отлично'; *termum* 'тепло' — *minus termum* 'менее тепло' — *minim termum* 'чуть тепло'.

Как правило, наречия могут образовываться от множества слов, преимущественно от прилагательных, с по-

мощью окончания -um: *kazusum* 'случайно', *vanum* 'напрасно', *rarum* 'редко', *racionalum* 'разумно' и т. д.

VIII. Союзы (Koniunkt)

Предусматривается две группы союзов:

1) связующие, которые связывают отдельные слова, а также равноправные предложения: *et* 'и', *sed* 'но', *vel* 'или', например, *ego et tu* 'я и ты', *ego edo sed tu bibo* 'я ем, а ты пьешь', *am suam ego lecto vel skripto* 'по вечерам я читаю или пишу';

2) подчинительные, соединяющие предложения, из которых одно зависит от другого: *ut* 'что', *utrum* 'чтобы', *si* 'если', *quia* 'так как', *vol* 'хотя'. Примеры: *Ego scio, ut tu es bonus homo* 'Я знаю, что ты хороший человек'; *Ego se-studio, utrum esere eruditus* 'Я учусь, чтобы быть образованным'; *Ego promenadu, si meteora esu bonus* 'Я прогуляюсь, если погода будет хорошая'; *Ego edo, quia ego volo edere* 'Я ем, потому что хочу есть'; *Vol meteora esu pluvius, ego pasaju ins Kolomna* 'Несмотря на дождливую погоду я поеду в Коломну'.

IX. Междометия (Interiekt)

Yes 'да', *no* 'нет', *salve* 'здравствуйте', *salut* 'привет', *vivat* 'да здравствует', *aut* 'долой', 'прочь', 'вон', *ura* 'ура', *vale*, *adie* 'прощайте', *gud-bay* 'до свидания', *ele* 'увы', *ergo* 'и так', *basta* 'довольно', 'хватит'.

X. Частицы (Partitinas)

Вопросительные — *nonne* 'неужели', *es* 'разве', *velnon* 'ли'; усилительные — *iam* 'уже', *nam* 'даже', *id* 'ведь', *sed* 'же', *vuala* 'вот'; ограничительные — *solum* 'только'; отрицательные — *non* 'не'. Например: *Es tuus mater non vivo in Moskva?* 'Разве ваша мать не живет в Москве?'; *Eks flores ego prefero solum la rozas* 'Из цветов я предпочитаю только розы'; *Ego non scio espanus lingua* 'Я не знаю испанского языка'.

СИНТАКСИС (SINTAKSIS)

Простые предложения (*Simplus sentens*) обычно строятся по схеме: подлежащее — сказуемое — дополнение — обстоятельство.

Определение ставится перед подлежащим или перед дополнением.

В вопросительных предложениях сказуемое ставится перед подлежащим.

В отрицательных предложениях частица *non* перед сказуемым не ставится при наличии отрицательных местоимений, предлогов и наречий (во избежание двойного отрицания).

Обстоятельства могут употребляться в начале, середине и в конце предложения, в зависимости от логического акцента.

Примеры простых предложений: *Ego magnum amuro suus mater* 'Я очень люблю свою мать'; *Volo vu bibere la tea?* 'Хотите ли вы пить чай?'; *Medikes rekomendo promenadere ante noktus dorma for konservacia la sanita* 'Врачи рекомендуют совершать прогулку перед ночным сном для сохранения здоровья'.

Придаточные предложения (*Aksesuarus sentens*) соединяются с главным при помощи союзов, местоимений и наречий *ut, utum, si, kvia, kvius, kvod, kvi, kvando, kvo, kvam* и отделяются от главного предложения запятой: *Medikes parlo, ut ĥomo non debeto maksim edere ante dorma* 'Врачи говорят, что человек не должен много есть перед сном'; *Ego defekto de finanses, utum kaufere la televizor* 'Не хватает денег, чтобы купить телевизор'; *Tu potente fiere itum, si tu volo* 'Ты можешь сделать это, если хочешь'; *Il non vizito la teatres, kvia il non habo la tempor for it* 'Он не посещает театры, так как у него нет времени для этого'; *Biblia, kvius ego lekto, eso magnum enteresus* 'Книга, которую я читаю, очень интересная'.

Сложные предложения (*Kompleksus sentens*) могут состоять

1) из нескольких равнозначных, независимых одно от другого предложений, которые: а) соединяются при помощи связующих союзов *et, sed, vel*: *Sola lukso, et ego promenado* 'Солнце светит, и я гуляю'; *Ego lekto, sed il skripto* 'Я читаю, а он пишет'; *Vel ego non intelego vu, vel vu non volo intelegere ego* 'Либо я не понимаю Вас, либо Вы не хотите понять меня'; б) соединяются без союзов: *Ams suar ego returno ins dom, egus frater lekto la biblia, mater dato a ego la eda, pater dormo* 'Вечером я возвращаюсь домой, мой брат читает книгу, мать дает

мне еду, отец спит'; сложные предложения отделяются одно от другого запятыми;

2) из главного предложения и нескольких придаточных предложений: *Ego speranto, ut ventila se-finalu, ut sola novum luksu, ut nu prolongu nuus promenad* 'Я надеюсь, что ветер окончится, что солнце снова засветит, что мы продолжим нашу прогулку';

3) из нескольких придаточных предложений, из которых одно относится к главному предложению, а последующие к предыдущему придаточному: *Ego scio, ut tu habo la biblia, kvius eso nesesus a ego, utum ego potenti se-preparatere for ekzamen* 'Я знаю, что у тебя есть книга, которая необходима мне, чтобы я мог подготовиться к экзамену'.

Возможны бессоюзные сложноподчиненные предложения, носящие характер поговорок: *Se-timidere de vilfes — non irere ins silva* 'Волков бояться — в лес не ходить'; *Si tu se-depeŝu — tu potento yumorere la ĥomos* 'Поспешишь — людей насмешишь'.

В предложениях, помимо главных и второстепенных членов, встречаются грамматически несвязанные с его членами обращения, например, *Parle, kamerad, kvod eso tempor?* 'Скажите, товарищ, сколько времени?', вводные слова: *Gratis vu, ego kaufi itus biblia* 'Благодаря Вам, я купил эту книгу', междометия: *Ele, ego non habo la tempor* 'Увы, у меня нет времени'.

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

Прямая речь выделяется кавычками, причем перед ней ставится двоеточие, а после нее тире: *Frater parli a ego: «ego volo promenadere kon tu* 'Брат сказал мне: «Я хочу погулять с тобой»'; *«Promenade kon ego» — parli a ego frater* '«Пойдем гулять со мной», — сказал мне брат'.

КОСВЕННАЯ РЕЧЬ

Косвенная речь передает прямую речь в измененной форме путем превращения ее в придаточное предложение: *Frater parli a ego, ut il volo promenadere kon ego* 'Брат мне сказал, что он хочет погулять со мной'.

ОБРАЗЦЫ ТЕКСТА

Фразы, поговорки, мысли: Kvi volo edere, eus debeto laborere 'Кто хочет есть, тот должен работать (трудиться)'; Septdiada habo sept dias 'В неделе семь дней'; Septdia eso septus dia de septdiada 'Воскресенье — седьмой день недели'; Itdia ego eso in dom 'Сегодня я дома'; Futurdia nu iru ins koncert 'Завтра мы пойдем на концерт'; Totus planetas se-turno cirkum sola, sed luna se-turno cirkum tera 'Все планеты вращаются вокруг солнца, а луна вращается вокруг земли'; Kuyus eso itus portfel? 'Чей это портфель?'; Kvalus kolorit filo vu? 'Какой цвет Вам нравится?'; Date a ego alius biblia 'Дай мне какую-нибудь книгу'; Alikvi helpu a ego 'Кто-нибудь мне поможет'; Parle a il alikvod 'Скажи ему что-нибудь'; Nemo volo mortere 'Никто не хочет умирать'; Nihil el filo 'Ничто ей не нравится'; Nulus fors potente stopere la rota de istoria 'Никакая сила не может остановить колесо истории'; Vivat Union de Sovietus Socialistikus Respublikas! 'Да здравствует Союз Советских Социалистических Республик!'.
Homo eso arhor de natura

Zoa vivo an tera, ihtia navigo in akva, avis avio in altsfera, sed homo se-mobilo totkvo.

Gratis tehnika homo viktoro la natura.

Il se-mobilo super tera, navido super fluvias, marinas et subakva, avio in altsfera et eksperimento la avia ins kosmos.

Kon kompleksus maŝinas homo kreto la omnipotentus industria et agronomia.

Il kuro ab evolucia de kulturus vita et ab materialus bonsistencia de totus homos.

Homo eso socialus zoa.

Il bokso kontr militarius et agresivus tendencias et sinefatigum propagando la pacifika in totus mond.

Человек — властелин природы

Животное живет на земле, рыба плавает в воде, птица летает в небе, человек же передвигается повсюду.

Благодаря технике человек побеждает природу. Он передвигается по земле, плавает по рекам, морям и под

водою, летает по небу и производит опыты полета в космос.

С помощью сложных машин человек создает мощную промышленность и сельское хозяйство.

Он заботится о развитии культурной жизни и материальном благосостоянии всех людей.

Человек — общественное существо. Он борется против воинственных и агрессивных устремлений и неустанно пропагандирует мир во всем мире.

Sezones de ana

Am primsezon Natura se-veko da kvartsezonus dormia. Tera komanso se-kovrere per floria, agras se-ornamento per flores, baumes se-robo per grinus blates, fluvias se-libero da ays. Dia se-fio plus longus. Temperatura de aer se-alto ab decemkvint graduses.

Am sekundsezon agrafрукtes et fruktes se-naturo. Bria atingo duadecem-kvint — duadecem-nona graduses.

Nokt se-fio plus brevus. Laborores habo la vakacia et repozo in repozdomes vel in sanatoriyes vel in vilas separatum. Am itus period se-utiliziro largum diferentus sortes de sport.

Am tercsezon blates se-jelo et kado da baumes. Avises deavio ins termus landes. In skolas se-komanso ana de studia. Dias se fio plus brevus. Sola lukso, sed minimum termo. Pluvias se-longo ams septdiadas.

Am kvartsezon It-nikso. Se-komanso frostes. Akva se-kovro per ays. Navigacia se-interrompo.

Времена года

Весною природа пробуждается от зимней спячки. Земля начинает покрываться растительностью, поля украшаются цветами, деревья одеваются в зеленые листья, реки освобождаются от льда. День становится более длинным. Температура воздуха повышается до 15 градусов.

Летом овощи и плоды созревают. Жара доходит до 25—30 градусов. Ночь становится более короткой. Трудящиеся получают отпуск и отдыхают в домах отдыха или в санаториях, либо на дачах. В это время года широко используются различные виды спорта.

Осенью листья желтеют и падают с деревьев. Птицы улетают в теплые страны. В школах начинается учебный

год. Дни становятся более короткими. Солнце светит, но мало греет. Дожди длятся неделями.

Зимой выпадает снег. Начинаются морозы. Вода покрывается льдом. Навигация прерывается. Спортсмены ходят на лыжах и катаются на коньках.

Elementes de folklor in kreatia de kompozitor Peter Čaykovskiy

Peter Iliič Čaykovskiy magnum fili la rusus populus kantatas et oft utiliziri iti in suos opuses.

Final de ilus simfonia № 4 (kvartus) esi skriptemus an tema de rusus kantata «In agra albbaum stei», et final de simfonia № 2 (sekundus) an tema de ukrainus kantata «Juravel».

In sekundus part de kvartet № 1 (primus) Čaykovskiy utiliziri la rusus kantata «Sidi Vanya an sofa», kvius il audii in zona de burg Kaluga.

Hor in opera «Eugen Onegin» an verbales «Jam kvam super pont pontina» fio la impresia de originalus rusus kantata, sed, faktum tema de itus hor esi kreatemus per autor de opera. Preter rusus folklor, Čaykovskiy utiliziri in suos opuses etiam la kantates et muzika de alterus populas.

Ekzemplum: in sekundus part de simfonia N 6 (sextus) nu audio la tema de estonius kantata «Kalis Maria»; in koncert for fortepiano № 1 (primus) se-audio tema de frankius kantata «Il-faut s'amuzer, danser et rire».

Omnius kompozitor debeto habere la kontakt kon populus kreatia de suos land et largum utilizirere la temas de populus kantatas in suos opuses. Tando, kompozitor se-fiu popularus in generus land et ilus muzika esu vivere ams longus tempor.

Элементы фольклора в творчестве композитора П. И. Чайковского

Петр Ильич Чайковский очень любил русские народные песни и часто пользовался ими в своих произведениях.

Финал его четвертой симфонии написан на тему русской песни «Во поле береза стояла», а финал второй симфонии — на тему украинской песни «Журавель».

Во второй части квартета № 1 Чайковский использовал русскую песню «Сидел Ваня на диване», которую он услышал в Калужской области.

Хор из оперы «Евгений Онегин» на слова «Уж как по мосту-мосточку» производит впечатление оригинальной русской песни; однако, в действительности, тема этого хора создана автором оперы.

Помимо русского фольклора, Чайковский использовал в своих сочинениях также песни и музыку других народов. Например: во второй части шестой симфонии мы слышим тему эстонской песни «Kalis Maria»; в концерте для фортепиано № 1 слышится тема французской песни «Il-faut s'amuser, danser et rire».

Каждый композитор должен быть связан с народным творчеством своей страны и широко пользоваться темами народных песен в своих произведениях. Тогда композитор станет популярным в родной стране и его музыка будет жить в течение продолжительного времени.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР — СЕКЦИЯ ИНТЕРЛИНГВИСТИКИ

(Доклады и обсуждения, состоявшиеся
в 1964—1973 гг.)

1964 Э. П. Свадост. О едином языке коммунистического общества.

1965 В. П. Григорьев. О предмете интерлингвистики.

1966 Е. А. Бокарев. Современные системы международного языка.

Е. А. Бокарев. О произношении в эсперанто.

1967 Д. Л. Арманд. Транскрипция географических названий в эсперанто.

В. П. Старинин. Черты типологической общности языка эсперанто с семитскими языками.

В. П. Старинин. Лингвистическая характеристика международного языка интерлингва.

1968 И. Сердакейи (Венгрия). Объект интерлингвистики.

Е. А. Бокарев. Ударение в искусственных международных языках

1969 Д. Г. Баев. Проект международного языка аксиом-вариант.

Ч. Х. Бакаев. Армянский язык в роли международного. Обсуждение книги Э. П. Свадосты «Как возникает всеобщий язык».

Б. Колкер. Использование эсперанто в качестве языка-посредника при машинном переводе.

1970 В. Ф. Беляев. Живая латынь в качестве международного языка

- А. М. Лигтгейм.* Принципы построения международного языка солинга.
- М. В. Дьячков.* Пиджины и креольские языки.
- 1971 *М. И. Исаев.* Проблемы языка будущего.
- 1972 *Г. П. Мельников.* Критерии коммуникативного совершенства в естественных и искусственных языках.
- М. И. Исаев.* Интерлингвистические взгляды Е. А. Бокарева.
- М. В. Дьячков.* Взаимодействие креольского языка с языком-источником и языками-субстратами.
- Н. Ф. Дановский.* Изменения в языке эсперанто за последние сорок лет.
- Г. П. Мельников.* Место эсперанто в системной классификации языка.
- С. Н. Кузнецов.* Интерлингвистическая деятельность Рене де Соссюра.
- 1973 *М. С. Писаренко (Херсон).* Международный искусственный язык Панэдо (Доклад С. Н. Кузнецова по материалам автора проекта). Обсуждение проблем фонетического строя в международных искусственных языках.
- Г. Г. Севак (Ереван).* Элементы искусственности и попытки искусственного вмешательства в развитие армянского языка.
- В. Д. Ившин (Калуга).* Циолковский и языкознание.
- В. Л. Глоzman (Запорожье).* Лингвистическая история идо.
- М. И. Исаев.* Сообщение о 58-м Всемирном конгрессе эсперантистов (Белград, 1973).
- С. Н. Кузнецов.* О праясперантских проектах Л. Заменгофа.
- 1974 *М. И. Исаев.* Бокарев как интерлингвист.
- А. Л. Пумпянский.* Научно-техническая революция и язык.
- Д. Л. Арманд.* Воспоминания о Е. А. Бокареве.
- Н. Ф. Дановский.* Проблемы русско-эсперантского перевода.
- Л. И. Василевский.* Неизвестная страница в истории интерлингвистики (язык Универсаль).
- 1975 *С. Н. Кузнецов.* Современное состояние интерлингвистики.
- Д. Л. Арманд.* Сообщение о поездке на 60-й конгресс УЭА.
- Б. В. Токарев.* Ритм и рифма в различных школах эсперантской поэзии.
- Н. К. Рябцева.* Некоторые философские вопросы возможности функционирования МВЯ.
- Н. Ф. Дановский.* О сложных словах в эсперанто.
- Г. А. Короткевич.* Сообщение о поездке ветеранов войны в ГДР в связи с празднованием 30-летия Культурного союза. О встречах с руководителями эсперантских организаций ГДР.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
М. И. Исаев	
Е. А. Бокарев и интерлингвистика	5
 ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРЛИНГВИСТИКИ	
Е. А. Бокарев	
Современное состояние вопроса о международном вспомога- тельном языке (факты об эсперанто)	12
Е. А. Бокарев	
О международном языке науки	21
М. И. Исаев	
Проблема искусственного языка международного общения	26
В. П. Григорьев	
Искусственные вспомогательные международные языки как интерлингвистическая проблема	35
Д. Л. Арманд	
Человечество и океан информации	55
 ТИПОЛОГИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИСКУССТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ	
С. Н. Кузнецов	
К вопросу о типологической классификации международных искусственных языков	60
Д. Бланке	
Пазиграфия (Международная смысловая письменность) . .	79
Н. Ф. Дановский	
Эволюция эсперанто	92
 ИНТЕРЛИНГВИСТИКА И ЛИНГВОПРОЕКТИРОВАНИЕ В РОССИИ	
А. Д. Дуличенко	
Из истории интерлингвистической мысли в России	114
Л. И. Василевский	
Неизвестная страница в истории отечественной интерлинг- вистики — язык Universal (1925 г.)	131
Д. Г. Баев	
Вариант вспомогательного международного языка (аксиом- вариант)	139
Приложение	157

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРЛИНГВИСТИКИ

**типология и эволюция международных
искусственных языков**

Утверждено к печати

Институтом языкознания АН СССР

Редактор издательства **Е. Г. Архангельская**

Художественный редактор **Т. И. Поленова**

Художник **А. Г. Кобрин**

Технический редактор **В. В. Волкова**

Корректоры **Г. И. Джигоева, В. А. Шварцер**

Сдано в набор 14/XI 1975 г. Подп. к печ. 20/II 1976 г.

Формат 84×108¹/₃₂ Бумага № 2

Усл. печ. л. 8,4. Уч.-издат. л. 8,6 Тираж 5000

Тип. зак. 3126

Цена 52 коп.

Издательство «Наука»

103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., д. 21

2-я типография издательства «Наука».

121099, Москва, Г-89, Шубинский пер., 10